ДАВИД БУРЛЮК

НИКОЛАЙ БУРЛЮК

ДАВИД БУРЛЮК
НИКОЛАЙ БУРЛЮК

Санкт-Петербург
2002

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

Гуманитарное агентство
«Академический проект»

ДАВИД БУРЛЮК
НИКОЛАЙ БУРЛЮК

СТИХОТВОРЕНИЯ

Санкт-Петербург
2002

Вступительная статья, составленне,
подготовка текста и примечания
С. Р. КРАСИЦКОГО

ISBN 5-7331-01163-6

ПОЭТЫ БУРЛЮКИ

И стекла широко звенели
На Бурлюков «хо-хо-хо!».
Велимир Хлебников

1

«"Бурлюки", — писал в своих воспоминаниях живописец Аристарх Лентулов, — это уже название собирательное, ставшее в конце концов нарицательным»[1]. Действительно, русское авангардистское движение первой четверти XX века, представлявшее собой совокупность очень разных, зачастую абсолютно противоположных по своим эстетическим взглядам и принципам школ, творческих объединений и отдельных художников и получившее в истории искусства навязанное критикой и в целом, пожалуй, довольно малосодержательное наименование «футуризм» (представители каких течений не мыслят себя художниками будущего?!), с не меньшим основанием могло бы называться каким-нибудь термином, образованным от фамилии «Бурлюк» (например: «бурлюкизм», «бурлючество», «бурлюкисты» и т. д.). Современникам это представлялось вполне закономерным. Так, например, Александр Блок в марте 1913 года писал в дневнике: «Эти дни — диспуты футуристов, со скандалами. Я так и не собрался. Бурлюки (имеется в виду группа кубофутуристов. — *С. К.*), которых я еще не видал, отпугивают меня. Боюсь, что здесь больше хамства, чем чего-либо другого (в Д. Бурлюке)»[2].

Известный театральный деятель Николай Евреинов вспоминал, что «одно время выражение "б у р л ю к а т ь" было принято в наших художественных кругах как terminus technicus*»[3]. Бытовавший в то время «ряд производных речений: бурлюкать, бурлюканье, бурлючье и т. д.», возникший после того, как обозначился «интерес широкой публики к футуризму», и необходимый при разговоре о новейшем искусстве, приводит в своей мемуарной книге «Полутораглазый стрелец» Бенедикт Лившиц[4].

Дело, разумеется, прежде всего, в той грандиозной организаторской роли, которую сыграл в становлении и развитии русского авангарда «отец русского футуризма» Давид Давидович Бурлюк (1882—1967), к тому же являвшийся в глазах общественности, в силу личностных особенностей, своего рода персонификацией футуризма. Но помимо него заметную роль в русском авангардистском движении сыграли его братья — живописец Владимир (1886—1917), поэт и теоретик Николай (1890—1920), а также сестра — художница Людмила (1886—1973). Эпизодически были близки к искусству еще две сестры Бурлюк — Надежда (1895—1967) и Марианна (1897—1982). В целом, для одной семьи более чем солидный вклад. А если учесть частоту появления этой фамилии, особенно в период утверждения и расцвета футуризма, на афишах и страницах периодических изданий (причем не только в репортажах с выставок или книжных рецензиях, но и в сообщениях о скандалах, происшествиях в жизни творческой «богемы»), то количество членов семьи Бурлюков, участвующих в различных художественных акциях, могло показаться еще большим. При этом мог смутить еще и эстетический эклектизм Бурлюков: у посетителей выставки или читателей очередного футуристического альмана-

---

* технический термин *(лат.)*. — *Ред.*

ха вполне могла возникнуть иллюзия, что произведения кого-то из живописцев или поэтов — на самом деле детища разных авторов. Так, Игорь Грабарь после посещения одной из выставок делился своими впечатлениями с читателями журнала «Весы»: «Когда входишь на выставку, то получаешь впечатление, что, кроме Бурлюков, здесь никого нет, и кажется, что их много: десять, может быть, двадцать Бурлюков. Потом оказывается, что их только трое и что один пишет квадратами и цифрами, другой запятыми, а третий — шваброй. При ближайшем рассмотрении тот, который пишет шваброй, оказывается женщиной и притом обладательницей наибольшего таланта. Впрочем, и двое других, несомненно, талантливы и полны того невинного задора, который быстро спадает. Очень долго бурлюкать нельзя. Мне начинает казаться, что такой глагол существует»[5].

В конце концов, свою роль в отождествление фамилии конкретных авторов с наименованием группы сыграла и сама фамилия, довольно необычная, по-футуристически выразительная, «удачная» фонетически и морфологически. (Лившиц писал, что «только флексивные особенности фамилии Маяковского помешали ей превратиться в такое корневое гнездо, каким оказалось слово "Бурлюк"»[6].) Эта фамилия вызывает много звуковых и смысловых ассоциаций, многие из которых, как представляется, вполне соответствовали и ее обладателям (Давиду Бурлюку — уж во всяком случае). В «бурлюке» можно услышать «бур» («бурение») и «бурю», «бурелом» и «бурление», «буран» и «бурлеск» (при желании — «бурлак», «бурдюк», «бардак» и т. д.). Интенсивная фактура этого слова, его богатый (в фонетическом отношении) потенциал не случайно был замечен Алексеем Крученых — поэтом, особенно внимательным и чувствительным к «начертательной и ф о н и ч е с к о й х а р а к т е р и с т и к е»[7] слова:

Афтомобиль бурло
бурлюкотит
в желтой горчке....
(«*Лето городское*»)

Откуда же взялись в русском искусстве начала века эти самые Бурлюки?

Глава семьи Давид Федорович (1856—1915) был известным агрономом, публиковал труды по сельскому хозяйству. Он был «потомком вольных запорожцев, никогда не знавших крепостного права»[8], и, как писал в своих воспоминаниях Д. Д. Бурлюк, такие присущие им качества, как «упрямство, характер, стремление овладеть раз намеченным», сам он, в свою очередь, от отца унаследовал и «во всю свою жизнь в себе <...> чуял»: «Но было упрямство мое направлено к преодолению старого изжитого вкуса и к проповеди, к введению в жизнь нового искусства, дикой красоты»[9].

Людмила Иосифовна (1861—1923), мать братьев и сестер Бурлюк, занималась рисованием. Ее картины Д. Д. Бурлюк неоднократно экспонировал на выставках новейших художников (хотя эти работы были представлены там под ее девичьей фамилией — Михневич, в этом можно усмотреть еще один — пусть незначительный, но несомненный — факт участия семьи Бурлюков в искусстве). По мнению Лившица, именно от Людмилы Иосифовны, обладавшей «некоторыми художественными способностями», ее дети «унаследовали <...> живописное дарование»[10]. Впрочем, тяга сыновей к крайностям творческого экспериментаторства пугала ее:

«— Скажите, серьезно ли все это? Не перегнули ли в этот раз палку Додичка и Володичка? Ведь то, что они затеяли теперь, переходит всякие границы.

Я успокаиваю ее. *Это* совершенно серьезно. *Это* абсолютно необходимо. Другого пути в настоящее время нет и быть не может»[11].

Вообще же, интерес к искусству в семье всячески поощрялся: в доме была хорошая библиотека, часто устраивалось чтение вслух, ставились домашние спектакли.

В 1907—1914 годах семья Бурлюков живет в Чернянке (Таврическая губерния), в устье Днепра: глава семьи служил здесь управляющим Чернодолинским имением графа А. А. Мордвинова. Это был период формирования и активной деятельности важнейшей группы русского авангарда — кубофутуризма. Именно отсюда, из мест, отдаленных от столиц и культурных центров, из древних скифских степей должен был быть нанесен, по мысли будетлян (хлебниковский аналог слова «футуристы»), решающий удар по старому, «отмирающему» искусству. Сюда к Бурлюкам приезжали М. Ларионов, В. Хлебников, А. Крученых, Б. Лившиц. Здесь под воздействием бурлюковской неукротимой энергии, их безграничного энтузиазма возникали важнейшие для грядущего творчества идеи.

Историческое название этой местности — «Гилея» — стало фактически первым наименованием формирующегося течения. Лившиц вспоминал: «Гилея, древняя Гилея, попираемая нашими ногами, приобретала значение символа, должна была стать знамением. <...> Ноевым ковчегом неслась в бушующем враждебном пространстве чернодолинская усадьба, и в ней сросшееся телами, многоголовым клубком, крысьим королем роилось бурлючье месиво. <...> Бурлючий кулак, вскормленный соками древней Гилеи, представлялся мне наиболее подходящим оружием для сокрушения несокрушимых твердынь. <...> Осмысливаемая задним числом, Чернянка оказывается точкой пересечения координат, породивших то течение в русской поэзии и живописи, которое вошло в их историю под именем футуризма»[12].

Из семьи Бурлюков к литературному творчеству непосредственное отношение имели старший и младший

братья — Давид и Николай. И тот, и другой принимали активное участие в футуристическом движении, но их жизненные и творческие пути были во многом различными.

2

Давид Давидович Бурлюк родился на хуторе Семиротовщина Лебединского уезда Харьковской губернии. Семья часто меняла место жительства, поэтому кочевой образ жизни, столь характерный для Д. Бурлюка, стал привычен для него с детства. Весь его жизненный путь отмечен постоянной «охотой к перемене мест»: Россия, Германия, Франция, потом опять Россия (причем не только столицы, а именно «*безмерная* Россия» в ее широчайшем охвате — вплоть до Дальнего Востока), Япония, США, посещение СССР в 1959 и 1965 годах, предпринятое уже в пожилом возрасте кругосветное путешествие — таков географический диапазон биографии «вездесущего Давида»[13] (и в его поэзии мотивы пути, скитания, бездомности — одни из самых постоянных).

О своих ранних литературных впечатлениях и пристрастиях Д. Бурлюк писал в мемуарной книге. Они вполне традиционны: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Шевченко[14]. Первые литературные (прозаические) опыты Д. Бурлюка относятся к началу 1890-х годов. Свое же «Первое стихотворение» автор датирует 1897 годом. Но к регулярному сочинительству он придет позже. Первоначально его творческие намерения были связаны с живописью.

В 1898—1901 годах Д. Бурлюк учится в Казанской и Одесской художественных школах. В 1902-м, после неудачной попытки поступить в Академию художеств, он отправляется в Мюнхен, где продолжает учебу в Королевской Академии у Д. фон Дица и частной художественной школе у А. Ашбе, затем в 1904 году едет в Париж, где

посещает занятия Ф. Кормона. Безусловно, пребывание в европейских центрах художественной культуры было важнейшим этапом в формировании эстетических взглядов Д. Бурлюка, и у него, в отличие от многих начинающих русских живописцев, была возможность непосредственного восприятия новейших открытий европейской живописи. Можно предположить, что тогда же произошло его серьезное знакомство с творчеством виднейших представителей французской поэзии XIX века: Ш. Бодлера, Ж. Лафорга, А. Рембо, Т. Корбьера, М. Роллина, С. Малларме, П. Верлена — авторами, чье влияние на поэзию Д. Бурлюка, да и других русских футуристов, было очень значительным. (В этой связи категорическое утверждение Лившица о том, что именно ему принадлежит решающая роль в приобщении Д. Бурлюка к «сокровищнице французской поэзии»[15], может вызвать некоторые сомнения: их первая встреча состоялась лишь в декабре 1911 года, Д. Бурлюк владел французским языком и вряд ли мог пройти мимо творчества названных выше авторов, живя в Париже и вращаясь в артистической среде.)

В 1907 году Д. Бурлюк возвращается в Россию и сразу же активно включается в здешнюю художественную жизнь. Вскоре он становится одной из центральных фигур в ищущем новых путей молодом русском искусстве. Д. Бурлюк участвует в деятельности группы «Венок — Стефанос», становится одним из организаторов общества «Бубновый валет», в 1908 году публикует листовку-манифест «Голос импрессиониста в защиту живописи». Именно на этом этапе проявился организаторский талант Д. Бурлюка, определивший его исключительное место в истории русского художественного авангарда. Близкий в 1910-е годы к кубофутуристам Виктор Шкловский вспоминал: «И тут из провинции приехал Давид Бурлюк <...>. ...Гениальный организатор, художник большого мастерства, че-

ловек, сознательно изменяющий живопись. Человек в ободранных брюках, одноглазый, остроумный и с лорнетом.

Вот тут и зашумело.

Он ссорил и понимал. И в своем плацдарме в живописи понимал хорошо, соединял, нападал. Ходил в Эрмитаж, зарисовывал мускулы и сознательно писал новое.

Это был вождь»[16].

«Давид Бурлюк с поразительным, безошибочным чутьем сплотил вокруг себя те силы, которые могли способствовать развитию движения в искусстве», — писал музыкант и живописец Михаил Матюшин[17].

Действительно, нужно было обладать уникальной харизмой, иметь огромный авторитет, необычно чуткое и четкое понимание стоящих перед современным искусством задач, а также способов их решения, быть виртуозным психологом и дипломатом, чтобы суметь сплотить вокруг себя и направить в определенное русло деятельность таких выдающихся художников, как В. Хлебников и В. Маяковский, А. Крученых и К. Малевич, П. Филонов и В. Татлин, и многих других, — и при этом еще и самому не оказаться в тени, а наоборот, возглавить художественное движение, стать по сути дела его лицом, символом. «Своей непривлекательной внешностью он даже как будто гордился и, подчеркивая ее недостатки, сублимировал их в свой особый стиль», — вспоминал Лившиц[18]. Тучность, вальяжность, вызывающая манера одеваться, серьга в ухе, отсутствие одного глаза (второй выбил в детстве во время драки младший брат Николай), непременный лорнет в руках (по утверждению Д. Бурлюка, принадлежавший когда-то наполеновскому маршалу Даву), сквозь который он равнодушно рассматривал возмущающуюся публику, приходившую на выставки, лекции и поэтические вечера освистать и осмеять футуристов, разрисованное лицо, «чудовищные» стихи, неслыханные реплики в отношении, каза-

лось бы, незыблемых авторитетов в искусстве («Пушкин — мозоль русской жизни»[19]; Толстой — «светская сплетница»[20], и т. п.) — таков был Д. Бурлюк, и таков был, по мнению многих, русский футуризм.

Без сомнения, среди выразительных фигур русского авангарда личность Д. Бурлюка была одной из самых заметных. В какой-то степени в восприятии современников именно личностные качества «прекрасного Бурлюка»[21] определяли его место в текущей художественной жизни. Газетных репортеров, падких на всякого рода сенсационные события, воспринимающих деятельность русских футуристов не иначе как провокационные, эпатирующие выходки хулиганов от искусства, меньше всего интересовали эстетические тонкости живописи и поэзии Д. Бурлюка и К°. В 1913-м—первой половине 1914 года сообщения о новых «акциях» будетлян буквально наводняли газетные и журнальные страницы, стали постоянным материалом для хроники художественной жизни, а чаще — разделов чрезвычайных происшествий. В некоторых изданиях материалы о них появлялись так часто, что можно было говорить о существовании постоянных рубрик, что-то вроде: «У наших футуристов»[22]. Но именно так — в нигилистическом отрицании «авторитетов», в агрессивном провоцировании самодовольного и «самодостаточного» русского буржуа, в пренебрежении к существующим правилам и нормам в жизни и искусстве — поначалу утверждали себя молодые русские художники. Сама жизнь как бы становилась частью искусства, а искусство, в свою очередь, было призвано видоизменять эту жизнь на новых, по-настоящему прогрессивных, в буквальном смысле *футуристических* началах. Это и было «сверхзадачей» деятельности будетлян.

Именно поэтому футуристы под предводительством Д. Бурлюка попытались совершить экспансию во все виды

искусства, именно этим и объясняется их эстетическая «ненасытность». Одним из стихотворных манифестов движения можно считать знаменитое стихотворение, в котором немногие узнали переложение стихотворения А. Рембо «Праздник голода», хотя Д. Бурлюк и не скрывал этого (при первой публикации оно имело заглавие «и. А. Р» — «из Артюра Рембо»):

Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Так идите же за мной...
За моей спиной...

В этом почти «чертовском голоде», в желании «*кушать*» и «*лопать*» все, включая «*пустоту* / глубину и высоту», — общий пафос футуристического движения с его максималистскими задачами и устремлениями. Но, с другой стороны, это стихотворение декларирует жизненное и творческое кредо самого Бурлюка, в том числе, подчеркивает его особое место в футуризме («Так идите же за мной...»). Что же касается физиологической образности, то это одна из основных особенностей его поэтики. Лившиц в своих воспоминаниях писал о «всеядности Бурлюка, так исчерпывающе выраженной им в свободной интерпретации стихотворения Рембо <...>, всеядности, проявлявшейся даже в его разрушительных тенденциях, в огульном и потому безобидном иконоборстве»[23]. Об этой же бурлюковской «всеядности» размышлял в своих мемуарах Крученых: «Давид Бурлюк — фигура сложная. Большой, бурный Бурлюк врывается в мир и утверждается в нем своей физической полновесностью. Он широк и жаден. Ему все надо узнать, все захватить, все слопать. <...> Он хочет все оплодотворить. Ему нравится все набухшее, творчески чреватое. <...> Когда Бурлюку не хватает пищи или вещей, он готов их выдумать сам. Он делает это величе-

ственно и наивио, как делают дети, еще не искушеиные в масштабах нового для иих мира и создающие свою фантастическую реальность»[24]. Тот же Крученых давал своеобразное психо-физиологическое объяснеиие этой особеиности Д. Бурлюка, столь явной и в его творчестве: «Несмотря на вполие сложившийся характер с резким устремлением к иоваторству, к будетляиству, несмотря на осторожиость во многих делах, а порой даже хитрость, — Бурлюк так и остался большим шестипудовым ребенком. Эта детскость, закрепленная недостатком зрения, все время особым образом настраивала его поэзию. Своеобразная фаитастичность, свойственная слепоте и детству, были основным направлением, лейтмотивом в стихах Бурлюка.

Попробуйте, читатель, деиь-другой пожить с одним только глазом. Закройте его хотя бы повязкой. Тогда половииа мира станет для вас теневой. Вам будет казаться, что там что-то иеладно. Предметы, со стороны пустой глазной орбиты неясно различимые, покажутся угрожающими и неспокойными. Вы будете ждать иападеиия, начиете озираться, все стаиет для вас подозрительиым, неустойчивым. Мир окажется сдвинутым — настоящая футуркартина»[25].

Своеобразие личности Д. Бурлюка неизмеино воплощалось в его поэтических и живописиых опытах. По воспомииаииям Евреинова, даже иа его собственном портрете, написанном с натуры главой кубофутуристов, сам «Давид Бурлюк, тяжеловесный, плечистый, слегка согбеиный, с выражением лица, отнюдь ие чарующим, иемножко неуклюжий, хоть и не без приязни к грациозничанью, "легкости", дэндизму (— его знаменитый лорнет, сюртук, кудлатые после завивки волосы и пр.), его степенный характер, далекий от безыдейного вольничанья, деловитость, чисто русская прямота в связи с чисто французской (наносной)

заковыристостью, его грубость, так странно вяжущаяся с его эстетизмом, его, выражаясь пословицей — "хоть не ладно скроен, зато крепко сшит", его, — наконец, то исключительно для него отличительное, но непередаваемое, невыразимое на словах, что всякий из нас знает (имею в виду друзей Бурлюка), как индивидуально-Бурлюковское, и что составляет, если не его charme, то во всяком случае оригинально-привлекательное, — все это <...> нашло свое полное, свое полнейшее выражение...»[26] Что же говорить о лирической поэзии!

Но была в Д. Бурлюке и другая сторона. Об этом писал в своих воспоминаниях Лентулов: «По натуре Бурлюк был семьянин-обыватель, не стремящийся к роскоши. Он был очень неприхотливым, очень экономным человеком и никогда не позволял себе ничего лишнего, экономя средства, выдаваемые папашей»[27]. В какой-то степени и формирующаяся группа кубофутуристов, видимо, мыслилась Д. Бурлюком как некая художественная «семья», «отцом» которой он в конечном счете и стал. Это часто проявлялось и на житейском уровне. Лившиц вспоминал, как его поразило то, что при первой же встрече Д. Бурлюк именно по-отцовски назвал его «деточкой»: «Мне шел двадцать пятый год, и так уже лет пятнадцать не называли меня даже родители. В устах же звероподобного мужчины это уменьшительное "деточка" мне показалось слуховой галлюцинацией»[28]. Но значительно большее значение имело это блестящее выполнение Д. Бурлюком «родительских» обязанностей при формировании сплоченной футуристической группы. «Давид же прежде всего был превосходный организатор и отнюдь не собирался замыкать наше движение в тесные пределы маленького кружка, — писал тот же Лившиц. — Постоянное тяготение к экспансии отлично уживалось в нем со взглядом на собственную семью как на средоточие все-

ленной: его повышенное родовое чувство безболезненно включалось в систему центростремительных сил, вызвавших к жизни русский футуризм...»[29]

Одно из самых значительных открытий Бурлюка — Маяковский-поэт. «Маяковского он поднес на блюде публике, разжевал и положил в рот. Он был хорошим поваром футуризма и умел "вкусно подать" поэта», — писал позже Вадим Шершеневич[30]. Это подтверждал и сам Маяковский: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом»[31].

С Велимиром Хлебниковым Д. Бурлюк познакомился в 1908 году. Его роль в сохранении и издании произведений Председателя Земного Шара трудно переоценить. И хотя издательская практика Д. Бурлюка не всегда удовлетворяла Хлебникова (так, в 1914 году он выступил с «Открытым письмом», в котором выразил свое возмущение тем, что «Бурлюками» без его ведома были опубликованы «никуда негодные», предназначенные «отнюдь не для печати» стихотворения[32]), кто знает, какие хлебниковские шедевры так и не увидели бы свет, если бы не этот бурлючий «произвол»! Упрекавший Д. Бурлюка за излишние, с его точки зрения, практичность, рационализм, «головную выдумку»[33], романтик и мечтатель Хлебников, однако, в одном из своих «предложений» высказывал идею «основать мировое правительство украшения земного шара памятниками, работая над ними, как токарь», и, среди прочих фантастических проектов, украсить Анды «головой Бурлюка»[34]. Им же был создан грандиозный поэтический портрет соратника по «будетлянским сечам»:

С широкой кистью в руке ты бегал рысью
И кумачовой рубахой
Улицы Мюнхена долго смущал,

Красиощеким пугая лицом.
Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой
С черноземов России».
Ты хохотал,
И твой трясся живот от радости буйиой
Черноземов могучих России.
Могучим «хо-хо-хо!»
Ты иа все отвечал, силы зиая свои.
Одноглазый художиик,
Свой стеклянный глаз темной воды
Вытирая платком иосовым и говоря «Д-да», —
Стеклом закрывая
С черепаховой ручкой.
И, точно бурав,
Из-за стеклянной броии, из-за окопа
Виимательио рассматривая соседа,
Сверлил собеседника, говоря недоверчиво: «Д-да».
<...>
Ты, жириый великаи, твой хохот прозвучал по всей России.
И, стебель днепровского устья, им ты зажат был в кулаке,
Борец за право народа в искусстве титаиов,
Душе России дал морские берега.
<...>
Долго ты ходы точил
Через курган чугуииого богатства,
И, богатырь, ты вышел из кургана
Родины древней твоей.

(«Бурлюк», 1921)

Другой поэтический «мемуар» о Д. Бурлюке находим в поэме Николая Асеева «Маяковский начииается» (1950):

То смесь была
странного вкуса и сорта

из магмы
еще ие остывших светил;
рожденный по виду
для бокса,
для спорта,
он
тонким искусствам
себя посвятил.
Искусствеиный глаз
прикрывался лорнеткой;
в сарказме изогнутый рот
напевал,
казалось, учтивое что-то;
ио едкой
иасмешкой
умел убивать наповал.

«Бурлюку было лет тридцать, — вспоминал Шкловский. — Ои пережил увлечение Некрасовым. Очень много прочел, очень много умел и уже не знал, как надо рисовать. Умение лишило для него всякой авторитетности академический рисунок. Он мог нарисовать лучше любого профессора и разлюбил академический рисунок.

Он много слышал, много видел, уши его привыкли к шуму, глаз к непрерывному раздражению. <...> Ои знал Хлебиикова, человека из Астрахани, поэта и философа, ои знал авиатора с Камы — Василия Каменского. Он внал Гуро-прозаика. <...> А главиое — Бурлюк был теоретиком, он знал, как можно экспериментировать...»[35] В этом смысле показательно, что, далекий от использования в своей поэзии заумного языка — крайнего проявления лингвистических экспериментов кубофутуристов, — именно Д. Бурлюк подсказал Крученых идею создания первого заумного стихотворения, осознавая, по-виднмому, что эта работа — как раз для «дичайшего» (по самоопределе-

нию[36]) из поэтов, который действительно блестяще справился с задачей. Крученых вспоминал: «В конце 1912 г. Д. Бурлюк как-то сказал мне: "Напишите целое стихотворение из 'неведомых слов'". Я и написал "Дыр бул щыл", пятистрочие, которое и поместил в готовившейся тогда моей книжке «Помада» (вышла в начале 1913 г.)»[37].

Но в «дарении» творческих идей, в постоянной заботе о менее практичных в житейском плане товарищах, в том, что первая персональная книга Д. Бурлюка появилась только в 1919 году, когда футуристическое движение уже явно пошло на убыль, вряд ли можно увидеть лишь альтруистическое попрание собственных интересов и бескорыстное служение искусству. Человек по-своему рациональный и прагматичный, он, видимо, вполне трезво оценивал свои творческие способности в живописи и поэзии. «Себя считая, конечно, талантом, Бурлюк умел держаться во втором ряду», — вспоминал Шершеневич[38].

Летом 2000 года в Русском музее была организована выставка «Русский футуризм и Давид Бурлюк», и уже современные зрители могли увидеть, как в целом «невыигрышно» (при всех их безусловных достоинствах) смотрятся полотна живописца, чье имя было вынесено в название экспозиции, рядом с работами Гончаровой, Ларионова, Малевича, Филонова, Татлина, Розановой — художников, чье творчество во многом определило пути русского изобразительного искусства XX века. То же — в поэзии. Как поэт Бурлюк, разумеется, несравним по масштабу с Хлебниковым и Маяковским, он не так эффектен, как Каменский, не так последователен и убедителен в своих научно-поэтических изысканиях, как Крученых, не так одухотворен и лиричен, как Гуро. Но «можно рукопись продать». Материальная сторона искусства была отнюдь не чужда «коммерсанту Бурлюку»[39]. Он прекрасно понимал,

что в какой-то момент на футуризм в России возникла мода, что необычайные по оформлению (преимущественно — литографированные) книги будетляи стали весьма ходким товаром, что скандалы, сопровождающие публичные выступления футуристов, только разжигают к ним дополнительный интерес, что утверждение Хлебникова в качестве «**гения — великого поэта** современности», который несет «**Возрожденяе Русской Литературы**»[40] — весьма удачный рекламный ход и для всей группы. И все это может принести (и приносило!) неплохие дивиденды. Все это говорится, разумеется, не в упрек Д. Бурлюку. Ведь в этом тоже можно усмотреть проявление трезвого практицизма главы «семейства».

Первые стихотворные произведения Д. Бурлюка были опубликованы в двух альманахах, увидевших свет в Санкт-Петербурге весной 1910 года и фактически ознаменовавших рождение русского литературного футуризма (само название движения установилось позже). Это были сборники «Студия импрессионистов» и «Садок судей». «Студия...», выпуск которой был инициирован Н. И. Кульбиным — одной из важнейших фигур в русском левом искусстве начала века, по подбору авторов и художественному решению явилась изданием довольно эклектичным (правда, среди опубликованных здесь произведений были важная статья Кульбина «Свободное искусство как основа жизни» и этапное для новейшей русской поэзии стихотворение Хлебникова «Заклятие смехом»). Выход в свет «Садка судей», содержащего, по словам Д. Бурлюка, «новые словеса, зародыши, сперму новой русской литературы, души века предзнаменья революционного»[41], явился действительно вехой в истории русского авангарда. В нем были опубликованы значительные произведения Хлебникова, Каменского, Гуро, братьев Бурлюков; в текстах были сознательно допущены серьезные отступления от

существовавших орфографических и синтаксических норм (в дальнейшем это станет одиим из важнейших качеств издательской практики футуристов); отпечатанный на дешевых обоях, этот сборник явно диссонировал с респектабельными изданиями признанных литературных мэтров — и это тоже было принципиально. Но важнее, видимо, было другое. В «Садке судей» представители нового литературного движения впервые предстали перед читающей публикой сплоченной группой, нацелеиной решать крупные, еще, возможно, самим поэтам до конца не ясные творческие задачи. Это была книга-манифест, чье перспективное значение, по свидетельству Каменского, вполне осознавалось ее авторами, считавшимн, что они кладут «гранитный камень в основание "новой эпохи" литературы»[42].

Группа будетляи в своем боевом и относительно устойчнвом составе сложилась к весне 1912 года. А в декабре того же года увидел свет знаменитый альманах «Пощечина общественному вкусу», открывавшийся задиристым манифестом, самым известным и цитируемым (вплоть до нашего времеии) требованием которого было: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности»[43]. Манифест был подписан четырьмя именами. Первым стояло: «Д. Бурлюк». (В мемуарах футуристов приводятся разнящиеся между собой версии рождеиия манифеста, однако решающая роль Д. Бурлюка в этом событии несомненна.) «Пощечииа оказалась достаточио звонкой: перепуганная обывательская критика завопила о "хулиганах в желтых кофтах" и т. п. А "хулиганы" проходили мимо критики и делали русскую литературу», — вспоминал Крученых[44]. Русский футуризм заявил о себе «во весь голос».

1913-й — первая половина 1914 года — период расцвета кубофутуризма, пафосный этап его истории, время его шумной славы. Увидели свет футуристические аль-

манахи с вызывающими заглавиями: «Требник троих», «Дохлая луна», «Затычка», «Рыкающий Парнас» и др., а также персональные сборники участников движения. В Москве, Петербурге, а потом и во многих городах России проходили публичные выступления будетлян, собиравшие полные залы; устраивались художественные выставки. В декабре 1913 года в петербургском театре «Луна-парк» были представлены будетлянские спектакли: трагедия «Владимир Маяковский» и опера Крученых — Матюшина — Малевича «Победа над солнцем».

Можно предположить, что и для «отца русского футуризма» это был во многих отношениях кульминационный период жизни и творчества. Потому что это именно он издавал многочисленные будетлянские книги. Он был организатором выступлений футуристов, в том числе турне по югу России зимой 1913—1914 годов (за что вместе с Маяковским был исключен из Московского училища живописи, ваяния и зодчества). Его имя в постановлении «Первого всероссийского съезда баячей будущего (поэтов-футуристов)» называлось среди тех «речетворцев, художников», которые своими спектаклями намеревались «устремиться на оплот художественной чахлости — на Русский театр и решительно преобразовать его»[45].

Но был еще и поэт Д. Бурлюк и Д. Бурлюк-живописец, именно своим, личным творчеством утверждавший новое искусство.

Вообще, связь между живописью и поэзией в русском футуризме, а особенно в самой боевом его крыле — в группе кубофутуристов — носила принципиальный, программный характер. При этом приоритетная роль отводилась именно живописи (причем живописи левой, эстетически радикальной), поэзия же во многом ориентировалась на ее приемы, хотя и проявлялось это у участников движения по-разному. Многие футуристы отдавали дань

обоим видам искусства. Оставаясь по преимуществу поэтами, в той или иной степени занимались живописью Маяковский, Крученых, Хлебников, Каменский. Художники Филонов, Малевич, Розанова, Ларионов писали стихи. Знатоками и ценителями живописи были Лившиц и Н. Бурлюк (последнему, в частности, принадлежит статья о творчестве его брата Владимира[46]). В творчестве Е. Гуро живопись и литература существовали на паритетных началах. То же можно сказать и о Д. Бурлюке. Он и сам настаивал: «...Я — равно и поэт и художник. <...> ...Эти две стороны моего творчества взаимно дополняются. <...> То, что я смотрю на мир как художник, формует по-особому мой облик, облик поэта»[47]. И с этим утверждением нельзя не согласиться. Влияние живописи на поэзию Д. Бурлюка, точнее — живописную основу его поэзии, можно увидеть на многих уровнях. В большинстве своем поэтические произведения Д. Бурлюка очень визуальны, пластичны, в них изобразительные элементы, описательность, «живописность» безусловно доминируют, а лирическая медитация, умозрительность, отвлеченность, скорее, вторичны и обычно порождаются именно воспроизводимой «натурой». Многие стихотворения и производят впечатление на скорую руку сделанных эскизов, набросков, зарисовок, не подвергшихся впоследствии какой-либо доработке. Д. Бурлюку важнее передать живое, непосредственное впечатление от увиденного, преобразовывая и интерпретируя наблюдаемый материал в соответствии с решаемой творческой задачей. Поэтому, как кажется, в большинстве случаев ему вполне достаточно того, что он может видеть вокруг в момент создания поэтического текста. По стихотворениям Д. Бурлюка в большинстве случаев можно почти безошибочно определить, где в момент их написания находился автор (город, сельская местность, морское побережье и т. д.), в какое время года они были

написаны. В России Д. Бурлюк пишет о России, в Японии — о Японии, в Америке — преимущественно об Америке. В его произведениях не случайно так много всякого рода транспортных средств (поезда, пароходы, «собвей») — путешествия, передвижения всегда предполагают интенсивность наблюдений и впечатлений, столь важную для живописцев. Это подтверждают и воспоминания Лившица, однажды ставшего свидетелем того, как Д. Бурлюк сочинял стихи в поезде: «Время от времени Бурлюк вскакивал, устремлялся к противоположному окну и, вынув из кармана блокнот, торопливо что-то записывал. Потом прятал и возвращался.

Меня это заинтересовало. Он долго не хотел объяснить, но в конце концов удовлетворил мое любопытство и протянул мне один из листков. Это были стихи. Крупным, полупечатным, нечетким от вагонной тряски почерком были набросаны три четверостишия»[48].

Многие стихотворения Д. Бурлюка тяготеют к живописи в жанровом отношении. У него можно найти поэтические пейзажи: сельские («Это серое небо...», «Пейзаж»), городские («Ночные впечатления», «Над Вульвортом утро сегодня раскисшее...»), морские («Марина», «Море»), даже «фабричные» («Фабричный ландскеп»); портреты («Садовник», «Зазывая взглядом гнойным...»), ню («Похоти неутоленные»), натюрморты («На столе — бокал и фолиант...»), картины мифологические («Хор блудниц», «Брошенные камни», «Картина») и исторические («Вновь», «Всего лишь двести лет назад ...»), гротескные сюжетные зарисовки («Не девочка а сексуал скелет...», «Негр упал во время пересадки на асфальт...») и т. д.

Очевидный художественный эклектизм Д. Бурлюка позволял ему создавать свои поэтические произведения в разных художественных манерах, в соответствии с различными, зачастую весьма далекими друг от друга художе-

ственными методами (то же мы опять-таки находим в его живописи: импрессионизм, экспрессионизм, кубофутуризм, примитивизм, даже соцреализм — особенно в американский период — и т. д.), хотя при этом особой эстетической экстенсивности поэзия Д. Бурлюка в целом не производит. Многие его картины вполне могли бы стать выразительными иллюстрациями — по теме, по жанру, по методу — к его собственным стихотворениям. Например, постимпрессионистические (под Ван Гога) пейзажи Д. Бурлюка конца 1900-х—начала 1910-х годов («Утро. Ветер», «Пейзаж с деревьями» и др.) вполне соотносимы с такими, например, стихотворениями этого же периода, как «Играл в полях пушистым роем туч...» или «Ветер». (Кубо)футуристические полотна (знаменитый «Мост. Пейзаж с четырех точек зрения») очевидно перекликаются с некоторыми образцами его урбанистической поэзии («Ваза», «Любитель ночи»), а «японские» картины 1921—1922 годов («Японская деревня», «Огасавара») — с «японскими» же стихотворениями («Огасавара (БОНИН)», «Ворота храма в Японии») и т. д.

Как и свойственно живописцу, у Д. Бурлюка было прекрасное чувство цвета. Показательно в этом отношении, что первые опубликованные его стихотворения — в «Студии импрессионистов» — имели непритязательные «колористические» заглавия: «Праздно голубой», «Зеленое и голубое». В духе фовизма Д. Бурлюк «живописует» в своих стихах «зеленые стада», «голубое поле», «желтые реки», «зеленые луны». Цветными у него становятся даже явления фонетического характера: «синий голос», «серый напев», «ОРАНЖЕВЫЙ <...> крик» и т. д.

Но, думается, как для Д. Бурлюка, так и для других кубофутуристов более важным и перспективным с точки зрения художественного новаторства был еще один аспект методологических взаимоотношений живописи и поэзии,

ибо в нем нашла свое воплощение убежденность будетлян, что в современном искусстве главное не *«что»*, а *«как»*. Они напрямую переносили технические, именно живописи свойственные качества, на искусство слова. Так, например, звук соотносился с краской (цветом), хотя единого мнения на конкретное соответствие первоэлементов различных видов искусств у футуристов не было. Хлебников закреплял за звуками определенные цвета и, как в знаменитом стихотворном портрете «Бобэоби пелись губы...», мог создавать существующие «вне протяжения» живописно-звуковые картины. Об этом же писал Кульбин: «Цвет (р — красное, ж — желтое и т. д.), но не в смысле живописи»[49]. 24 марта 1913 года в Троицком театре в Петербурге на организованном художественным обществом «Союз молодежи» диспуте «О новейшей литературе» Д. Бурлюк выступил с докладом на тему «Изобразительные элементы российской фонетики». По-видимому, он тоже говорил о связи звука и цвета, так как в цитируемой выше статье Кульбин пишет: «О цвете — Рембо (имеется в виду стихотворение «Гласные». — *С. К.*) и Давид Бурлюк»[50].

В своих стихотворных декларациях Д. Бурлюк также обращается к этой проблеме. Так, в стихотворении «Пространство = гласных...» он пишет:

Пространство = гласных
Гласных = время!..
(Бесцветность общая и вдруг)
Согласный звук горящий муж
— Цветного бремения темя!..
<...>
Согласный звук обсеменитель
Носитель смыслов, живость дня,
Пока поет соединитель
Противоположностью звеня.

Через столь характерную для него физиологическую образность Д. Бурлюк и формулирует свою позицию, которую позже назвал «теорией звуковой значимости»[51]. Задача поэта, считает он, вложить в стихотворение «смысл» (содержание), передаваемый через согласный звук, который соотносим с цветом («Цветного бремения темя!..»). Цель гласных звуков — соединять «носители смыслов», определяя для них пространственно-временные координаты.

В стихотворении «Звуки на а широки и просторны...», характеризуя «гласных семейство», Д. Бурлюк дает именно пространственные, хотя и образные характеристики («округлость горба», «приплюснутость мель» и т. д.).

В некоторых случаях автор «подсказывает» читателю, какой «смысл» несет тот или иной согласный, как, например, в стихотворении «Лето», где все слова начинаются с «л»: «Л = нежность, ласка, плавность, лето, блеск, плеск и т. д.», — с этим звуком он связывал светлые, теплые тона и столь интенсивной аллитерацией пытался передать их — ведь именно они характерны для лета. В этом смысле функционирование этого приема у футуристов принципиально отличается от того, как использовалась аллитерация у других поэтов (из современников прежде всего у К. Бальмонта: «Влага», «Челн томленья» и другие стихотворения), так как апеллировала в первую очередь к цветовым ассоциациям.

Это же касается стихотворений, при создании которых автор сознательно не использовал какие-либо звуки (об этом Д. Бурлюк тоже иногда сообщает читателю). Прием тоже не нов: еще Г. Державин написал стихотворение «Соловей во сне», где ни разу не встречается «р», что вполне соответствовало «сонному» содержанию. Но опять же, у Д. Бурлюка это имело вполне «живописную» цель: так на картине могут, исходя из особенностей колористического решения, отсутствовать какие-то цвета.

Другим важнейшим принципом, по которому кубофутуристами соотносились живопись и поэзия, было понятие фактуры. Первым применил его по отношению к литературе Крученых, он же стал основным теоретиком в этом вопросе и в своей поэтической практике уделял ему особое внимание. Но и другие будетляне, безусловно, учитывали этот аспект при создании своих произведений. Литературная фактура характеризует особенности сочетаний различных элементов текста и, соответственно, может проявляться на различных уровнях. В брошюре Крученых и Хлебникова «Слово как таковое» фактура произведений Д. Бурлюка (и некоторых других гилейцев) характеризуется следующим образом: «чтоб писалось туго и читалось туго неудобнее смазных сапог или грузовика в гостинной.

(множество узлов связок и петель и заплат занозистая поверхность, сильно шероховатая <...>)»[52] (орфография и пунктуация — оригинального текста. — *С. К.*). Причем эта характеристика в цитируемой работе опять же относится и к поэзии, и к живописи Д. Бурлюка.

Повышенным вниманием к фактуре обусловлены и некоторые «новаторские» приемы, встречающиеся в стихотворениях Д. Бурлюка, в частности отказ от использования предлогов. Тем самым достигалось уплотнение словесной массы, фактура стихотворного текста становилась более концентрированной, вязкой, плотной.

«Футуризм не школа, это новое мироощущение. Футуристы — новые люди. Если были чеховские — безвременцы, нытики-интеллигенты, — то пришли — бодрые, не унывающие... И новое поколение не могло почувствовать себя творцом, пока не отвергло, не насмеялось над поколением "учителей", символистов», — писал Д. Бурлюк в книге воспоминаний[53]. Футуристы, декларировавшие отрицание *всех* предшествующих традиций, все-таки с

повышенной энергией обратили свой эстетический нигилизм на литературную школу, доминировавшую в русской литературе в период, предшествовавший их собственному появлению, — на символизм. Впрочем, от символизма футуристы и унаследовали немало. Поэзия Д. Бурлюка буквально перенасыщена образами, которые в поэзии символистов зачастую выполняли важнейшие функции, являясь основными символами. Это образы — природно-космические (небо, солнце, луна, звезды, закаты, лазурь), урбанистические (улицы, фонари, дома), мифологические (Янус, Ариадна, Лета, Семирамида, наяды), музыкальные (песня, свирель, музыка) и т. д. Но явления эти в произведениях футуриста, во-первых, не призваны отсылать к своей трансцендентальной сущности (что было сверхзадачей символистской поэзии), а представляют собой явления вполне самодостаточные, «как таковые». Во-вторых, они подвергаются у Д. Бурлюка откровенной дискредитации. Небо в его поэзии становится «мертвым» или похоже на «смрадный труп» («Мертвое небо»), оно нависает «потной обмоткой» («Над Вульвортом утро сегодня раскисшее...») и у него обнаруживаются «титьки» («Титьки неба оттянуты к низу...»); луна оказывается «ОПАСНОЙ» («ТРУБА БЫЛА зловеще ПРЯМОЙ...»), она «прогоркла и невнятна» («Скобли скребком своим луна...»), сравнима со старухой или вошью («Луна старуха просит подаянья...»); солнце оборачивается «каторжником» («**Солнце каторжник** тележкой...»), а закат «*Прохвостом*», «палачом» («Закат *Прохвост* обманщик старый...») или «маляром» («Закат маляр широкой кистью...»); звезды «запыленные» («Какой позорный черный труп...») и похожи на «черви» («Мертвое небо»); лазурь в поэзии Д. Бурлюка «бесчувственна» («"ЛАЗУРЬ БЕСЧУВСТВЕННА", — я убеждал старуху...»), свирель «трупная» («Какой позорный черный труп...»), музыка — «икота» («Я пьян, как

пианино...»), а тучи — просто «гады» («Беспокойное небо»). «Прежние поэты, — писал К. Чуковский, — например, так любили воспевать луну и звезды, звезды ясные, звезды прекрасные, огненные розы мироздания, — и что делал бы Фет без звезд! Бурлюки же именно поэтому: к черту звезды, к черту небеса! —

Небо — труп!! не больше!
Небо смрадный труп!!
Звезды — черви, пьяные туманом...
Звезды — черви, гнойная, живая сыпь! —

восклицает Давид Бурлюк в своей книге "Дохлая Луна" и огромная область эстетики тем самым уничтожена, зачеркнута»[54].

Пред этой гордою забавой
Пред изможденностью земной
Предстанут громкою оравой
Храм обратя во двор свиной
Пред бесконечностью случайной
Пред зарожденьем новых слов
Цветут зарей необычайной
Хулители твоих основ... —

писал Д. Бурлюк в стихотворении «Пред этой гордою забавой...». Кроме полемического характера по отношению к символистской поэзии столь специфическая образность в целом соответствовала футуристической эстетике (или анти-эстетике), призванной поколебать устоявшиеся и, с точки зрения будетлян, исчерпавшие себя представления о красоте, о том, чтó является допустимым в искусстве. Футуристы не сомневались, что таковым является буквально все. И, нанося «пощечины» так называемым «Здравому смыслу» и «хорошему вкусу»[55], они (и Д. Бурлюк едва ли не усерднее других) наполняли свою поэзию об-

разами, традиционно считавшимися «непоэтическими». «Навозная жижица» («Весна»), «отхожие места» («Незаконнорожденные»), «мокрая подмышка» («Паровоз и тендер»), «окурки», «заплеванные калоши» («Участь») — все это вполне органично включается в поэтический мир Д. Бурлюка. «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», — словно хотели сказать футуристы словами столь чтимого ими Гоголя.

То же самое касается проблемы так называемого «гуманизма» в искусстве. Известно, какую шоковую реакцию публики в свое время вызвала понятая буквалистски фраза из стихотворения Маяковского «Несколько слов обо мне самом»: «Я люблю смотреть, как умирают дети». Но поэт Д. Бурлюк в целом может показаться значительно более жестоким и циничным. С каким весельем, непринужденностью, задором он пишет о предметах и явлениях, долженствующих вызывать абсолютно иные чувства и оценки. Вот как, например, описываются профессиональные «проблемы» гробовщика:

На глаз работать не годится!..
Сколотишь гроб, мертвец нейдет:
Топорщит лоб иль ягодица,
Под крышкой пучится живот...

Другое дело сантиметром
Обмеришь всесторонне труп:
Готовно влез каюту фертом —
Червекомпактнорьяный суп.
(«*Аршин гробовщика*»)

А вот как сообщается в одном из стихотворений о «трагической» кончине «знакомого» аптекаря:

От втираний и дурманов полупьян,
Что лепечут иностранно тайны — брань.

Мой аптекарь был веселый человек —
Отравился он и долгий кончил век......
(«*Аптекарь*»)

«Веселым часом» становится для лирического героя посещение кладбища («Сумерки»), а съеденный людоедами ученый является всего лишь деликатесом — «балыком» («Людоеды»). Даже метафорические образы часто у Д. Бурлюка весьма «антигуманны»: «Стилет пронзает внутренность ребенка...» («Пещера слиплась пустота...»); «Роженица раскрывшая живот...» («ЗИМА цветок средь белых пристаней...»); «Бедная сторожка и 10 синих глаз / Отрезана ножка у двух зараз...» («Крики паровоза») и т. д. И все это обычно пронизано чувством здорового, жизнеутверждающего черного юмора, без намека на какой-либо трагический пафос.

С проблемой комического в литературном наследии Д. Бурлюка связан важный аспект, многое, как представляется, определяющий в его творчестве. Это ярко выраженные в его поэзии пародийные тенденции, являющиеся одной из форм взаимоотношений футуристов с предшествующим и современным им искусством. «Многие открытия авангардистов на первый взгляд могли показаться пародийными, — пишет по этому поводу С. Бирюков. — Новые школы часто опираются на пародию, потому что пафос старых школ скатывается в пародию и новые как бы вынуждены подхватывать на этой ноте. Ибо: старое *уже* смешно, потому что достигло своего апогея, а новое *еще* смешно, потому что учится ходить и стесняется того, что оно новое»[56]. Среди кубофутуристов дань пародии отдали Хлебников, Маяковский, Крученых. Что касается Д. Бурлюка, то, видимо, можно говорить не об отдельных созданных им пародийных произведениях, а о том, что вся «его система осваивает расхожий материал в более или

менее пародийном ключе, что и порождает свои, особые акценты» (В. Альфонсов)[57]. Впрочем, часто представляется затруднительным четко определить грань, отделяющую откровенно пародийные произведения от не-пародийных, или, во всяком случае, однозначно решить, насколько пародийно-комический эффект есть результат осознанной творческой установки или он достигается помимо воли автора. Порой у читателя могут возникнуть сомнения: всерьез пишет это Д. Бурлюк или нет; что́ перед нами — виртуозная пародия à la Козьма Прутков (с коррективами на литературные реалии XX века) или пиитические потуги новоявленного графа Хвостова? (Любопытно, что такая двусмысленность может проявляться и там, где Д. Бурлюк, вроде бы, подчеркнуто серьезен: трехстрочное стихотворение из сборника «Дохлая луна» он многозначительно называет: «Без А», — не стоит труда подсчитать, что это «экспериментальное» творение могло бы иметь еще четырнадцать — по современному алфавиту — заглавий.)

«Пародийное начало, присущее его поэзии, — пишет В. Альфонсов, — сводило счеты с прошлым и укрепляло реноме разрушителя-нигилиста»[58]. Но часто именно через пародию парадоксальным образом обозначалась у Д. Бурлюка связь его литературного творчества с поэтической традицией. «...Давид Бурлюк, как настоящий кочевник, раскидывал шатер, кажется, под всеми небами...» — утверждал Маяковский[59]. Поэтическая ассимиляция (как сознательно полемическая, так и вполне, так сказать, мирная, безобидная), причем носящая, как кажется, универсальный, разнонаправленный характер, представляется одной из важнейших особенностей творческой манеры Д. Бурлюка. В совокупности его стихотворения обнаруживают связи с произведениями десятков авторов, начиная с русских поэтов XVIII века и заканчивая современниками, отечественными и зарубежными. Тредиаковский, Пушкин, Некрасов,

Тютчев, Фет, Случевский, Брюсов, Сологуб, Белый, Маяковский, Хлебников, Северянин... Отзвуки их поэзии, проявившиеся в разные периоды литературной деятельности Д. Бурлюка, в той или иной степени можно ощутить во многих его творениях. Едва ли не вся русская поэтическая традиция оказалась включенной в содержательное поле его произведений, по-разному обнаруживая себя (мотивы, интонации, образы, формальные эксперименты и т. д.). Возможно, не всегда такого рода творческое заимствование можно считать удачным, возможно, поэтическое наследие Д. Бурлюка может порой производить впечатление вторичности (насколько вторичным представляется творчество большинства художников не крупнейшего масштаба, особенно с точки зрения солидной временной дистанции), однако вряд ли эту писательскую особенность можно оценивать, как утверждает современный исследователь, лишь как «способ компенсации собственной несамобытности» (Ž. Benčič)[60]. Наоборот, несмотря на энергичное использование заимствованного материала, поэтический мир Д. Бурлюка вполне оригинален, своеобразен, субъективен. И он во многом определяется своеобразием лирического героя, предельно приближенного к личности самого автора, часто — подчеркнуто автобиографического. Ведь «циник», испытывающий творческое «щастье» («Щастье Циника»), «**невнятный иностранец**» («Все тихо. Все — неясно. Пустота...»), бывший «селянский человек» и «юнец румянощекий», «забавник» и «громила», ставший в Америке «жильцом провалов» («Я был селянским человеком...»), «ручеящий игрок» («Охотники на вещие слова...»), «послетип Дон-Кихота» («Он в Нью-Йорке»), «словесный метеор», «восточно выспренний эффенди», «катастрофы краснознак» («Я вижу цели, зрю задачи...»), «житель шумных городов», «обыватель полустанков» («Вдоль берегов лукавят острова...»), «словесный

Святогор» и «контемпоренистый Мессия» («Златоуст»), наконец, «сатир несчастный, одноглазой, / ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХ ЖАБ» («Глубился в склепе, скрывался в башне...») и даже, возможно, «беременный мужчина» («Плодоносящие») — все это он, многообразный Д. Бурлюк, не пытающийся «выступать в различных масках» и «разыгрывать различные роли»[61], а вполне непосредственный и искренний, органичный и последовательный даже в различных, но не исключающих друг друга проявлениях — будь то позерство или незамысловатость, аффект или эмоциональная сдержанность, стремление к глубокомыслию и менторству или обескураживающая наивность, академичность, «прекрасная ясность» стиха или показательное стремление соответствовать статусу футуриста-новатора.

Разумеется, лидер кубофутуристического движения не мог избежать в своей поэзии формальных «крайностей». В поэтических экспериментах Д. Бурлюка задействованы практически все уровни языка — от фонетики до синтаксиса. Но в целом откровенное новаторство его стихотворений не носило регулярного, последовательного характера (как, например, в творчестве Хлебникова или Крученых), оно проявлялось, скорее, эпизодично и по сути своей немногое определяет в его поэзии. И вряд ли за ним можно увидеть реально осознанное авторское желание радикально обновить поэтический язык. В большей степени это новаторство — дань общей будетлянской позиции, в нем тоже — и эпатаж, и провокация, желание писать так, как до этого никто не писал. Не случайно большинство поэтических экспериментов Д. Бурлюка относится к периоду активной деятельности «гилейцев». Выше уже говорилось об использовании им фонетической «инструментовки» стихотворений, отказе от предлогов, пренебрежении к правилам орфографии и пунктуации. Вот еще некоторые примеры.

В манифесте, открывавшем второй сборник «Садок судей», были сформулированы некоторые выдвинутые кубофутуристами «новые принципы творчества»[62]. Д. Бурлюк здесь, в частности, упоминается в качестве автора, разработавшего «переднюю рифму»[63] (сам он называл ее «фронтальной»), — новшество фонетического характера:

Зори раскинут кумач
Зорко пылает палач
Западу стелется плач
Запахов трепетных плащ
(«*Зори раскинут кумач...*»)

Дверь заперта навек навек
Две тени — тень и человек
А к островам прибьет ладья
А кос трава и лад и я...
(«*Дверь заперта навек навек...*»)

Юрий Тынянов писал, что футуристы дали «большие достижения» и в использовании графики в качестве «выразительного средства»[64]. В поэзии Д. Бурлюка эти «достижения» проявились прежде всего в выделении в текстах прописными буквами «лейт-слов» (прием, «одолженный», по-видимому, у Корбьера), — стихотворения таким образом наделялись дополнительными, внутренними смыслами, обозначались особые, важные для автора акценты, намечались разные уровни восприятия текста, увеличивалась экспрессивность произведений, фактура их становилась богаче и занимательнее. Эти же задачи по-своему преследовало и частое употребление курсива (тоже часто встречающегося в творениях Корбьера) и полужирного шрифта.

Другие примеры графических экспериментов — попытки визуальной поэзии (еще один наглядный вариант сочетания литературы и живописи) — представлены в

произведениях с железнодорожной тематикой из «Первого журнала русских футуристов». Так, в стихотворении «Плаксивый железнодорожный пейзаж...» (заглавие достаточно условное, так как в контексте стихотворения начальная строка представляет собой что-то вроде авторской ремарки, обозначающей место действия) Д. Бурлюк самим расположением строк имитирует замысловатую траекторию движения поезда. В другом стихотворении («Зимний поезд») постепенно уменьшающиеся про длине строки, по-видимому, должны были передать впечатление от удаляющегося вдаль железнодорожного состава.

В контексте общей для футуристов тенденции к «обнажению» художественных приемов можно рассматривать такие нововведения Д. Бурлюка, как толкование собственных же метафорических образов — в виде сносок или прямо в тексте («Беспокойное небо», «Ваза», «Так на песчаной дюне...» и др.), объяснение значения отдельных слов: «хром (желтая / дешевая краска)...», — невозмутимо поясняет автор в стихотворении «Серые дни...».

В какой-то степени с этой же целью Д. Бурлюк обычно использует и математические знаки. Он (как кажется, бессистемно и несколько наивно, а на самом деле не без лукавства) соединяет с помощью знака равенства реальные явления и их метафорические эквиваленты, тем самым как бы намеренно схематизируя, упрощая, снижая творческий процесс и, что было важно для футуристической идеологии, выравнивая в своей весомости и значимости жизнь и искусство:

Поезд = стрела
а город = лук
<...>
Фонарь = игла
а сердце = пук.

(«*Поезд = стрела...*»)

Тропа снегов = пути белил
Мороз = укусы = жало...
(«*Зимний поезд*»)

В упомянутом выше стихотворении «Серые дни...» «уравнивание» в правах слова «хром» со словом «листья» («Листья = хром...») с последующим прозаическим толкованием («желтая / дешевая краска...»), с одной стороны, подвергает традиционный поэтический образ как бы двукратному «сниженню», а с другой — позволяет именно цвету играть здесь доминирующую роль: листья мгновенно (насколько мгновенно математическое действие) словно растворяются в желтом.

Луна = ковычка +
возвышенный предмет... —

читаем в другом стихотворении («Паровоз и тендер»). Это «действие сложения» — своего рода поэтико-математическая формула художественного образа, содержащая и тонкие пластические наблюдения (порождающие, кстати, предположение о намеренности ошибочного написания слова «*ковычка*» — ведь «о» по форме вполне может имитировать луну), и полемический аспект (определение «возвышенный» у Д. Бурлюка имеет, скорее, конкретно-пространственное значение, нежели является эпитетом), и опять же явную двусмысленно-ироническую интонацию, создаваемую именно не привычными для традиционной поэзии математическими знаками.

В использовании Д. Бурлюком отдельных слов, написание которых было ориентировано на фонетическую транскрипцию («ево», «ково», «никово», «былово», «штоб», «щастье» и т. д.), также можно увидеть желание преодолеть герметическую литературность, текстологическую безупречность текстов, стремление приблизить поэзию к жизни,

а также некие примитивистские, ориентированные на демократические уровни словесности интересы, в целом свойственные русскому поэтическому авангарду.

Что касается авторских неологизмов (а это одна из важнейших областей филологического творчества футуристов), то Д. Бурлюк, учтя богатый опыт Игоря Северянина, пошел, пожалуй, самым немудреным путем — путем словосложения: «случайноспутница», «жестокотиканье», «брегокеан», «розомрамор», «вечернедым» и т. д. (ср. у Северянина: «озерзамок», «алогубы», «зеркалозеро» и др.). Впрочем, энергичное словотворчество был характерно для американского периода творчества Д. Бурлюка, и это особенно очевидно из сопоставления раннего (см. раздел Приложение) и позднего (основной корпус текстов настоящего издания) вариантов стихотворений, вошедших в первый «Садок судей». В этом смысле, в частности, вызывает сомнение авторскан датировка перенасыщенного неологизмами стихотворения «Градоженщина»: 1910 год, — в этот период Д. Бурлюку была более близка вполне привычная поэтическая лексика и он в своих «новаторских» стихах значительно охотнее использовал архаизмы («длани», «ланиты», «вежды» и т. д.), нежели словесные новшества. К словообразовательным открытиям Д. Бурлюка можно, пожалуй, отнести его эксперименты по созданию неологизмов, составленных из основ русских слов и иноязычных: английских («тонкофингерпринт»), японских («нихон'деревня»), греческих («воздухоантропос»).

Есть в поэзии Д. Бурлюка и попытки написания палиндрома: «Зелень... не лезь мясо осям!...» («В ночь перед получением известия о Верхарне»), моностиха: «Большая честь родиться бедняком!», примеры любопытной инверсии: «Это было тумане / Окраин Нью-Йорка на!» («Жена Эдгара») или: «Для храбрости хватив вина, / Го-

тов злодейства разны на!» («Лунные шалости»). Есть и другие примеры эстетической «прогрессивности» его литературиого творчества. Но все-таки большинство экспериментов Д. Бурлюка, будучи явлениями по-своему примечательными, не кажутся, однако, по-настоящему убедительными ни на фоне традиции, ни в сравнении с новаторством некоторых поэтов-современников, ни с точки зрения их художественной перспективиости.

Русским футуристам, как известно, не пришелся по вкусу откровенно антифеминистский пафос итальянского футуризма. Иногда и они, в полемическом пылу, могли декларировать мужское, волевое, боевое начало своего искусства, имеющее своей «целью подготовить мужественную эпоху, на смену женоподобным Аполлонам и замызганиым Афродитам»[65] (например, Крученых не без гордости подчеркивал, что его «Победа над солнцем», «кажется, единствеиная опера в мире, где нет ни одной жеиской роли!»[66]), но в своей поэтической практике почти никто из них не избежал темы «про это».

Выше уже неоднократно подчеркивалась чувственная, физиологическая, по сути эротическая основа творчества Д. Бурлюка, и в этом с иим никто из поэтов-футуристов ие может сравниться. Он и сам писал о том, что «психологически эстетические склонности <...> тесно связаны с эротизмом», даже являясь «в ранних годах как бы "вторичными половыми признаками"»[67]. Чувственность свою Д. Бурлюк распространяет буквально на весь мир, но, естественно, прежде всего она проявляет себя в собственно любовной лирике.

Эти строки идут стенке косо,
Косой глаз или левша, дамским задом или торсом
Они наброшены спеша?

(«*Эти строки идут стенке косо...*»)

Лившиц вспоминал о периоде своего раннего знакомства с Д. Бурлюком, признавшимся ему как-то, что для него «все женщины до девяноста лет были хороши»[68]: «Верный своим всеобъемлющим вкусам, он бросался от одного увлечения к другому, готовый перед первой встречной женщиной расточать свой любострастный пыл. И странное дело: при всем своем физическом уродстве Давид пользовался несомненным успехом»[69]. Сам Д. Бурлюк об этом периоде писал в одном из стихотворений:

Я был юнцом румянощеким
И каждой девушке резвясь
Я предлагал свою щекотку
Мечтая в ночь окончить связь...
(«Я был селянским человеком...»)

Меньше всего в любовной поэзии Д. Бурлюка можно найти описание каких-либо душевных нюансов, попытки передачи или осмысления чувства, этических и психологических добродетелей объекта любви. «Голозадые женщины Давида»[70], обильно представленные в его графике 1910-х годов, безусловно, сродни женским образам его поэзии — те же пропорции и параметры (не рубенсовские или кустодиевские — бурлюковские!), те же ракурсы восприятия, те же привлекающие внимание автора, по-настоящему «выдающиеся» части тела:

Пусть девы — выпукло бедро
И грудь, — что формой Индостан...
(«*Тяжесть тела мусмэ*»)

Они несут запрятанные тайны
Горящих глаз, расплетшейся косы
Округлости грудей красы необычайной
И выкроек бедра искусстнейше косых...
(«*Девушки*»)

И даже когда, казалось бы, стихотворению задается возвышенный, элегически-романтический настрой — Д. Бурлюк верен себе:

Утренние дымы деревень твоих,
Утром порожденный, мгле пропетый стих.
Голубые розы просветленных глаз
И широкий женский плодоносный таз...
(*«Утренние дымы деревень твоих...»*)

Даже при обращении к столь деликатной теме Д. Бурлюк остается самим собой — ненасытным, чрезмерным, избыточным, этаким футуристическим раблезианцем. И — живописцем. И показательно, что когда Д. Бурлюк пишет о «крупном пупке», похожем на «пьянящий колодец, наполненный нежною влагою страсти», о животе «пушистых и знойных размеров», о «девушке-ложе» и «женщине-блюде» («Похоти неутоленные» — сколь характерное для Д. Бурлюка заглавие!), о «заде», который «смутно окрылился» («Ушел и бросил беглый взгляд...»), о девочке, которая, «расширяясь бедрами, / Сменить намерена мамашу» («Дочь»), — это не производит впечатления ни безвкусицы, ни вульгарности. В поэтических координатах Д. Бурлюка такого рода эротика выглядит вполне органично и уместно. Более того, именно она, возможно, играет центральную роль в его поэзии, являясь своего рода и ее лейтмотивом, и идейным ядром. Именно она выявляет некоторые существенные мировоззренческие позиции Д. Бурлюка, отразившиеся в его литературном творчестве. Ведь для его поэзии вполне характерны свойства, которые, пусть с некоторыми оговорками, можно было бы назвать натурфилософскими. И пусть взгляды Д. Бурлюка лишены видимой системности и упорядоченности, пусть в них не просматривается опора на какие-либо философские или естественнонаучные учения (хотя и известен

интерес поэта к деятельности И. Павлова и других современных физиологов), идейные приоритеты автора вполне очевидны. Они во многом определяются тем мощнейшим жизнеутверждающим пафосом, который так характерен для поэзии Д. Бурлюка. Пусть в некоторых стихотворениях в воспевании смерти, в утверждении всесилия и абсолютности небытия он может иногда превосходить самых мрачных декадентов, все-таки общее впечатление, которое производит поэзия Д. Бурлюка, — это радостное, полнокровное, ненасытное восхваление жизни во всех ее проявлениях.

Мир в поэзии Д. Бурлюка — это как бы огромный организм, некая вечно живущая субстанция, единая физиологическая система. И существование его обусловлено не отвлеченными идеями и умозрительными ценностями — философскими, этическими, эстетическими, политическими и т. д., — а некими органическими процессами, ощущением собственной самодостаточности, уравновешенности, стабильности. Этот мир под стать самому Д. Бурлюку, он — как бы его гигантский автопортрет, каждая деталь, каждый элемент его несет на себе черты автора.

Со свойственной ему прозорливостью Д. Бурлюк первым понял, что со вступлением России в Первую мировую войну общественный интерес к футуризму естественным образом уменьшился и что футуристам срочно необходимо было менять свою поведенческую тактику: время перманентной литературной и общественной конфронтации прошло. Именно Д. Бурлюк, казалось бы, самый последовательный в своей непримиримости, первым из футуристов заговорил о необходимости существования «единой эстетической России», — с таким подзаголовком в альманахе «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915) была опубликована его стилизованная под речь, произнесенную с «изломанного лафета австрийской гаубицы»[71], статья «От-

ные я отказываюсь говорить дурно даже о творчестве дураков». Статья эта, написанная во вполне футуристической манере вызова и эпатажа, на деле носила вполне примиренческий, даже дружелюбный характер. «Слово мое, — писал Д. Бурлюк, — мало заинтересованное успехом конечного результата, имеет целью показать перемену в настроениях и мыслях отчаянных голов — футуристов, главным образом, конечно, моей»[72]. Перемена действительно произошла, если лидер будетлян заявляет: «Обращаюсь и убеждаю: будьте подобны мне — мне несущему светлую мысль: "*всякое искусство* — малейшее искусство — одна попытка, даже не достигшая (увы!) цели — *добродетель*"!»[73] С другой стороны, вряд ли уж Д. Бурлюка можно заподозрить в неискренности и конъюнктурности. В это время, в силу различных обстоятельств, футуристы оказались не в состоянии выступать единым фронтом, тем более что для некоторых из них настоящий — не литературный, а военный — фронт, стал неизбежной реальностью. И Д. Бурлюк, выступая от себя лично, а не выражая групповые интересы, высказал точку зрения вполне для него характерную. Он и сам это подчеркивал: «...Это мое выступление *не* является выступлением от какой-либо группы или партии — а публичное исповедание моих *личных* взглядов (симптоматичных все же, должно быть, для этой эпохи, в кою мы эступаем, и посему, — достойных внимания)...»[74] То, что для русского футуризма действительно настала новая «эпоха», вскоре заявит в этапной для всего движения статье «Капля дегтя» Маяковский: «Да! футуризм умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением.

Но раз футуризм умер как идея избранных, он нам не нужен. Первую часть нашей программы разрушения мы считаем завершенной. Вот почему не удивляйтесь, если сегодня в наших руках увидите вместо погремушки шута

чертеж зодчего и голос футуризма вчера еще мягкий от сентиментальной мечтательности сегодня выльется в медь проповеди»[75].

В начале лета 1915 года Д. Бурлюк с семьей уезжает в Башкирию, где, по-видимому, занимается поставкой сена на фронт, что, впрочем, не мешает ему вести активную творческую деятельность и периодически наведываться в Москву.

Последний этап совместной деятельности футуристов «первого призыва» приходится на революционные 1917—1918 годы. Д. Бурлюк принимает участие в художественном оформлении «Кафе поэтов» в Москве и организации новогодней «Елки футуристов» в Политехническом музее. В марте 1918 года увидел свет единственный номер «Газеты футуристов», выпущенный Маяковским, Каменским и Д. Бурлюком. В газете, среди прочих материалов, были опубликованы две коллективные декларации: «Декрет № 1 о демократизации искусств: (заборная литература и площадная живопись)» и «Манифест Летучей Федерации Футуристов». С ними перекликалось опубликованное тогда же стихотворение Каменского «Декрет О заборной литературе — О росписи улиц — О балконах с музыкой — О карнавалах искусств», один из призывов которого гласил:

Художники — Великие Бурлюки
Прибивайте к домам карнавально
Ярчайшие свои картины
Тащите с плакатами тюки —
Расписывайте стены гениально
И площади — и вывески — и витрины.

Д. Бурлюк не заставил себя ждать и упрашивать, начав «демократизировать» искусство немедленно. Тот же Каменский вспоминал: «На другой день после обнаро-

дования моего декрета я шел по Кузнецкому и на углу Неглинной увидел колоссальную толпу и скопление остановившихся трамваев.

Что такое?

Оказалось:

Давид Бурлюк, стоя на громадной пожарной лестнице, приставленной к полукруглому углу дома, прибивал несколько своих картин.

Ему помогала сама толпа, высказывая поощрительные восторги.

Когда я, тронутый вниманием, пробился к другу, стоявшему на лестнице с молотком, гвоздями, картинами и с "риском для жизни", и крикнул:

— Браво!

Бурлюк мне сердито ответил:

— Не мешайте работать!

Прибитие картии кончилось взрывом аплодисментов толпы по адресу художника»[76].

Говорить о политических симпатиях Д. Бурлюка этого периода достаточно сложно, и тем более вряд ли можно о них судить по его post factum появившимся утверждениям вроде того, что «футуризм был первым любимым оруженосцем победившего пролетариата»[77]. Революционность футуристов касалась преимущественно сферы искусства. В «Манифесте Летучей Федерации Футуристов» они обращались с призывом: «Мы пролетарии искусства — зовем пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа»[78]. Вероятно, политические взгляды Д. Бурлюка были близки позиции Маяковского, который в той же «Газете футуристов» писал: «Революция содержания — социализм-анархизм — немыслима без революции формы — футуризма»[79], — тем более что контакты Д. Бурлюка с анархистами имели место.

«Я в Москве пробыл при первой пролетарской власти с 25 октября по 2 апреля включительно 1918 года, когда я уехал к семье в Уфимскую губернию и летом автоматически оказался отрезанным от своих возникновением "чехословацкого фронта", поддержаиного тогда же белыми "орлами" контрреволюции», — писал позже Д. Бурлюк[80]. Его последнее, вынужденное и самое продолжительиое по времени и протяженное по охвату территории «турне» по России закончилось 1 сентября 1920 года, когда Д. Бурлюк с семьей вступил на землю Японии. До этого были посещения десятков городов Сибири и Дальнего Востока, многочисленные выступления перед публикой с разъяснением футуристических идей и чтением стихов, выставки, публикации. «Бурлюк ехал и пропагандировал футуризм, — вспоминал дальневосточный литератор Петр Незнамов. — <...> Сам Бурлюк — цветистый, в необыкновенном своем жилете, с квадратной спиной, со стекляниым одним и с "до крика разодранным" другим глазом, с лорнетом в руке <...>.

По приезде в город Бурлюк первым делом устраивал выставку футуристических картин и рукописей, а вечером делал доклад.

Импровизатор по преимуществу, зазывала и конферансье, он весь день шумел и спорил на выставке, давал пояснения, возражал, разубеждал, поражал знаниями, и то со страшным остервенением нападал на врагов футуризма, то с ласковой вкрадчивостью издевался над ними и наносил иачищенные до блеска оскорбления»[81].

Во Владивостоке состоялся непродолжительный альянс Д. Бурлюка с группой «Творчество», сплотившейся вокруг одноименного журнала. Участники группы (Н. Асеев, С. Третьяков, Н. Чужак и др.) выступали за политически ангажированное творчество, идущее на активный контакт с Советской властью. И футуризм рассматривался

ими прежде всего как «литературное течение, борющееся на стороне пролетариата» (Н. Асеев)[82].

Трудно сказать, был ли отъезд Д. Бурлюка в Японию результатом окончательного решения об эмиграции или вернуться ему помешали какие-либо обстоятельства. Официально, во всяком случае, он поехал туда с целью проведения художественных выставок (таковые состоялись в Токио, Осаке и Нагое).

В сентябре 1922 года Д. Бурлюк отбыл в США, ставшие постоянным местом его проживания (американское гражданство он получил в 1930 году). Здесь продолжилась его неутомимая и разнообразная творческая деятельность в качестве живописца и писателя. Он участвует в многочисленных выставках. Сблизившись с живущими в США просоветски настроенными литераторами, вплоть до 1940 года активно сотрудничает в газете «Русский голос», являвшейся, по его словам, «строго советской газетой, защищающей интересы нашей Великой Родины в стране хищного капитализма»[83]. В организованном Д. Бурлюком «Издательстве М. Н. Бурлюк» увидело свет несколько книг его прозы и поэзии, до 1967 года здесь же издавался журнал «Colour and Rhyme» («Цвет и рифма»). Он выступает как мемуарист[84], пропагандист русской живописи[85], теоретик по вопросам искусства[86], автор манифестов[87]. (Впрочем, эта творческая активность далеко не всегда гарантировала стабильность материального существования, и, живя в США, семья Бурлюков неоднократно испытывала серьезные денежные проблемы.) И все это Д. Бурлюк рассматривал как продолжение своей футуристической деятельности, как некую миссионерскую обязанность «Отца Российского (советского) футуризма»[88]. Ярко выраженная политическая тенденциозность литературно-художественного творчества — это то новое, что во многом характеризует американский этап

деятельности Д. Бурлюка. До революции он практически не касался напрямую вопросов социально-политического характера или, во всяком случае, его общественные претензии не особо выделялись из выражения общего недовольства наблюдаемым вокруг:

Еду третий класс
Класс для отбросса
«ДВОРЯНСКИХ (!!) РАСС»
— Пустая привычка...
(«*Еду третий класс...*»)

В своем же неприятии американской действительности, порицании жизни в «стране гнусного капитала»[89] Д. Бурлюк во многом едва ли не превосходит Маяковского («Стихи об Америке», «Мое открытие Америки»). Но если критицизм последнего во многом был обусловлен необходимостью выполнения социального заказа, то позиция Д. Бурлюка, его ярый антиамериканизм, настойчивое утверждение коммунистических идей, именование (в частной переписке!) Ленина и Сталина «нашими великими дорогими вождями»[90] могут вызывать некоторое недоумение, тем более что попыток вернуться навсегда в «страну рабочих и крестьян»[91] он не предпринимал.

Однако Д. Бурлюка очень огорчал тот факт, что на Родине о нем, о его роли в истории искусства постепенно забывают, что ему «никак не удается <...> пробиться к непосредственной связи с советским читателем»[92]. Но в СССР, где футуризм был заклеймен как буржуазное, реакционное по своей сущности течение, явившее собой продолжение «формалистической безыдейной линии русской литературы»[93], публикация произведений поэта-эмигранта, пусть и заявляющего постоянно о своих коммунистических позициях, была в принципе невозможна. Имя Д. Бурлюка в течение долгих лет упоминалось лишь в связи с

именем Маяковского или как пример художника, сознательно искажающего «действительность», чьи произведения безнадежно «заумно-реакционны»[94].

И все-таки Д. Бурлюка никогда не покидала надежда быть по-настоящему узнанным и признанным в России. Безудержный оптимизм, чувство молодости («Каждый молод молод молод...»!), жизненная и творческая ненасытность, фантастическая работоспособность — эти качества им никогда не были утрачены. «Я не жалуюсь, не сожалею, — писал Д. Бурлюк, — ибо в такую эпоху пришлось жить. Я доволен своей жизнью, ибо другой не знал и не буду знать. Кроме того, всякий сюжет может стать канвой настоящему искусству»[95].

3

Николай Давидович Бурлюк во многих отношениях представлял собой полную противоположность своему бойкому старшему брату. Насколько выразительной, осязаемой, пластичной — и в жизни, и в творчестве — обозначается фигура Давида Давидовича, настолько нечетким, расплывчатым, почти эфемерным представляется образ младшего из братьев Бурлюков. Немногочисленные мемуарные свидетельства зафиксировали образ скромного, робкого, деликатного молодого человека, не склонного к конфликтам и скандалам, столь характерным для поведенческой практики кубофутуристов. Лившиц, познакомившийся с Н. Бурлюком в декабре 1911 года в Чернянке, вспоминал: «Третий сын, Николай, рослый великовозрастный юноша, был поэт. Застенчивый, красневший при каждом обращении к нему, еще больше, когда ему самому приходилось высказываться, он отличался крайней незлобивостью, сносил молча обиды, и за это братья насмешливо называли его Христом. Он только недавно начал писать, но был

подлинный поэт, то есть имел свой собственный, неповторимый мир, не укладывавшийся в его рахитичные стихи, но несомненно существовавший. При всей своей мягкости и ласковости, от головы до ног обволакивавших собеседника, Николай был человек убежденный, верный своему внутреннему опыту, и в этом смысле более стойкий, чем Давид и Владимир»[96].

Н. Бурлюк родился в слободке Котельва Ахтырского уезда Харьковской губернии. Не имеющий, в отличие от старших братьев, серьезной склонности к рисованию, он в 1909 поступил в Петербургский университет. Учился, как и Хлебников, с которым он здесь познакомился, на историко-филологическом и физико-математическом (естественное отделение) факультетах, несколько раз переходя с одного на другой.

Первые стихотворения Н. Бурлюк опубликовал вместе с братом в сборниках «Студия импрессионистов» и «Садок судей». В суровой оценке «Садка...» В. Брюсов, в целом назвавший материал сборника находящимся «за пределами литературы», отметил, что у Н. Бурлюка (как и у Каменского) «попадаются недурные образы»[97]. Такой оценке литературного метра способствовала, по-видимому, и эстетическая умеренность произведений начинающего поэта, тем более очевидная на фоне вошедших в это же издание творений Д. Бурлюка и Хлебникова.

После первых публикаций перед Н. Бурлюком стал вопрос о дальнейшем творческом пути. Если учесть пестроту тогдашней художественной жизни России, то выбор для литератора-дебютанта, еще четко не определившего своих позиций в искусстве, был весьма нелегок. В мае 1911 года Н. Бурлюк, ободренный снисходительной оценкой Брюсова, пишет ему: «Вы отчасти знаете меня по нелепому "Садку судей", а теперь я вынужден просить у Вас той нравственной поддержки, которую я давно ищу.

<...> Я просто сомневаюсь в своем поэтическом даре. Я боюсь, что мой взгляд на себя слишком пристрастен. Поэтому я прошу Вас сказать мне — поэзия ли то, что я пишу, и согласны ли Вы, если первое правда, быть моим учителем»[98]. Не нашедший, как видно, поддержки у главы символистов, Н. Бурлюк вынужден был искать другие творческие ориентиры. Даже в период подготовки и выхода в свет «Пощечины общественному вкусу», фактически утвердившей существование сплоченной группы будетлян, он искал, в частности, контактов с другими художественными кругами. Так, в частности, Лившиц вспоминал, что «Николай Бурлюк собирался вступить в гумилевский "Цех поэтов", очевидно, рисовавшийся ему неким парламентом, где представлены все литературные партии»[99]. Этим контактам способствовало отчасти и позитивное отношение Н. Гумилева к поэзии Н. Бурлюка: «...С ним он поддерживал знакомство и охотно допускал его к версификационным забавам "цеха" <...>, — писал тот же Лившиц. — По поводу обычной застенчивости своего тезки, тщетно корпевшего над каким-то стихотворным экспромтом, он как-то обмолвился двумя строками:

Издает Бурлюк
Неуверенный звук»[100].

В своей рецензии на «Садок судей II» Гумилев охарактеризовал (наряду с хлебниковскими) произведения Н. Бурлюка как «самые интересные и сильные»[101].

Однако именно с деятельностью кубофутуристической группы оказалась неразрывно связана творческая судьба Н. Бурлюка. Возможно, в этом сказалось столь характерное для Бурлюков чувство семейственности, и он определял направление своей деятельности исходя из позиций своих старших братьев. Может быть, участие в будетлянских проектах было самым надежным (а может быть, и

единственным) способом заявить о себе, если учесть «пробивные» таланты других участников движения. По-своему прав был Шершеневич, не без иронии писавший: «...У Николая Бурлюка попадались неплохие, хотя совсем не футуристические стихи. Но можно ли было с фамилией Бурлюк не быть причтенным к отряду футуристов?!»[102]

Н. Бурлюк был самым «правым» среди леворадикально настроенных кубофутуристов. Критики и мемуаристы неоднократно писали о случайности его кооперирования с этой группой. Чуковский, считавший Н. Бурлюка «посторонним» среди будетлян, «даже немного сродни трогательной Елене Гуро»[103], писал о нем: «Грустно видеть, как этот кротчайший поэт напяливает на себя футуризм, который только мешает излиться его скромной, глубокой душе»[104]. Показательно, что Н. Бурлюк отказался подписать самый резкий по тону футуристический манифест «Идите к черту», открывавший альманах «Рыкающий Парнас» (СПб., 1914), «резонно заявив, что нельзя даже метафорически посылать к черту людей, которым через час будешь пожимать руку»[105].

Возможно, многое, что сближало Н. Бурлюка с кубофутуристами, делалось им из «братской солидарности» (именно поэтому, по его признанию Лившицу, он «предпочитал хранить молчание», даже когда «у него самого возникали сомнения в целесообразности давидовых приемов пропаганды нового искусства»[106]). Тем не менее, фактическое участие Н. Бурлюка в деятельности кубофутуристической группы было по-настоящему заметным и значительным. Его произведения были опубликованы во всех основных коллективных изданиях будетлян. Он активно участвовал в публичных выступлениях. Его петербургская квартира на Большой Белозерской улице, наряду с квартирой Кульбина в Максимилиановском переулке и домом Гуро и Матюшина на Песочной улице, стала од-

ним из столичных «штабов» футуристов, своего рода «гилейским фортом Шабролем» (Лившиц)[107]. Выступал Н. Бурлюк и как теоретик. Именно эту область его деятельности, в частности, ценил в первую очередь Матюшин: «Поэт Николай Бурлюк был талант второстепенный, но он много помогал братьям в теоретизации их живописных затей»[108]. Статья Н. Бурлюка «Поэтические начала», написанная «при участии Давида Бурлюка», по-своему весомая, формулирующая важные принципы футуристической литературы, а также продолжающий ее фрагмент «Supplementum* к поэтическому контрапункту» были опубликованы в увидевшем свет в марте 1914 года единственном (сдвоенном) номере «Первого журнала русских футуристов». Рассуждая в «Поэтических началах» о связи слова с «ж и з н ь ю м и ф а», о мифе как «критерии красоты слова»[109], касаясь вопросов роли авторского почерка в восприятии литературного текста, связи цвета и буквы и др., Н. Бурлюк заканчивает свою статью типично футуристическим выпадом: «Я еще раз должен напомнить что истинная поэзия не имеет никакого отношения к правописанию и хорошему слогу, — этому украшению письмовников, аполлонов, нив и прочих общеобразовательных "органов".

Ваш язык для торговли и семейных занятий»[110]. Еще более резок авторский тон в опубликованном в этом же издании полемическом «Открытом письме гг. Луначарскому, Философову, Неведомскому», в котором Н. Бурлюк рьяно отстаивает корпоративные интересы «бурлючества», — таким «сокращенным термином»[111] он называет футуризм: «Вы, воспитанные под знамением свободы слова со знанием диалектики и уместности сказанного, старае-

* Добавление *(лат.)*. — *Ред.*

тесь убедить ваших читателей, что мы подонки Нашей родины. <...> Некоторые из вас борцы за свободу религии и труда и — вот какое позорное противоречие!! МЫ, ВАШИ БРАТЬЯ, а вы нас оскорбляете и унижаете за то, что мы не рабы и живем свободой. И если ва нами идет молодежь нашей родины, то это ваша вина — вы были и есть азиаты, губящие все молодое и национальное»[112].

В целом известное литературное наследие Н. Бурлюка невелико. Кроме вошедших в настоящее издание стихотворных произведений, а также упоминаемых выше работ теоретического характера, его составляют прозаические лирические миниатюры, включенные в состав нескольких футуристических альманахов (кроме того, известен факт работы Н. Бурлюка над романом, в котором, по воспоминаниям Марии Бурлюк, «дамы путешествовали по степям в карете, ведя разговоры»[113]).

Стихотворные произведения Н. Бурлюка — это преимущественно чистая лирика, которая, как кажется, действительно далека от поэтической практики кубофутуристов. Но русский литературный футуризм — течение чрезвычайно пестрое и разноплановое, сочетающее в себе художественные явления внешне весьма далекие друг от друга (не только гилейцы, но и другие футуристические объединения допускали творческое сотрудничество очень разных художников: например, к эгофутуризму в свое время примыкали, с одной стороны, Г. Иванов и Грааль-Арельский, перешедшие потом в «Цех поэтов», а с другой — Василиск Гнедов — один из самых крайних поэтов). Творчество Н. Бурлюка, Е. Гуро, Б. Лившица — поэтов наиболее «умеренных», но отнюдь не чужых среди гилейцев — определяло один ив флангов деятельности

группы (на другом фланге — Крученых), тем самым расширяя ее эстетический диапазон, делая ее художественный потенциал более разнообразным.

Стихи Н. Бурлюка — это поэзия тонких психологических движений, неуловимых душевных нюансов, эмоционального импрессионизма. Мотивы одиночества, грусти, тоски, беспричинной тревоги, усталости как бы перетекают из одного произведения в другое, в совокупности выявляя своеобразный облик поэта, очевидно предпочитающего ночную тишину громкой суетности окружающего мира. «В своих кратких, скудных, старинных, бледноватых, негромких стихах, — писал о Н. Бурлюке Чуковский, — он таит какую-то застенчивую жалобу, какое-то несмелое роптание <...>. И робкую какую-то мечту <...>. Он самый целомудренный изо всех футуристов: скажет четыре строки, и молчит, и в этих умолчаниях, в паузах чувствуешь какую-то серьезную значительность...»[114]

Эмпирика в стихотворениях Н. Бурлюка заменяется авторскими размышлениями, полными драматической рефлексии и глубоких сомнений:

Неотходящий и несмелый
Приник я к детскому жезлу.
Кругом надежд склеп вечно белый
Алтарь былой добру и злу.
Так тишина сковала душу,
Слилась с последнею чертой,
Что я не строю и не рушу,
Подневно миром запертой...

(«*Неотходящий и несмелый*...»)

«Совсем по-особому мечтательны и философичны слова, с которыми приходит Н. Бурлюк в поэзию, — писал критик-современник. — Углубленное искусство стиха, лирика и лиризм, сплетенные друг с другом»[115].

Элегические настроения, «старомодный» четырехстопный ямб, все эти догорающие дни, изящные, субтильные барышни (какой контраст по сравнению с дородными матронами Давида Бурлюка!), умирающие бабочки, тихие пейзажи («тишина» — здесь одно из ключевых слов) — все это, столь узнаваемое, многократно опробованное русской поэзией, делает стихи Н. Бурлюка подчеркнуто традиционными, но отнюдь не банальными. За всем этим просматривается по-своему выразительная личность автора, который без всякого позерства и саморекламирования, в доверительной, почти исповедальной тональности, ничего не доказывая и не отвергая, — пытается беседовать с читателем:

Я мальчик маленький — не боле,
А может быть, лишь внук детей
И только чувствую острей
Пустынность горестного поля.
(«*Я мальчик маленький — не боле...*»)

А может быть, когда узнают
Какой во мне живет пришлец,
И грудь — темницу растерзают,
Мне встретить радостно конец?..
(«*Поэт и крыса — вы ночами...*»)

Последние произведения Н. Бурлюка были опубликованы в 1915 году в альманахе «Весеннее контрагентство муз». Сам автор уже находился в это время на военной службе. После революции он, единственный из кубофутуристов, участвовал в Гражданской войне на стороне белых и, вероятно, погиб.

Столь разные судьбы Давида и Николая Бурлюков оказались теснейшим образом связаны с историей рус-

ского авангардистского искусства. Различен по весомости их вклад в русский футуризм, разными творческими путями шли они в широчайшем русле этого течения. Столь же различны и занимаемые поэтами Бурлюками позиции в русской поэзии первой половины XX. Но позиции эти — быть может, не центральные, но и не периферийные — заняты ими вполне по праву.

С. Красицкий

Примечания

[1] *Лентулов А.* О В. В. Маяковском и других // Искусство. 1940. № 3. С. 38.

[2] *Блок А.* Дневники 1901 — 1921 // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 232.

[3] *Евреинов Н.* Оригинал о портретистах. (К проблеме субъективизма в искусстве). М., 1924. С. 74.

[4] *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 450—451.

[5] *Грабарь И.* «Союз» и «Венок» // Весы. 1908. № 1. С. 142.

[6] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 451.

[7] Садок судей II. СПб., 1913. С. 1.

[8] *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 100.

[9] Там же. С. 104.

[10] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 323.

[11] Там же. С. 328.

[12] Там же. С. 321—322, 325, 340.

[13] Там же. С. 358.

[14] *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 106.

[15] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 317.

[16] *Шкловский В.* Случай на производстве // Стройка. 1931. № 11. С. 6.

[17] *Матюшин М.* Русские кубофутуристы // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 156.

[18] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 343.

[19] Цит по: *Адамов Е.* «На Бурлюке» // День. 1913, 4 ноября. С. 2.

[20] Цит. по: *Матюшин М.* Указ. соч. С. 162.

[21] *Маяковский В.* Я сам // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 20.

[22] Ср., напр., существование в 1913 г. в газете «Русские ведомости» рубрику «У футуристов», наряду с аналогичными «У монархистов», «У националистов», «У агрономов», и т. д.

[23] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 396.

[24] *Крученых А.* Наш выход. К истории русского футуризма. М., 1996. С. 80.

[25] Там же. С. 80—81.

[26] *Евреинов Н.* Указ. соч. С. 77.

[27] *Лентулов А.* Указ. соч. С. 38.

[28] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 315.

[29] Там же. С. 396.

[30] *Шершеневич В.* Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. Сборник. М., 1990. С. 517.

[31] *Маяковский В.* Указ. соч. С. 20.

[32] *Хлебников В.* Открытое письмо // Собрание произведений Велимира Хлебникова. Л., 1933. Т. V. С. 257.

[33] *Хлебников В.* Письмо к Е. Гуро (апрель 1911 г.) // Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 361.

[34] *Хлебников В.* Предложения // Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т. V. С. 160.

[35] *Шкловский В.* О Маяковском. М., 1940. С. 22—23, 38.

[36] *Крученых А.* Автобиография дичайшего // Крученых А. 15 лет русского футуризма: 1912 — 1927 гг.: Материалы и комментарии: Продукция № 151. М., 1928. С. 57.

[37] Цит. по: *Харджиев Н.* Судьба Крученых // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 301.

[38] *Шершеневич В.* Указ. соч. С. 517.

[39] Там же. С. 488.

[40] Пощечина общественному вкусу. [Листовка]. М., 1913. С. 1.

[41] *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 27.

[42] *Каменский В.* Путь энтузиаста // Каменский В. Танго с коровами; Степан Разин; Звучаль Веснеянки; Путь энтузиаста. М., 1990. С. 443.

[43] Пощечина общественному вкусу. В защиту Свободного Искусства: Стихи. Проза. Статьи. М., 1913 [1912]. С. 3.

[44] *Крученых А.* 15 лет верности // Крученых А. 15 лет русского футуризма. С. 8.

[45] Цит. по: *Малевич К.* Собр. соч. В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 23.

[46] *Бурлюк Н.* Владимир Давидович Бурлюк. Его творчество // «Союз молодежи». При участии поэтов «Гилея». № 3. СПб., 1913. С. 35—38; см. также публикацию тезисов его доклада о творчестве П. Филонова: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1977. Л., 1979. С. 224.

[47] *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 22—23, 49.

[48] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 317.

[49] *Кульбин Н.* Новый цикл слова... // Крученых А. Декларация слова, как такового. СПб., 1913. С. 3.

[50] Там же. С. 3.

[51] *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 48.

[52] *Крученых А., Хлебников В.* Слово как таковое. [М., 1913]. С. 3.

[53] *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 63.

[54] *Чуковский К.* Футуристы // Чуковский К. Лица и маски. СПб., 1914. С. 129.

[55] Пощечиина общественному вкусу. С. 4.

[56] *Бирюков С.* «Перегной теории». Игорь Терентьев — летучий теоретик авангарда // Второй Терентьевский сборник. М., 1998. С. 9.

[57] *Альфонсов В.* Поэзия русского футуризма // Поэзия русского футуризма. СПб., 1999. (Новая Библиотека поэта). С. 22.

[58] Там же. С. 23.

[59] *Маяковский В.* Живопись сегодняшнего дня // Маяковский В. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 288.

[60] *Benčič Ž.* Давид Бурлюк — лирика // Russian Literature. XXII-I. 1987. P. 17.

[61] Там же. P. 2.

[62] Садок судей II. С. 1.

[63] Там же. С. 2.

[64] *Тынянов Ю.* «Серапионовы братья». Альманах I // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 134.

[65] *Крученых А.* Наш выход. С. 64.

[66] Там же. С. 64.

[67] *Бурлюк Д.* Указ соч. С. 15.

[68] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 317.

[69] Там же. С. 343.

[70] Там же. С. 457.

[71] *Бурлюк Д.* Отныне я отказываюсь говорить дурно даже о творчестве дураков. Единая эстетическая Россия // Весеннее контрагентство муз: Сборник. М., 1915. С. 101.

[72] Там же. С. 101.

[73] Там же. С. 103.

[74] Там же. С. 102.

[75] *Маяковский В.* Капля дегтя: «Речь которая будет произнесена при первом удобном случае» // Взял: Барабан футуристов. Пг., 1915. С. 2.

[76] *Каменский В.* Указ. соч. С. 524.

[77] *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 16.

[78] *Бурлюк Д., Каменский В., Маяковский В.* Манифест Летучей Федерации Футуристов // Газета футуристов. 1918. № 1. С. 1.

[79] *Маяковский В.* Открытое письмо рабочим // Газета футуристов. С. 1.

[80] *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 16.

[81] *Незнамов П.* Маяковский в двадцатых годах // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 355—356.

[82] *Асеев Н.* Дневник поэта. Л.,1929. С. 52.

[83] *Бурлюк Д.* Письмо к Э. Ф. Голлербаху (15 августа 1929 г.) // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 169.

[84] Помимо «Фрагментов из воспоминаний футуриста» см. также: *Бурлюк Д.* Три главы из книги «Маяковский и его современники» // Красная стрела: Сборник-антология. Нью-Йорк, 1932. С. 10—18.

[85] См.: *Бурлюк Д.* Русские художники в Америке: Живопись, скульптура, театр, музыка и прикладные искусства: Материалы по истории русского искусства. 1917—1918. Нью-Йорк, 1928.; *его же*: Рерих (Черты его жизни и творчества) (1918—1930). Нью-Йорк, [1930].

[86] См., например: *Бурлюк Д.* Эдикт об энтелехиальном стихосложении // Бурлюк Д. Энтелехизм: К 20-

тилетию футуризма, искусства пролетариата: Теория. Критика. Стихи. Картины. (1907—1930). Нью-Йорк, 1930. С. 6—12; *его же:* Какое искусство нужно пролетариату // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 143—156.

[87] См.: *Burliuk D.* Manifesto: Radio-style. NY, 1926; *Burliuk D.* Second Manifest. NY, 1927.

[88] *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 13.

[89] *Бурлюк Д.* Письмо к А. Г. Островскому (28 июня 1933 г.) // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 162.

[90] *Бурлюк Д.* Письмо к Э. Ф. Голлербаху (7 апреля 1933 г.) // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 214.

[91] *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 64.

[92] *Бурлюк Д.* Письмо к Э. Ф. Голлербаху (24 сентября 1930 г.) // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 191.

[93] *Волков А.* Русская литература XX века: Дооктябрьский период. М., 1966. С. 430.

[94] *Волков А.* Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 174.

[95] *Бурлюк Д.* Письмо к Э. Ф. Голлербаху (15 декабря 1930 г.) // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 195.

[96] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 324—325.

[97] *Брюсов В.* Новые сборники стихов // Брюсов В. Среди стихов: 1894—1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 336.

[98] Цит. по: *Богомолов Н.* Комментарии // Брюсов В. Среди стихов. С. 690.

[99] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 365.

[100] Там же. С. 517.

[101] *Гумилев Н.* «Письма о русской поэзии»: Рецензии на поэтические сборники // Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 169.

[102] *Шершеневич В.* Указ. соч. С. 516—517.

[103] *Чуковский К.* Образцы футуристической литературы: Опыт хрестоматии // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповиик». Кн. 22. СПб., 1914. С. 146.

[104] Там же. С. 147.

[105] *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 459.

[106] Там же. С. 402.

[107] Там же. С. 397.

[108] *Матюшин М.* Указ. соч. С. 156.

[109] *Бурлюк Н.* при участии Д. Бурлюка. Поэтические начала // Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1/2. С. 83.

[110] Там же. С. 84.

[111] *Бурлюк Н.* Открытое письмо гг. Луначарскому, Философову, Неведомскому // Первый журнал русских футуристов. С. 99.

[112] Там же. С. 98.

[113] *Бурлюк М.* Первые книги и лекции футуристов (1909—1913): Запись Д. Д. Бурлюка // Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. С. 285.

[114] *Чуковский К.* Образцы футуристической литературы: Опыт хрестоматии. С. 146.

[115] *Челионати* [*Вермель С.*] Лирики // Московские мастера: Журнал искусств. М., 1916. С. 83.

ДАВИД БУРЛЮК

Из сборника «САДОК СУДЕЙ» (1910)

1

Скользи, пронзай стрелец, алмазный
Неиссякаемый каскад....
Я твой сосед, живущий праздно
Люблю волненье белых стад.
Познавши здесь честную схиму,
И изучивши тайны треб
Я даже смерть с восторгом приму,
Как враном принесенный хлеб.
Вокруг взнеслися остроскалы,
Вершины их, венчанны льдом,
В закатный час таят опалы,
Когда — бесцветным станет дом.
Я полюбил скрижали — книги,
В них — жизнь, моя прямая цель.
Они — полезные вериги
Для духа праздности недель!
Пускай в ночи стекло наяды
Колеблют легкие перстом —
Храню ученые услады
Моем забвении златом.

2. ЩАСТЬЕ ЦИНИКА

Ор. 2.
Весеннее шумящее убранство —
Едный миг... затерянный цветах!
Напрасно зришь живое постоянство
Струящихся, скоротекущих снах.
Изменно все! И вероломны своды
Тебя сокрывшие от хлада бурь!
Везде, во всем — красивость шаткомоды!
Ах, циник, щастлив ты! Иди и каламбурь!

3. ЗАТВОРНИК

Ор. 3.
Молчанье сможешь длить пещере,
Пурпурный крик таить,
Спасаться углубленной вере,
Кратеры Смерти пить.
Книг потемневших переплеты.
Как быстро мчатся корабли
И окрыляются полеты
От запечатанной земли.

4

Ор. 4. Родился доме день туманный,
И жизнь туманна вся,
Носить венец случайно данный,
Над бездной ужасов скользя.

Так пешеход, так злой калека
Глядит на радостнодетей
И — зла над юностью опека,
Случайноспутницей своей,
Грозит глазам веселолюдным,
Зеленым ивииым ветвям
И путь необозримо трудный
Влачит уныло по полям.

5

Ор. 5. Упало солнце кровь заката
Восторгам дня нет, нет возврата!
Лишь облаков вечернедым
Восходит клубом голубым.
И, если смертный отойдет,
Над ним вновь солнце не взойдет —
Лишь туча саваном седым
Повиснет небесах над ним.

6

Ор. 6 Я не владел еще тобою
Золотоокою младой,
Как холод вечностью седою
Сокрыл тебя своей бедой.
Уста — увядшая затея,
Глаза — безжизненный кристалл.
А зубы — белая аллея,
Что ужас смерти иашептал.

Откроешь вежды, ие поверю,
Твой смех увял навек!...
Я сам умру под этой дверью,
Найдет бредущий человек.
Склеп занесен свистящим снегом,
Как груди милой, белизной.
Копыто оглашает бегом
Забытый путь в краю родиом.
Проскачет усмехаясь мимо.
Сук — траур, путь — из серебра.
Подкова — тяжко иелюдима...
Крошится льдистая кора.

7. «ВРЕМЕНИ ВЕСЫ»

И у часов стучали зубы.

Ор. 7. Сорящие секундами часы.
Как ваша медленность тяготна!
Вы — времени сыпучего весы!
Что вами сделано — бесповоротно!
Ваш бег колеблет черепа власы,
В скольжении своем вольготны,
На выю лезвие несущие косы
С жестокотиканьем, злорадны беззаботно.

8

Ор. 8. Шестиэтажный возносился дом,
Чернелись окна скучными рядами,

Но ни одно не вспыхнуло цветком,
Звуча знакомыми следами.
О сколько взглядов пронизало ночь
И бросилось из верхних этажей.
Безумную оплакавшие дочь,
Под стук неспящих сторожей.
Дышавшая на свежей высоте,
Глядя окно под неизвестной крышей.
Сколь ныне — чище ты и жертвенно святей!
Упавши вниз, ты вознеслася выше!

9

Op. 9. Немая ночь, людей не слышно.
В пространствах — царствие зимы.
Здесь вьюга наметает пышно
Гробницы белые средь тьмы.
Где фонари, где с лязгом шумным
Змеей скользнули поезда,
Твой взгляд казался камнем лунным,
Ночей падучая звезда.
Как глубоко под черным снегом
Прекрасный труп похоронен.
Пожри просторы шумным бегом,
Затмивши паром небосклон.

1905 год
Полтавская губ.

10

Op. 10. Со звоном слетели проклятья,
Разбитые ринулись вниз.
Раскрыл притупленно объятья,
Виском угодил о карииз.
Смеялась над мной колокольня,
Внизу собирался народ.
Старушка — горбом богомольна.
Острил изловчась идиот.
Чиновник лежал неподвижно.
Стеклянными были глаза.
Из бойни безжалостноближней
Кот рану кровавый лизал.

11

Op. 11. Ты окрылил условные рожденья
Сносить душа их тайны не смогла.
Начни же наконец поэзии служенье —
Всмотрись излучисто — кривые зеркала.
Неясно все, все отвращает взоры,
Чудовищно сознав свое небытие:
Провалы дикие и снов преступных горы!..
Ты принял, кажется **погибелн питье!**

12

Op. 12. Чудовище простерлось между скал,
Заворожив гигантские зеницы.

Махровый ветр персты его ласкал,
Пушистый хвост золоторунной птицы.
Сияющим, теплеющим зигзагом
Тянулось тело меж колючих трав...
И всем понятней было с каждым шагом —
Как неизбежно милостив удав.
Свои даря стократные слова,
Клубилося невнятной колыбели...
Чуть двигаясь, шептали: «раз» и «два»,
А души жуткие, как ландыши, слабели.

13

Op. 13. Твоей бряцающей лампадой
Я озарен лесной тиши.
О, всадник ночи, пропляши
Пред непреклонною оградой.
Золотогрудая жена
У еле сомкнутого входа.
Теплеет хладная природа,
Свои означив письмена.
Слепые прилежаний взгляды.
Дождю подставим купола.
Я выжег грудь свою до тла,
Чтоб вырвать разветвленья зла,
Во имя правды и награды.
Объятий белых жгучий сот.
Желанны тонкие напевы,
Но все ж вернее **Черной Девы**
Разящий неизбежно мед.

14

Op. 14. На исступленный эшафот
Взнесла колеблющие главы!
А там — упорный черный крот
Питомец радости неправой.
Здесь, осыпаясь, брачный луг,
Волнует крайними цветами.
Кто разломает зимний круг
Протяжно знойными руками?
Звала тоска и нищета,
Взыскуя о родимой дани.
Склоняешь стан; не та, не та!
И исчезаешь скороланью.

15

Op. 15. Монах всегда молчал
Тускнели очи странно
Белела строго панна
От розовых начал.
Кружилась ночь вокруг,
Бросая покрывала.
Живой, родной супруг,
Родник, двойник металла.
Кругом, как сон, как мгла
Весна жила, плясала...
Отшельник из металла
Стоял в уюте зла.

16

Ор. 16. Ты изошел зеленым дымом
Лилово синий небосвод,
Точася полдней жаркнм пылом
Для неисчерпанных угод.
И, может быть, твой челн возможный
Постигнем — знак твоих побед,
Когда исполним непреложный,
Жизиь искупающий — обет.
Сваливший огонь, закатный пламень,
Придет на свой знакомый брег;
Он, как рубин — кровавый камень,
Сожжет предательства ковчег.

17

Ор. 17. Пой облаков зиждительное племя,
Спешащее всегда за нож простора!
Старик седой нам обнажает темя,
Грозя гранитною десницею укора.
Прямая цель! Как далеко значенье!
Веселые. К нам не придут назад.
Бессилие! Слепое истощенье!
Рек, воздохнув: «Где твой цветистый вклад?
Где пышные, внезапные рассветы,
Светильнн хладные, торжественность ночей?..
Угасло все! Вкруг шелест дымной Леты
И ты, как взгляд отброшенный — ничей!

Упали желтые, иссохшие ланиты,
Кругом сгустилась тишь, кругом слеглася темь...
Где перси юные, пьянящие Аниты?
О, голос сладостный, как стал ты глух и... нем!..

18

Op. 18. Белила отцветших ланит.
Румянец закатного пыла.
Уверен, колеблется, мнит —
Грудь мыслей таимой изныла.
Приду, возжигаю алтарь,
Создавши высокое место.
Под облаком снова, как встарь,
Сжигаю пшеничное тесто.
Протянется яркая длань,
Стремяся за пламенем острым.
Будь скорое! Музыкой вспрянь,
Раскройся вкруг пологом пестрым.
Пускай голубое зерно
Лежит отвердевшим пометом...
К просторам и в завтра — окно.
Ответ многолетним заботам.

19

Op. 19. Все тихо. Все — неясно. Пустота.
Нет ничего. Все отвернулось страино.
Кругом отчетливо **созрела высота.**
Молчание царит, точа покровы прянно.

Слепая тишина, глухая темнота,
И ни единый след свой не откроет свиток...
Все сжало нежные влюбленные уста,
Все, — как бокал, где «диесь» кипел напиток...
И вдруг... почудились тончайшие шаги,
Полураскрытых тайн неизъяснимых шорох...
Душа твердит, не двигаясь: «беги»,
Склонясь, как лепесток, язвительных укорах.
Да, это — след, завядшнй лепесток!
Пусть рядом пыль свой затевает таиец...
«Смотри» шепнул далекнй потолок:
«Здесь ои прошел, **невнятный иностранец»..**

Из сборника «ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ» (1912)

---

20. САДОВНИК

Изотлевший позвоночник
Рот сухой и глаз прямой,
Продавец лучей — цветочник
Вечно праведный весной.

Каждый луч — и взял монету,
Острый блеск и черный креп
Вечно щурил глаз ко свету
Все же был и сух и слеп!

21

Со стоном проносились мимо,
По мостовой был лязг копыт.
Какой-то радостью хранимой,
Руководитель следопыт —

Смотрел, следил по тротуарам
Под кистью изможденных звезд
Прилежный, приставая к парам
И озираяся окрест. . . . . .

Что он искал опасным оком?
Что привлекло его часы —
К людским запутанным потокам,
Где следопыты только псы,

Где столько скомканных понятий
Примет разнообразных стоп
И где смущеннее невнятней
Стезя ближайших из особ.

22

Рыдаешь над сломанной вазой,
Далекие туч жемчуга
Ты бросила меткою фразой
За их голубые рога.

Дрожат округленные груди,
Недвижим рождающий взгляд
Как яд погребенный в сосуде
Отброшенный весок наряд.

Иди же я здесь поникаю
На крылья усталости страиной;
Мгновеньем свой круг замыкаю
Отпавший забавы обманной.

23

Убийство красное
Приблизило кинжал,
О время гласное
Носитель узких жал

На белой радости
Дрожит точась рубин
Убийца младости
Ведун ночных глубин

Там у источника
Вскричал кующий шаг,
Лик полуночника
Несущий красный флаг.

24

Зазывая взглядом гнойным
Пеной желтых сиплых губ
Станом гнутым и нестройным
Сжав в руках дырявый куб

Ты не знаешь скромных будней
Брачных сладостных цепей
Беспощадней непробудней
Средь медлительных зыбей.

Из сборника «САДОК СУДЕЙ II» (1913)

25

Ор. № 27. Рожденье — сон возможный,
Он был и навсегда
Теперь не стал тревожный
Печальный голос льда.
Тоскующие нити,
Плывущая беда,
Торжественность наитий
Влечет туда...
Там бесконечно пьяны
Сосновые леса.
Провалы и изъяны
Черта и полоса.
О содрогайся гордо,
Провал, удар, тупик.
Измеиа всем аккордам,
ОГНЕДЫМЯЩИЙ ПИК.

1909

26

Ор. № 28. Кто стоял под темным дубом
Инстру- И, склоняя лик лиловый

ментовано на «С»

Извивался пряным кубом,
Оставался вечно новым,
Сотрясая толстым шлемом,
Черепашьей скорлупой,
Ты клялся всегда триремам,
СТРАЖНИК РАДОСТИ СЛЕПОЙ.

1909

27

Ор. № 29.

Стремглав болящий КОЛОС,
Метла и Эфиоп,
Сплетенья разных полос,
Разноголосый сноп,
Взлетающие ПЧЕЛЫ,
О милый малый пол
Дразнящие глаголы,
Коралловый аттол.
Как веер листья пальмы.
Явь, синь и кружева.
Отринули печаль мы,
Рев изумленный льва.
ЛИЛОВЫЕ АРАБЫ....
Тяжелая чалма....
Ах, верно вкусны крабы....
Пятнистая чума.

1909

28

Ор. № 30. Внизу журчит источник светлый,
Вверху опасиая стезя,
Созвездия вздымают метлы,
Над тихой пропастью скользя.
Мы все прииикли к коромыслам
Под блеском ясной синевы,
Не уклоняяся от смысла
И Я, и ТЫ, и МЫ, и Вы.

1908

29

Ор. № 31. Среди огней под черным иебом,
Безликой прелестью жива,
Вознесена к суровым требам
Твоя поспешно голова.
За переулком переулок,
Сожравши потрясенный мост,
Промчишься мимо медных булок,
Всегда, сияющий и прост.
А там, на синей высоте
Кружит твоя прямая стрелка,
На каждой времени версте
Торчит услужливо горелка.

1909

30

Op. № 32. Стальные, грузные чудовища
ОРАНЖЕВЫЙ подъемлют крик,
Когда их слышу ржанье, нов еще
Мне жизни изможденный лик.
На колеях стальных, жестокие,
Гилиотинами колес,
Стуча, трясете, многоокие,
Немую землю — троп хаос.
Вы в города обледенелые
Врываетесь из темных нив,
Когда ЧАСЫ лукаво СПЕЛЫЕ
Свой завершат живой прилив.

1908

31

Op. № 33. ТРУБА БЫЛА зловеще ПРЯМОЙ
ОПАСНАЯ ЛУНА умирала,
Я шел домой,
Вспоминая весь день сначала.
С утра было скучно,
К вечеру был стыд.
Я был на площади тучной
И вдруг заплакал навзрыд.
Трубы была трагически прямой,
Зловещая луна УМЕРЛА.
Я так и не пришел домой,
Упав у темного угла.

1909

32

Op. № 34. Какой глухой слепой старик!
Мы шли с ним долго косогором,
Мне надоел упорный крик,
Что называл он разговором,
Мне опротивели глаза,
В которых больше было гноя,
Чем зрения, ему стезя
Была доступна, — вел его я.
И вот пресекся жалкий день,
Но к старику нет больше злобы,
Его убить теперь мне лень,
Мне мертвой жаль его утробы.

1907

33

Op. № 35. У радостных ворот,
Поникший утомленно,
Под тяжестью огромной
Желаний рабьих — крот,
Иль сглазили со стен
Иль перед узким входом,
Сраженный цепким годом,
Ты сам отринул плен.

1910

34

Op. № 36. «ЛАЗУРЬ БЕСЧУВСТВЕННА», —
я убеждал старуху,
«Оставь служить скелетам сиплых трав,
Оставь давить раскормленную муху,
Вождя назойливо взлетающих орав».
С улыбкой старая листам речей внимала,
Свивая сеть запутанных морщин,
Срезая злом уснувшего металла
Неявный сноп изысканных причин.

1910

35

Op. № 37. Вечер гниенья
Старость тоскливо
Забытое пенье
Лиловым стремленье
Бледное грива
Плакать страдалец
Тропы залива
Сироты палец.

1911

36

Op. № 38. Темный злоба головатый
Серо глазое пила

Утомленный родила
Звезд желательное латы.

1912

37

Op. № 39. Какой позорный черный труп
На взмыленный дымящий круп
Ты взгромоздил неукротимо...
Железный груз забытых слов
Ты простираешь мрачно вновь
Садов благословенных мимо.
Под хладным озером иебес,
Как бескоиечно юркий бес,
Прельстившийся единой целью!
И темный ров и серый крест
И взгляды запыленных звезд
Ты презрел трупною свирелью.

1911

38

Op. № 40. Перед зеркалом свеча
С странной миной палача
У девичьего плеча
Острие влачит меча,
Вкруг ее ночная тьма,
Исступлеиная зима
Угловата и пряма,
Оковавшая дома.

1901

Из сборника
«ТРЕБНИК ТРОИХ»
(1913)

39

Зори раскинут кумач
Зорко пылает палач
Западу стелется плач
Запахов трепетных плащ

40

Чрево ночи зимней пусто
Чередой проходят вьюги
Черепов седых подруги
Челядь хилая Прокуста
Черен ночи зимней гроб
Чередуйтесь пешеходы
Черепок цветок сугроб
Черепашьи ноги ходы

41

Дверь заперта навек навек
Две тени — тень и человек
А к островам прибъет ладья
А кос трава и лад и я

А ладан вечера монах
А ладно сумрак на волнах
Заката сноп упал и нет
Закабаленная тенет.

42

Это серое небо
Кому оно нужно
Осеннее небо
Старо̀ и недужно
Эти мокрые комья
И голые пашни
Этот кнут понуканий
Всегдашний...

43

Поля пусты
Кареты черной дрожь
Полей листы
Здесь колебалась рожь
Лучистых вод
Недвижен взгляд
Луч хоровод
Их постоянен лад.

44

Деревья спутали свои ветки
Пальцы родимых тел
Бьются в клетке снеговые птицы
Зимний удел
Протянули рощи свои спицы
Снег шапки надел
Овеяны пухом ресницы
Зимний предел.

45

Блоха болот
Лягушка
Ночная побрякушка
Далекий лот
Какой прыжок
Бугор высок
Корявая избушка
Плюгавый старичок

46

Вещатель тайного союза
Роняет лепесток полураскрытых уст
Прозрачный трепетный смешно цветистый куст...
Палящая тела булыжник слизь медуза.

47

О злакогривый истукан
В пылу желаний злобный лев
Хрустальный пиршества стакан
Ты насадил на юркий клев
Под серым неба хомутом
Продажный выею трясешь
Слюну роняешь пьяным ртом
Хрипишь свистишь и жадно пьешь

48

Закат маляр широкой кистью
Небрежно выкрасил дома
Не побуждаемый корыстью
Трудолюбивый не весьма
И краска эта как непрочиа
Они слиняла н сошла
Лишь маляра стезя порочна
К забавам хмельным увела

49

На зелени травы сияет первый снег
Исчезли сниевы сокрылось лоно нег
Холодная зима
Вступившая в права
Буранов злых корчма
Седая грнва льва.

50

Природа смрадный труп
Над пустотой полей
Зловония свои развила крылья
Умершие царившие обилья
Лежат пылкости гвоздик — огней
Под острием многодымящих труб.

51

Занемогла не захотела
Покинуть пасть
Уйти из пышущего тела
И не упасть
Была прожорлива акула
А ночь светла
На кораблях чернели дула
И вымпела.

52

Клонись клонись над краем бездны
И змею лишь гляди в глаза
Он там струится темнозвездный
Как исступленная гроза
Бросая пламенные розы
Бросая вниз
Согнись пред бременем угрозы
Не обернись.

53

Когда уходит свет дневной
Мы в темных норах зажигаем
Огонь лампад огонь ночной
Мы напитавшись темнотой
Ево упорно охраняем
Не искушенные луной
Не искушенные луной

54

Пред этой гордою забавой
Пред изможденностью земной
Предстанут громкою оравой
Храм обратя во двор свиной
Пред бесконечностью случайной
Пред зарожденьем новых слов
Цветут зарей необычайной
Хулители твоих осиов

Из сборника
«ДОХЛАЯ ЛУНА»
(1913)

---

55. МЕРТВОЕ НЕБО

Op. 60. «Небо — труп»!! не больше!
Звезды — черви — пьяные туманом
Усмиряю боль ше — лестом обманом
Небо — смрадный труп!!
Для (внимательных) мнопов
Лижущих отвратный круп
Жадною (ухваткой) эфиопов.
Звезды — черви — (гнойная живая) сыпь!!
Я охвачен вязью вервий
Крика выпь.
Люди-звери!
Правда звук!
Затворяйте же часы предверий
Зовы рук
Паук.

56

Op. 48. Как старая разломанная бричка
В степи звучит о птичка твое пенье
Какое надобно терпенье чтоб вечно ликовать
тебе внимая
Средь голубых просветов мая лучами
бубенцов своих играя.

57. КРИКИ ПАРОВОЗА

Ор. 74. Рубн твердые воздуха зеркал
Флагами желтым и черным[1] маши
Кто уже отсверкал в глуши[2]
Бедная сторожка н 10 синих глаз
Отрезана иожка у двух зараз
Громадные копыта[3] вышиты кровью
Жнзнь забыта под бровью[4]

" "
"

Под ногами зачастую видим бездну разлитую
Над мостами не всегда блещет колкая звезда
Ночн скрипка[2] часто внэгом нарушает тишину
Прижимается ошибка[5] к темноглазому вину[6].

58

Ор. 46. И выжимая ум как губку
Средь поиск неутробных крас
Ты как дикарь древес зарубку
Намеком замеияешь глас
Тогда взыскующему слепо
Живым стремлениям уют
Кричит толпа палач свирепый
Ты не профет — ты жалкий плут.

---

[1] Свистки. [2] Поезд. [3] Колеса. [4] Луна. [5] Возможиость катастрофы. [6] Окно. *(Прим. автора).*

59

Op. 47. Умерла покрывшись крепом
Ложа пахло пряным тмином
Золотою паутиной
Мыслей старых тиной
Умирала в звуке клавиш
Опадала тихострунно
Речкой вешнею подлунной
Сжав свои задачи умно.
Так под грязным мутным лепом
Проживала непогода
Озверевшего народа
Утомленного приплода
Не прибьешь и не задавишь
Ни болезнью ни заботой
Нерадеющей остротой
Проходящей шумно ротой.

60

Op. 49 I. Я имел трех жен
Каждая из них была ревнива
Меч вышел из ножен
Ветер узкого залива
Была бела как солнце грудь
Луга покрыты боярышником
Ну же скорее принудь
Встать сих боярышень-ком
Небо казалось синим озером

Светило белой лодкою
Измерялось время мозером
Часы заполнялись молодкою
Из узкого тонкого горлышка
Капало оно слезками
Все принималось за вздор
Лишь казалось памятно повозками

61

Ор. 50. II. Он жил избушке низкой
И день н ночь
А облака пурпуровою низкой
Бежали прочь
Он закрывал причудливо словами
Провалы дня
И ближние качали головами
На меня
Тогда он построил дворец
И прогнал всех прочь
Высился грузно телец
Созерцая ночь
Длились рукоплесканья
Текла толпа
Какие-то сказанья
Вились у столпа
Дворец стал его голгофой
Кто же был пилатом
Кто стучался «**Однобровой**»
К его латам

Ты заковался в эти латы
Неспроста
Судьба Судьба куда вела ты
Его с поста
Судьба Судьба кому сказала
Ты первый час.
Что опустела зала
И умер газ

62. «БЕЗ. Н»

Что прилипала чарка
к их губам
Была товарка
К гробам
Золотым
При замке
Косам витым
Руке
Мертвецы утопают реках
Льстецы   веках.

63. «БЕЗ Р И С»

Лепеты плавно
Мокнут забавно
В итогах
В погодах забытых пешеходами.

64. «БЕЗ А»

Кони топотом
Торпливо
Шепотом игриво над ивой несут

65

Ор. 52. Я пью твоих волос златые водоемы
Растят один вопрос в пыли старея томы
На улице весиой трепещут ярко флаги
Я прав как точный ной презревший злобу влаги
Над темнотой застыл скелетик парохода
Не прочен старый тыл цветущая природа
Весной права судьба поклонников чертога
Немолчная гурьба Взыскующая бога
Припав к зрачкам обид к округлости копыта
Являешь скорбный вид растроганный до сыта

66

Ор. 53. Трикляты дни где мертвою спиною
Был поднят мыслей этих скорбный груз
Где цели были названы виною
Шары катимые пред горла луз
Молчите!!! станьте на колени
Пророки облака века
небес беззубых бурные ступени
И паровоз гигант и шумная река!!

67

Ор. 54. У кровати докторов
Слышим сдержаиное пенье
Ветир далекий поведеиье
Изветшалый дряхлый ров
Наступает передышка
Мнет подушка вялый бок
Тряска злоба и одышка
Закисает желобок
За окном плетется странник
Моет дождь порог армяк
Засосал его предбанник
Весь раскис размяк
И с улыбкою продажной
Сел на изголовье туч
Кузов-радость-солнце-важной
Грязью бросивши онуч
За его кривой спиною
Умещусь я как нибудь
О веваем седииою
Изрубивши камнем грудь.

68. «БЕЗ Р И С»

Ор. 55. Луна едва дышала
У тихих вод
Где днем о-вод
Пил коней

Мушки в облаке Пыли
Летели
Была теплота как вода.
Под нвами невода
Мели тучи.

69

Ор. 56. Мы бросали мертвецов
В деревянные гроба
Изнывающих льстецов
Бестолковая гурьба
Так проклятье
За проклятьем
Так заклятье за заклятьем
Мы услышали тогда...
Звезды глянули игриво
Закипело гроба пиво
Там тоска-Всегда
Наши души были гряды
Мы взошли крутой толпою
Разноцветиые наряды
Голубому водопою
Бесконечной чередою
Застывая у перил
Мы смотрели как водою
Уносился кровный ил
Так забвенье наслажденье
Уложенье повеленье

Исчезало в тот же миг
И забавное рожденье
Оправданье навожденье
Гибло золотом ковриг.

70

Op. 57 **Солнце каторжник** тележкой.
Беспокойною стучит
Этой жгучею усмешкой
Озаряя вид
Солнце плут взломав окошко —
Тянет мой зеленый лук.
Из наивного лукошка
Стрелок острый пук
Солнце песенник прилежный
Он повсюду вдруг завыл
И покров зимы ночлежной
Удалил сияньем крыл
Солнце царственник земельный
Льет в глаза темня их кровь
Огнь лучей забеспредельный
Озарений дол и ров.

71. «БЕЗ Р»

Op. 61 От тебя пахнет цветочками
Ты пленный май
Лицо веснушками
обнимай точками

Небо у тебя учится
Не мучиться

Светом тучками
Тянучками
Тянется
Манит всякого
Ласково
Лас-
ковы
Под
ковы
Подковы
Его повалило.

72

Ор. 58. Взлетай пчела пахучим медом
Привлечена твоя стезя
А я влекуся непогодам
Чувств костылями егозя
Забывши прошлые побеги
И устарелый юный пыл
Не вылезая из телеги
Где день мой мертвенный застыл

73. «ГРУСТЬ»

Ор. 62. Желтые реки текут к бесконечности
Где то созрели унылые льды

Рухнули скалы младыя беспечности
Воплями буйно летящей орды
Созданы сломаны снова столетия
Тянется жуткий плакучий пустырь
Речь низвелась к хрипоте междуметия
Мечется гладный-озябший упырь.
Там в нищете в неизвестности каменной
Спелого ветра не зная черты
Области огненной кротости пламенной
Сердцем тоскующим тянешься ты.

74. ЗРИТЕЛЬНОЕ ОСЯЗАНИЕ

Ор. 63 Не позволяя даме
Очаровать досуг
В их деревянной раме
Под руководством слуг
Блестят друзья осколки
На поворот дорог
Их стрелы только колки
Где выл протяжный рог
Затрепаны одежды
последних облаков
Все то что было прежде
Лишилося оков.

75. «УЛЕЙ ЗИМЫ»

Ор. 69. Помят последнею усмешкой
Отходит упокоясь прочь

За каторжной своею пешкой
Безжалостную ссылки ночь
Вокруг-мечи на небе (ели)
Пестрят неровности песка
Пути скучающих похмелий
Поблескиванье тесака
А оглянувшись только видеть
следы *Своих Последних* иог
Всегда бояться не обидеть
Взаимодействия порог
А настороже только слухом
Ловить свой шорох веток хруст
Ему включенному порукам
Лобзающему каждый куст

76

Ор. 72. Закат *Прохвост* обманщик старый.
Сошел опять на тротуары
Угода брызжущим огням
И лесть приветливым теням.
Скрывая тину и провалы
Притоны обращая в залы
И напрягая встречный миг
Монашество сметать вериг
Но я суровость ключ беру
И заперев свою дыру
Не верю легкости Теней
Не верю мягкости Огней.
Закат-палач рубахе красной
Ловкач работаешь напрасно

Меня тебе не обмануть
Меня далек твой «скользкий» путь.

77

Ор. 59. Корпи писец хитри лабазник
Ваш проклят мерзостиый удел
Топчи венец мой-безобразник
Что онаглел у сытых дел
Я все запомню непреклоино
И может быть когда иибудь
Стилет отплаты пораженной
Вонзит вам каменную грудь

78. УВЯДШИЕ БУР...

Ор. 71. Лей желтое виио[1] из сииенькой бутылки[2]
Мие не пьяиеть даио хоть твой напиток пылкий
Глядите мрачно врозь зеленые уставы[3]
До сердца проморозь бесстрашием отравы
Вот вязкий мутный пруд
Отец белейших лилий
Какой упорный труд
Расти на этом иле.
А я идти устал и все мне надоело
И тот кто днем был ал и то что было бело

---

[1] Лунный свет [2] Небо [3] Дерева *(Прим. автора).*

79. И. А. Р.

Ор. 75. Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Так идите же за мной...
За моей спиной
Я бросаю гордый клич
Этот краткий спич!
Будем кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будем лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбь!
Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Все что встретим на пути
Может в пищу иам идти.

80

Ор. 76. Я строю скрытных монастырь
Средь виноградников и скал
О помоги ночной упырь
Запутать переходы зал.
Вверху свились гирлянды змей
В камнях безумие скользит
Как печь горит чело полей
Песчаник мрамор сиенит
Вдали сомкнулся волн досуг
Отметив парус рыбарей

И все кричит стогласно вкрут
«О строй свой монастырь скорей»!

81. ВОЛКОВО КЛАДБИЩЕ

Ор. 70. Все кладбище светит тускло
Будто низкий скрытный дом
Жизни прошлой злое русло
Затенившееся льдом
Над кладбищем зыбки виснут
В зыбках реют огоньки
В каждой пяди глин оттиснут
Умудренный жест руки
Ветр качает колыбельки
Шелест стоны шорох скрип
Плачет, сеет пылью мелкий
Дождик ветки лип.

82. СТАРИК

Ор. 64 Как серебро был свет дневиой
Как злато цвет закатный
А ты упрямой сединой
Дрожал старик отвратной
Ты звону предан был монет
Из серебра из злата
И больше верил этот цвет
Чем яркий огнь заката.

83. ЧЕРНОЕ И ЗЕЛЕНОЕ

Ор. 65. Чума над лунным переходом
Взвела кривой и острый серп
Он чтим испуганно народом
Кроваво испещренный герб
Зеленоглазая царица
Ужасных стонов и скорбей
Лаской истерзанные лица
Под грохот кованных цепей.
На эшафот угрюмо черный
Взноси ребячество голов
О ты пришлец зимы упорный
Постигший неотвратный ров
Что пред тобой людские стоны
И плеск и визг и тишина
Ведь малахит прямой колонны
Как отблеск неживого сна.

84

Ор. 51. Небо рассветом как пеплом одето
Последних гул колес
Петух проснувшийся кричит чуть слышно где-то
Вкруг хаос все смущенье и вопрос
Жестокой линией скользнули в темь вагоны
О чем о чем вздохнул
Какие победил препоны
Колес последний гул
Ушли колодники отзвякали цепями
На путь пустой слетает вьюги хмель

Пред глазом никого одна осталась с нами
Ее унылая и долгая свирель

85. НОЧНОЙ ПЕШЕХОД

Ор. 76. Кто он усталый пешеход
Что прочернел глухою тьмою
Осыпан мутною зимою
Там где так низок свод?.
Кто он бесшумный и бесстрашный
Вдруг отстранивший все огни
Как ветер голос: «прокляни
Что возрастет над этой пашней».
Какая тайная стезя?
Руководим каким он светом?
Навек мы презрены ответом
В слепую ночь грозя!
А он пройдет над каждой нивой
И поглядится встречный дом
Каким то тягостным судом
Какой то поступью ревнивой.

86

Мы мерим исщербленным взглядом
Земли взыскующую прыть.

Ор. 66. Полночью глубокой
Затуманен путь
В простоте далекой
Негде отдохнуть

Ветер ветер злобно
Рвет мой старый плащ
Песенкой загробной
Из-за лысых чащ
Под неверным взглядом
Лунной вышины
Быстрых туч отрядом
Рвы затенены
Я старик бездомный
Всеми позабыт
Прошлых лет огромный
Груз на мне лежит
Я привык к тяготам
К затхлой темноте
К плещущим заботам
К путанной версте
Нет вокруг отрады
Все полно угроз
Туч ночных громады
Сиплый паровоз.

87

Ор. 67. Ветер пляшет глубоком поле
Хватает лес за вихры
Луна морозном ореоле
Сетей поры
Сокрылся горизонт молочный
Вокруг ниги
Все очертания неточны
Путей слуги

Ветер сбесился морозном поле
Поймавши лес за вихры
Луна потухшем ореоле
Лучей коры.

88. «КОПЬЯ ВЕСНЫ»

Ор. 68. Звени пчела порхая над цветами
Жизнь тяжела — построена не нами
Проклятый труд гнетет нас с колыбели
Одни умрут другие вновь запели
Прискучили слова озлоблены напевы
И терпим мы едва призыв трескучей девы
Звени пчела трудяся с колыбели
Жизнь тяжела объятиях метели

Из сборника «МОЛОКО КОБЫЛИЦ» (1913)

---

89. НЕБО НАД ПАРКОМ

Древний блеклый щит героя
Сжатый снегом облаков
Нам дарит качаясь хвоя
Над строителем углов
Мы взглянули лишь случайно
И смотри уже открыт
Четко зло необычайно
Исступленный синий щит
Сеткой плавной позолоты
Исчерненный как спина
Ты сквозишь над нами годы
Юность вечность вышина.

90. ПЕРВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Окно открыл и посмотрел на грядки
Вон ветер шевелит материю гардин
Все ново вкруг везде плывут загадки
Как эти шорохи уже размытых льдин

Чтож измерять я стану напряженно
Сей храмный свод немую высоту

Иль лот изменчивый заброшу я бездонно
За грани трепетов за саваиов черту.

Заметил девушку и улыбнулся иве
Первичный пух чуть наклонял Зефир
А я дрожал в тончайших чувств приливе
Глядя на мирный сей осуществленный пир.

Молитвенно сложил свои больные руки
Весна весна шепнул зеленый день
А там ловцы свои сгибали руки
И птица падала в еще сквозную сень.

91

В голубые просторы
Где-то впаяны льды
Заморожены взоры
Отдалеиной слюды

Закалдованы слезы
Огиевеющий взмах
Ледниковые розы
На небесных устах

Кто то сбросил наряды
И предстал весь горя
На лучистые гряды
Твоего янтаря.

92. УТРО

Я видел девы пленные уста
К ним розовым она свою свирель прижала
И где то арок стройного моста
От тучи к туче тень бежала

Под мыльной пеной нежилась спина
А по воде дрожали звуки весел
И кто то вниз из горнего горна
Каких то смол пахучих капли бросил.

93. ПОСУЛ ОСЕНИ

Туман разит цветы
Мертвец глухой седой
Средь тусклой высоты
Рожденный над водой

Ты как река течешь
Как белый дым скользишь
Твой шаг как хладный нож
Как обморок как тишь!

Как саван как крыло
Везде везде взмахнул
Ты вкрадчивое зло
Ты осени посул.

94. СОЛНЦЕ

Цветы как оазисы яркости . . . . .

Камень знойный одноглаз
Тебя мы видим ведь не раз
Тебя мы видим каждый день
Но всеж хвала тебе не лень!

В лазури кто встает столь зримо
Готовно светит так другим
Кто так торжественно умрет
Чтоб снова жить как час придет.

Слепишь ты окна
Пестришь неровность вод
Тянуть волокна
Умеешь каждый год.

Никто не взглянет
Внутрь в огненный зрачок
Свет в душу прянет
Как к мухе паучок.

95

Ушедших мигов тайный вред
Сгибает медные власы
Тоскливый бесконечный плед
След убегающей лисы

Под остывающий помост
Сокрылись мертвенные лица
Мигнул златоволосый хвост
Ушедших мигов вереинца

Смотри вокруг везде беда
Упали башеины фронтоны
Исчезли стены без следа
Ты пень сухой лишенный кроны.

1908

96. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Ково я ждал здесь на немой дороге
К кому я шел развеяв волоса
Вверху плыли сосцы сосцы на осьминоге
А я стоял и ждал куда падут веса

Какие то огни мерцают из пучины
Далеких странников глухие голоса
Зазвездные дерев роскошные вершины
Ведомых зданий крайние леса!

97

Из бледно желтой старины
Кропя росою тонкой пыли
Власы посмертные ковыли
Дала объятиям весны . . .

Под голубое небо дня
Пред острия пушистых копий
Благословляя век холопий
И с ним на миг соеденя.

(Внучка рассматривающая ларец).

98. В ТРАМВАЕ

Там где девушки сидели
Сели стройные мужчины
Там где звонко ране пели
Сохнут вянут от кручины
Щеки где так сочно рдели
Скрыв округло жемчуга
Седины взвились метели
Бровь нахмуренно строга.

99. ВЕСНА

Ты растворила затхлый дом
Метнув живительный огонь
И тени скованные сном
Зажаты в хилую ладонь

Дом усыпальницею был
Трусливо шатких рубежей
Гнетущий изотлевший пыл
Под взором робких сторожей.

100. ВЕЧЕР В РОССИИ

Затуманил взоры
Свет ушел угас
Струйные дозоры
Иглист скудный час

Зазвенели медью
Седина-ковыль
Пахнет свежей снедью:
Под копытом пыль

Затуманил взоры
И уходит прочь
Струйные дозоры
Нега сон и ночь

Прянул без оглядки
Все темно вокруг
Будто игры в прятки
Жаждущий супруг.

1910

101. ПЕЙЗАЖ

(ветров упадающих груды)

Мечтанье трепет тишина
Игриво кудрая полянка
Звон жемчуг лепет и беглянка
Для мачты годная сосна

Покрытый мохом сгнивший крест
Как далеки воспоминанья
И изотлевшие желанья
Так бушевавшие окрест.

102

Прозрачный день, зеленое объятье
Ты растворил, чтоб воспринять меня
И знойное твое рукопожатье —
Живу безвременно кляня.

Чудовищность своих зрачков зеленых,
Скрывавший тщетно роем облаков.
Я погружен в природу сих бездонных,
Носитель блещущих оков!

103

Играл в полях пушистым роем туч
Жемчужные мячи по голубому полю —
Вздымая палицу блестящий страстный луч
И их гоня небесной жгучей болью

Внизу паслись зеленые стада
Их тучный рев немолчно славил волю
Поправшие витые города
И сонмы душ изъеденные молью.

104

Луна цветет средь облаков невнятных
Какие странные далекие шаги
Обрывки запахов листов пахучих мятных
Склоненных на чело ее ночной дуги.

Осенний дождь мутнит стекло светлицы
Едва живут как робкий вздох огни
. . . .

105. ВЕСНА

В холодной мгле в смертельном подземельи
Ростут туманные как призраки цветы
Безрадостный у вожделенной цели
Простерший **Мертвые персты**

Тогда стоявшая у сомкнутого входа
Тихонько подняла пустующую длань
Шепнула мне «пастух несчастный встань
Укройся от дождя в приюте темном грота».

106

Сгоревший мотылек на беспощадной свечке
Низринутый листок влекомый в быстрой речке
Над вами взвился рок Ваш бесполезен ропот
Ах еслибы я мог судьбы отринуть хобот!

107

Всегда капризный немного точный
Приходит и смеется вдруг
Как плод румяный пушистый сочный
Владетель множества супруг.

Над синим озером ликуя
Проносится твой резвый крик
Сияет радостная сбруя
Что чистил медленный старик

Непостоянством не уверить
Не оживишь возможность дней
Ты ведь проходишь все измерить
Всегда упорней и ясней.

1909 г.

108. ЗИМА

Луна скользит как с корабля Мертвец
Я за решеткою в тюрьме
Молюсь обглоданной зиме
Ей палачу живых сердец!

Какой ужасный мерзлый труп
Чернеет смутно за окном
Я затопить хочу вином
Находку пристальную луп!

На белом теле черных ран
Зияют мрачные следы
Мы дождались и сей беды
Стерпев осенний ураган.

1911 г.

109. ЛЕТНИЙ ИНОК

Звон цветов лобзанье пчел
Жидкий мед прямых тычинок
Стройный пряный круглый дол
В келье седовласый инок

Машет сморщенной рукой
Нежность дух благословенье
Свет и трепет и покой
Насекомых звонких пенье

Океан разверстых крыл
Сонмы вопиющих глоток
Лето солнце жизни пыл
Как Ваш миг стократ короток.

Облаков сплетенных рой
Облаков шумящих стая
Зачарована игрой
Их бесчисленность витая

Облака сквозное небо
Будто синие цветы . . . .

Но вокруг все пьяно слепо
Как стоглазые листы.

110

Все уходят быстро годы
Нет возврата нет назад
Ночи мучат непогоды
Каждому огню так рад

«Ты ведь молод ты ведь молод
И тебе ие страшен холод
Посмотри я стар я сед
Мне тяжеле нго бед»

И смеется он беззвучно
Спутник ночн неразлучной
Кажет мне гниющий зуб
Из за мерзлых синих губ

Он идет все рядом рядом
Он гонитель тайных нег
И под этим тусклым взглядом
Мерзнет сонный свежий снег

111

Из домов и в дома выходили входили фигуры
Была тьма на земле на верху облака были хмуры
Я на улице ночь проводил прислоняся к согретой
стене

Ветер ныл ветер выл на фонарном сгорая огне
Предо мной на до миой возносился громаднейшнй
дом
Весь окутанный мглой отуманенный тьмой
Многоцветом сияя окон.

1906 г.

112

Знаешь край где плещет влага
Камень скользкий бьет звеня
Голос смутный голос мага
Дух объемлет леденя

Край зеленый бело пенный
Чаек взлеты чаек крик
Голос моря глас несменный
Седовласый пенный лнк

Пролетают альбатросы
Луг зеленый луг внизу
С хриплой песнею матросы
Якорь ржавленный везут

113

Над зелено пенной зыбью
Пролетают альбатросы
Чайки ловят стаю рыбью
В снасти впутались матросы

В море зыблются медузы
Меж цветными кораблями
О порви с брегами узы
Взвейся сильный над морями.

1907 г.

114

Над кружевами юных вод
Краснеешь твердыми боками
Пронзаешь исступленно свод
И веешь флаг под облаками.

А уходя роняешь стон
Неужто ранен ты разлукой
Ты подыматель стольких тонн
Рожденный точною наукой.

115

Нас было двое мы слагали
Из слов тончайший минарет
В лазурь мы путь тогда искали
Взойдя на холм прозрачных лет

И возлагая новый камень
Мы каждый раз твердили вслух
Что близок уж небесный пламень
Что близок идеальный дух

И что же!.... кто взлелеял зависть
К творенью нашему тогда
Кто бросил жгучую ненависть
Смешав языкн навсегда.

116

Как сказочны леса под новым сим убором
Как гармонично все единостью окраски
И небо и земля и липы за забором
И кровли снежные напялившие маски

Земля подобна стала рыхлым тучам
Утратилась ее земная твердость
И первый ветер облаком летучим
Поднимет понесет зимы морозной гордость.

117

Ты нас засыпал белым белым
Все ветки стали вдруг видны
Как четко черная ворона
Спокойные смущает сны

С землею слит край небосклона
Я не хочу желать весны
Под этим снегом белым белым.....

118. ВОКЗАЛ

Часовня встреч разлук вокзал
Дрожащий гул бег паровоза
Тревожность оживленных зал
Разлуки пламенная роза

На плечи брошенные тальмы
Последний взгляд последний зов
И вверх искусственные пальмы
От хладной белизны столов

Ведь каждый день к твоим путям
Бегут несчастнейшие лица
К кому безжалостна столица
И никнут в стали звонкой там

И утром каждым в эту дверь
Стремятся свежие надежды
Все те на ком столица зверь
Не съела новые одежды

А ты гирляндами горелок
Блестя на миг один приют
Подъемлешь свой дорожный кнут
Живую неуклониость стрелок.

1907 г.

119. МАРИНА

(Кто вырвал жребий из оправы. . .)

В безмолвной гавани за шумным волнорезом
Сокрылся изумрудный глаз
Окован камнем и железом
Цветно меняющийся газ.

В сырой пустыне где ветер влажный
Средь бесконечной рябн вод
Широкий путь пловца отважный
Дымящий шумный пароход

В просторе скучном кают веселье
Остроты франтов и хохот дам
А здесь притихшее похмелье
По неотмеченным следам

Там цель прямая по карте точной
Всех этих пассажиров влечь
Быть может к гибели урочной. . . .
(Приблизит роковая течь)

А здесь в волнах круглясь дельфины
Спешат за режущим килем
Их блещут бронзовые спины
Аквамариновым огнем.

1910 г.

120. ПОДАРКИ

Ты истомленному в пустыне
Глаза свои преподнесла
Что свято предаешь ты ныне
В долинах бедствий мраков зла

Какие нежные запястья
С пугливой груди отстегнув
Исторгнешь клики сладострастья
Химер безумный хор вспугнув

Или мечом туманно алым
Победно грудь рассечена
Душа вспорхнула птичкой малой
И жизнь конечно не видна.

1908

121

По неуклонности железной
Блестящих рельс стальных
Путем уходишь звездным
Для рубежей иных

Смеется и стремится
Иной иной удел
И сумрак тихий длится
Как серебристый мел

Пади раскрыв колени
И утоли любовь
В высоко жгучем пеньи
Поверь всевластна кровь

1907

122. СОБИРАТЕЛЬ КАМНЕЙ

Седой ведун
Как много разных камней
Ты затаил в суровой башне лет

Зеленых лун
Там плесень стала давней
Но солнца в гранях стоек свет

Своих одежд
Украсил ты узоры
Их огранив в узилище оправ

Огонь надежд
Лишь к ним клонятся взоры
Седой ведун ты в гранях вечных прав

1907

123. ЗИМА

Как скудны дни твои
Какой полны тоскою

Отчаянья бесстрастною рукою
Сгибают рамена мои!

В окне замерзлом бледная денница
За беспросветностью черневшей ночи
Казалось замерзающая птица
Ко мне пробиться в душу хочет.

1907 г.

124

На улицах ночные свечи
Колеблют торопливый свет
А ты идешь сутуля плечи
Во власти тягостных примет

В уме твоем снуют догадки
О прошлом изнурившем дне
А фонари тебе так гадки
Как змей глаза во сне.

1907 г.

125. СУМЕРКИ

Веселый час! я посетил кладбище
Первоначальных дней (упавших навсегда),
Как мот скитался там как безотрадный нищий
Что даже смерть ему не нанесет вреда

Следил внимательно гробниц следы кривые
Надежды робкие сокрыли склепы их
Порывы дерзкие восторги боевые
И многих не узнал среди льстецов своих

«Твои твои» шептали вяло камни
«Ты здесь ты здесь» шуршит внизу земля
Мгновенья беглые сознанья былей давни
Струились ввысь туманя и пыля.

1908

126

Четвероногое созданье
Лизало белые черты
Ты как покинутое зданье
Укрыто в черные листы

Пылают светозарно маки
Над блеском распростертых глаз
Чьи упоительные знаки
Как поколебленный алмаз.

127. НАЕЗДНИЦА

На фоне пьяных коней закатных
Серебрознбруйные гонцы
А вечер линий ароматных
Развивший длинные концы

На гривах черных улыбки розы
Раскрыли нежно свои листы
И зацалованные слезы
Средь изумленной высоты.

1908 г.

128

О желанный сугроб чистота
О бесстрастная зим чернота
Ты владетель покорнейших слуг
Породнл ароматов испуг

Под кобальтовой синью небес
Тонким цинком одеты поля
Ты лепечешь персты оголя
Эти струи несозданиых месс.

Разметавшись в угаре морозном
Среди бьющихся колющих игл
Ты лишь здесь откровенио постиг
Светлый воздух сосуде курьезном.

129. ВЕСНА

Дрожат бледнеющие светы
И умирают без конца
Легки их крохкие скелеты
У ног сокрытого тельца

Тускнеют матовые стекла
Закрыто белое крыльцо
Душа озябшая намокла
И исказилося лицо

И вдруг разбужен ярым криком
Извне ворвавшийся простор . . . . .
В сияньи вешнем бледным ликом
Встречаю радостный топор

Слежу его лаская взором
И жду вещательиых гонцов
Я научен своим позором
Свершивший множество концов.

130

Волн змеистый трепет
Скалы острова
Ветра нежный лепет
Влажная трава

Брошены простыни кто то вдаль уплыл
Небо точно дыни полость спелой вскрыл
День сраженный воин обагрил закат
Кто то успокоен блеском светлых лат.

131

Кто ранен здесь кто там убит
Кто вскрикнул жалобный во тьме

Хамелеон тупой тропе
Свой разноцветный отдал щит

Руби канат ушла ладья
Напрасны слезы и платок
Что в ручке трепетной измок
Пурпурных обещаний дня

Оставь оставь пускай одиа
Влачится ариадны нить
Я знаю рок сулил мне жить
Пасть-лабиринтова смешна.

132

Богиня Сехт жар пламени и битвы
Пыл гиева с головою льва
В тебе гранитные молитвы
В тебе гранитные слова

Как здесь прекрасно женское начало
Но этот лев, — но этот хищный лев
Вселенной всей тебе объятий мало
Живущая гроба преодолев

Из сна веков дошла неотразимо
Ты вечное и прежде и теперь
Телесна страсть тебе прямое имя
К реальиой вечности приятственная дверь.

1908 г.

133. СУМЕРКИ

Истлевшие заката очаги о синяя возможность ночи

Д. Б.

Возможность новая усталым взорам мрак
О тьма свинцовая пастух дневных гуляк
Бросая полог свой по всем путям бредешь
О сумрак час немой туманность, нега ложь.

. . . .

Ты обещал сдержать неистовое слово
Темнела улица вечерний топот рос
Обыденная муть вливалась в сердце ново
А где то веяли кристаллы рос

Отравы мучили и сумерки томили
Искал доверчивых и пригвожденных глаз
Неслись далекие устало ныли мили
Под грохот рухнувших испепеленных ваз

И что же как всегда над четким парапетом
Вдруг встала смерть свой остов обнажив
А медленный закат ложился тонким светом
В глухие болота испепелениых нив.

1907 г.

Из сборника «РЫКАЮЩИЙ ПАРНАС» (1914)

Цикл стихов

«ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХ ЖАБ»

134

Там вопли славословий глуше
Среди возвышенных громад

Глубился в склепе, скрывался в башне
И УЛОВЛЯЛ певучесть стрел,
Мечтал о нежной весенней пашне
И как костер ночной горел.
А в вышине УЗОР СОЗВЕЗДИЙ
Чуть трепетал, НО соблазнял
И приближал укор возмездий,
Даря отравленный фнал.
Была душа больна ПРОКАЗОЙ
О, пресмыка:ющийся раб,
Сатир несчастный, одноглазой,
ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХ ЖАБ
. . . .
И вот теперь на фоне новом
Взошла несчетная весна.
О воскреси, губитель, словом.
Живи небесная жена.

135

Луна старуха просит подаянья
У кормчих звезд, у луговых огней,
Луна не в силах прочитать названья
Без помощи коптящих фонарей.

Луна, как вша, ползет небес подкладкой,
Она паук, мы в сетках паутин,
Луна — матрос своей горелкой гадкой
Бессильна озарить сосцы больных низин.

136

? ? ?

Больше троп, иль пешеходов,
Больше нив, иль пышных всходов,
Больше лун, или лучей,
Больше тел, или мечей,
Больше мертвых, иль гробов,
Больше ран, или зубов,
Больше воплей, или глоток,
Больше морд, или оброток.

? ? ?

137. ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Луна под брюхом черной тучи
Лижи сияющий пупок.

Злорадственно вздыбились кручи,
И мост отчаянья глубок

А узкогорлые цевницы
Пронзили пораженно тьму
Под грохот мозглой колесницы,
Умчавшей СДОХШУЮ ЗИМУ.

138

Иди над валом,
Нежно тая,
Глубин забралом
Обладая.
Тропой далекой
Скачут кони,
Норой глубокой
Кроют брони.
Стрелу высоко
Мечут луки,
Не схватит око,
Не видят руки.

139—141. ЛУННЫЙ СВЕТ

1.

Ночь была темнокудрой,
А я не поверил в ночь,
Я с улыбкою мудрой
Зажег восковую свечь,

Ночь надела ожерелье
Белых крупинок,
А я скопидомно жалел ей,
Очей своих ИНОК.

2.

Ночь построила зимний дворец,
А я скитал за оградой,
Нитку держал за белый конец,
Считал наградой,
Я проклинал свою младость,
Скверио быть старым...
Я шел наугад...

3.

Под ногами зачастую
Видим бездну разлитую.
Над мостами не всегда
Плещет колкая звезда.
Ночи скрипка[1]
Часто визгом
Нарушает тишину.
Прижимается ошибка[2]
К темноглазому вину.

---

[1] Поезд. [2] Возможность крушения. *(Прим. автора).*

142

Долбя глазами вешний лед,
Свой искусивши глазомер,
Среди загадочных колод,
Вы, с солнца взявшие пример,
Вы восприяли гордый пыл
На грудах осиянных дней,
Как будто каждый не забыл
Отчизну старости своей.

143. ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Сумерки падают звоном усталым.
Ночь, возрасти в переулках огни.
Он изогнулся калачиком малым,
ОН (шепчет): «в молитвах меня помяни,
Я истомлен, я издерган, изжален,
Изгнан из многих пристанищ навек,
Я посетитель столовых и спален,
Я женодар, пивовар, хлебопек.
Жизнь непомерно становится тесной,
Всюду один негодующий пост,
Я захлебнусь этой влагою пресной,
С горя сожру свой лысеющий хвост».
Стонет учтиво и ласковым оком
Хочет родить состраданье во мне.
Я: «Друг мой (не надобно быть и пророком)
«Ты оживешь по ближайшей весне».

144. ВЕТЕР

Погонщик трав,
Ветер беспокойный,
Порывист нрав,
Дыханьем знойный,
Серпа не надо.
Сминая пяткой
Лазури гада,
Играешь кадкой,
Все под тобою,
Всегда загадкой,
И рвешься к бою.

145

Зигзаги трусости отвали,
Зигзаги мраков
И светлот,
В душе оврагов
Поворот.

146. ВЕСНА

Навозная жижица
Впитана зраком,
Малая книжица
  Маком.
Солнце поденщик,
А я повелитель,

Весность, ты банщик,
Старый спаситель.

147

Покинув зимние чертоги,
С тяжелым посохом в руках,
Опять на грязные дороги
Выходит сумерек монах.
Пересекает снова реки,
Остановившись на мосту,
Следит воды живые веки
И звезд надречных простоту.
Все вновь желательно для слуха,
И шепот этих крайних льдин,
И пролетающая муха,
И челн, часов сих господин.
Заря лобзает нежными устами
Подносы рдяные расплывшихся озер,
И кто-то тихими тревожит голосами
Весны пустой, но трепетный простор.

148

«У лошади не очи, а черные цветы».

Синий дым угаров,
Ты, говоришь, «Весна!»
Средь дерев бульваров,
Строптива и косна.

Надо таять снегам,
Синеть лазури,
Грязи влачиться иогам
Переулочных гурий.
Надо бегать собачкам,
Цвести цветам,
Автомобильным тачкам,
Стучать по зубам.

149

На площадях полночной мглою +
Когда ужасеи бури хлад,
Стремятся бедняки толпою
Свой озарить замерзший взгляд..
Кольцом молчащим цепенея
Суровый жест = бесплодный сад,
Сочтете жизнь, жизнь Ахинея
И дни мученьями грозят.

150

V

Так и теперь костер весенний,
Так много сгрудил чудаков,
Но искры поздних сожалений
Не залетят Ее альков.

!!!

151

Мы идем за дождем,
Мы идем за туманом,
Прикасаясь к мокрым ранам,
Корабли
Земли.
Одни на парусах
В окрестных волосах
Тишине.
Мели.
Тянутся недели
Куда глубокие заливы?
Где слушали мы шепот.
Дождь = стекло.
Дождь длинные трубки хрусталя.
Мокрое зло падай на поля.
У дождя, у дождя тысяча ног.
Он пробежит сколько следов
Через наш порог различных плодов.
У дождя 1000 ног.
Он стучит ими всюду,
Падает топот на снеговый лог,
Древнюю стен груду.
Вот пробежал он
Сколько копыт =
Маленьких ножек сырых.
В озере впалом
Он нежится сыт.
Рытвинах черных и злых.
Высосут, выпьют, забыты названия.

Легкий поднялся тумаи.
Ткач.
Белые изваяния.
Обман.
Ловкач.

152. ПРИМОРСКИЙ ПОРТ

Река ползет живот громадный моря,
Желтеет хитрая вода,
Цветною нефтью свой паркет узоря
Прижавши пристаням суда.
Вот здесь купаются, а дальше ловят рыбу,
А там морской гигант,
Дробя лазурь углами черных вант,
Укрывшись невода, что свил фабричный дым,
А иебо морем плещет голубым,
Не в силах поглотить туч раскалениых глыбу
Обилие лучей, тепла обилье,
Всему кричать сними тюрьму одежд,
Отторгни глупое потливое насилье
И розы вскрой грудей, дай насыщенье вежд.

153. СОНЕТ

Пламя твоих серых рук
Сжигай, сжигай меня,
Пали раскормленный паук,
Сожри проворная свинья.

Занятны полдни и восходы,
Рабочий бурный горизонт —
Закупоренные иноходы,
Невыплесканный понт.
И вот теперь на солнцепеке
Растут небесные грибы,
И отразившись в синем оке,
В беззубых челюстях судьбы,
Живут согбенно на востоке
Неокрыленные пророки.

154

Солнцу светить ведь не лень,
Ветру свистеть незадача,
Веточку выбросит пень,
Море жемчужину, плача.
Мне же не жалко часов,
Я не лишуся охоты
Вечно разыскивать слов
Дружно шагающнх роты...

155. ВЕТЕР

Строитель облаков,
Погонщик трав,
Гребец и пешеход,
Вот что начертано у входа
Твоей квартиры.

156

Средь рытвин неба
Брошен лунный плуг.
Д. Б.

Скобли скребком своим луна
Ночей фиалковые пятна,
Ведь это не твоя вина,
Что ты прогоркла и невнятна.
И кто тебе поверит, знай!
Что, озаряя царство лжи,
Червями пышущей межи
Отходишь предрассветный край.

157

Сними горящие доспехи,
Ты видишь, лето отошло,
И смерть уносит счастья вехи,
И всюду ковыляет зло.
Оторопей над соловьями,
Точась рубином сочных губ,
Ты видишь лето зимней яме
Законопаченное дуб.

158. БЕСПОКОЙНОЕ НЕБО

1.

Река горизонтальна,
Отвесны водопады,

Лазурь хрустальна,
А тучи — гады —
Свивают свои кольца
И мчатся далям,
Веселью и печалям,
Стараньем богомольца.

2.

И пухлыми грибами
Заполнив бутыль[1],
Скрипят между зубами
Самума пыль.

159. «ОНИ ПЛЫВУТ К ОДНОЙ МЕТЕ»

Ветер гудит на просторе и башнях,
Тесных лесах и распластаиных пашнях,
Ветер надулся и дует трубу,
Каждый свою лишь играет судьбу.
Я пресмыкаюсь, я знаю проходы,
Дыры, лазейки, витые пути,
Влача иа плечах своих тяжкие годы,
Все дале, все боле иести.

160. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Грозди заката на стеклах пеисне
Судьба клылата по моей вине

---

[1] Небо. *(Прим. автора)*.

На синем небе пожары букв
Найдите где бы не было рук в
Марающей пене будней коней
Я был Сиеие где небо синей.

161

Пламерукий закат держит город объятьях
Берущий краски напрокат привыкший жить
лицеприятьях
Вся жизиь как ложная улыбка
И маятник — трепещет зыбка
Но золото вечерних крас
Со стоиом покидает иас.

162. ВЕЧЕР НА ПАРОХОДЕ

Луна вонзила воды свой клинок,
Шумит поспешная текучесть,
И дым просмоленный челнок
Позиать уничтоженья участь.

163. ЗИМА ЛУНЫ

Пламя ласковой луны
Только светит, иет тепла,
И ее дрожат сыны
У небесного угла,

Высь ее удалена
От любовного запрета
И озябшая луна никогда не знает лета.
Вам зеленые грибы
Средь безвременной поляны
Созревают у губы
Непотребнейшей деляны.

164

Ушел и бросил беглый взгляд
Неуловимого значенья,
И смутно окрылился зад
Им зарожденного влеченья,
Проткнулась тощая стезя
И заколдованные злаки
Лишь рвутся следом, егозя,
Воспоминанья раки.

165

В иебе мачты ствол,
Огневеет вымпел,
Пароход, как вол,
Пашет волны. Дым пел,
Там черною змеею
Колеблем глубиною,
Где бронзовый дельфин
Блеснул спиною.

Исчезли берега,
Не видно красной глины,
Лишь пенные снега
Пестрят зыбей павлины.

166

1.

Заражены черты и стены
Иглою ломанных огней,
Так брызги лунной едкой пены
Марают ребра кораблей.

2.

И переулков ароматы,
Какой чудовищный букет;
Раскрыли скорбные заплаты
Полетом брызжущих ракет.

3.

Какие странные улыбки,
Рукопожатья фонарей,
Аквариумов блещут рыбки,
Сетей свободны рыбарей.

4.

Приходит ночь, скорбит старуха,
Назойлив сумерек скребок,

И мыши точат злобно сухо
Сарая застаревший бок.

167

Душа поката...

В очах лампад дрожат надежды,
Завязнув в тине мертвых глав,
Сегодня, завтра, как и прежде,
Покорной верой воспылав.
Взведя на горние пороги
Молитвенио свои уста,
Ты шепчешь высохшие слоги,
Как пепл солгавшего куста.

168. УЛЕЙ ЗИМЫ

Сонет

Опять Рои кружатся пчел,
И затуманен ими дол,
Зимы опять забыть могу ли
Шумящий беспокойно улей.
Какой свирепый хладный рой
Кружится чахлою толпой,
На город бросив нитей сетки,
Сухие вымерзшие ветки,
Вы нам несете льдистый мед,
Румяны вьюжны ароматы,

Пушинок зыблемый помет,
Вы нам несете седины,
А водам голубые латы
О пчелы старческой зимы!!

169

Долбя глазами вешний лед,
Свой искусивши глазомер
Среди загадочных колод
Вы, Солнца взявшие пример,

Вы возрастили гордый пыл
На грудах осиянных дней,
Как будто каждый не забыл
Отчизну старости своей.

170

Вечер на полях зеленой книги
Оставил бурный след
Скоротечны дневные миги
Низкопробен ночн плед.

На трухлом балконе
Слушаю шумы вод
Блеяние овец загоне
И дев горластый хоровод

Скромные тихие забавы
Длись неопытная весна

Растите ветки злаки травы
Недавио вставшие от сиа.

171. ВАЗА

Плыви могнльщик краем урны
Жемчужный расточая сноп
Стопы твои горе лазурны
И сумрак праведен холоп...

Глядишь озера хладных стекол
И глотки вытянутых труб
Твой взгляд лучисто-острый сокол —
Зелеиый завершенный зуб

Искрись над вазою[1] до края
Заполоиенной прямизиой
Чтобы блистать не умирая
Чтобы не ведать славы «Зиой»

ГОРОД. {
Изгибы стен ее сковали
Гроба = дома + цветы тоску
Скелеты утомленной стали
И медных помыслов реку

ЛУНА. {
Плыви 2 над краем урны
Свой жемчугов разбросив сноп
Твои стопы всегда лазурны
И мрак у ног твоих холоп.

---

[1] Ваза-город. *(Прим. автора).*

172. ОСЕНЬ

Поблескивает неба лоб
На равнииы павший гроб
Усопшая жара — ее увяли руки
О желтой кукурузы пуки!...

Работа кончилась иажралась иищета
Ползут приветливо осенней иочи тьмы
Исчезла высота
Гробовой крышкой вдруг прижаты мы.

173

В те дни когда мы говорим
Так нежно мама
Когда вся жизнь живому счастью рама
Когда слова

Легко берет и варит голова
Когда все сиы
Младым безумием полны
Душа очаг

И трепеща как флаг
Как пена сочных браг
Не различит
Что жизиь ей злейший враг.

174

Да в свой черед столетий ратям
От дней утробной глухоты
Дано идти весны палатям
До сокрушающей чертежы.

Равно ясны и лучезарны
Как капли меда в яда сот
Походы эти вечно парны
И незаметен поворот

Иди и плачь там над большим обрывом
Осколки туч — бутыль разбита неба
Душа загромождена порывом
В сугробах крепа.

Чините паруса ведь их изъела злоба
Душа ведь молода и надо надо жить
О ты жилец в грядущем темном зоба
Жестокой смерти держишь нить

Вся в завитках безглазыя орбиты
Веселенький червяк — спешит из под бровей
Она как дом где окна все забиты
Замолкший писк пономарей

Чините паруса нависла гнбель — буря
Вся жизнь теперь безжалостный присосок
И лишь поэт один проходит каламбуря
Рукою белой сжав в пути проросший посох.

175. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ

Отхожих мест зловонные заплаты
Младенческих утроб и кадмий и кобальт
Первичные часы расплаты и горбаты
И ярко красный возникает альт

Отхожих ландышей влекомый беленою
Смутить возможно ли усладу матерей
Пришедшие ко мне я ничего не скрою
Вас брошенных за жребием дверей.

176

Луна как герб
далеких пос...

Селена труп твой проплывет лазури
Селеньями определенных гурий
Где виноград как капли желтых смол
Девичьих грудь сосцы нашел

Лежала на перине белою ногой
Зеленый месяц вил свои тенета
Межа чернела за скобой тугой
И капал мед приманка сота.

177

I

Так на песчаной дюне
Полдень белой пяткой
В горячем Июне
Играет в прятки
Вот с ближнего форпоста
Доносится бой часов
На овце короста
Рыб улов
Длинны песчаные мели
Тишина
Строит свой город недели
Одна
Округлы небесные своды
Ложь
Живет здесь годы
Точит нож.
Рыбаки бросают сети
Знайте: сети облака
Рыбаки же ветры это
Мы как маленькие дети
Утешаемся пока
Над безбурной летой
Облака на солнцепеке
Совсем грибы
Мне надоело жить в опеке
Боясь судьбы
Хочу направить парусину
Ветрам наперекор

Пусть пена орошает спину
Буран — упор
Мы рыбаки давно привычны
Знать тряску волн
Для нас плевки пучин обычны
Наш срок условн.

178. ТРАВА

Ты растворил так много окон
Цвети последняя весна
Так долго кис так много мок он
И келья благостна тесна

Закабаленные надежды
Пробили вдруг земной приют
И ярки горние одежды
Мечи зеленые поют.

179

Где так весел ветра вой
Ты играешь не цветами не травой
Не большими озерами
Не пушистыми древами
А самой
Хромою высотой
Она ведь верила твои сказки
Теперь же пошла вспять

Вечно плясать по твоей указке
Получить желая пять
Все это сделать незаметно
Ни для слуха ни для глаз
Ни для благого духа ни для разбитых ваз
Золотыми были закаты
Святая ночь
Прошла пока ты
Исчезла прочь.

180

Часов стучит засов
Проходишь спальней
Огни длиннее и печальней
И вот
Сомнений скучный хоровод
Тоска поет
Как заунывно пенье
Под сводом черепиц
Упавших спиц
Раскрылся шорох
Он скрытен — порох
О слова
Едва
Права
Судьба
Всех этих
Что гурьба
Так яростно стремится

Там вне стен
Во имя новых перемен
Скачите люди, кони
Вы вне погони
Я не пойду за вами днями.

181

Листва у оживших кустов
как свеже пахнущая краска...

Чело небес овесненной природы
В своей рептух взявших синеву...
Опять бегут рогатые породы
Щипать прилежно мураву
Днесь слышно вновь как небу лезет травка
И как птенцы клюют тюрьму скорлуп
Весь мир теперь сияющая лавка
«Не купит счастья тот — кто лишь отменно скуп».

182

У подножия тельца
Маской смятого лица
Двоится полночи жена
Луной косой поражена

Туманы снятся тумбных скользких плеч
Бульварные квадрат домов огней вакханки
И дальние часы дрожащие свой меч
Над горлом уличным осипшей перебранки.

183

2.

Зверь полуиздохший город хрипит
Но тысячи свирепые еще горят зрачков
— Ищейки темные вонзающих потерь
И под скрнпы челюстей грызущие веков.

184

Трепещите укоризны
Свиреп лиловый паровоз
Лишимся городской отчизны
Вступив на быстроходиый воз
Скрипят железные сцепленья
Стальных бегут длинноты граф
И от былово преступленья
Уносит возбужденный прах
Коптят угоднику светильни
Во тьме немногих видит зрак
И дале чем тем все бессильней
Царящий в ночи Зодиак
Боготворите голос тленья
Тлеть другим настал черед
Для непреложного исчезновенья
Одарит нареченный год.
Ищи ищи свою темницу
Отрадней быть ведь в кандалах
Чем здесь свободную десницу
День ото дня встречать делах

Отрадно быть ведь землекопом
Уйти при жизни в смрадный гроб
И упиваться жизни током
Все оперев на желтый лоб.
Ах несравнимо быть тупицей
Не знать высоких летов вкус
Не быть громадной единицей
Глядящей на морской бурнус.
Отрадно быть червем могильным
Сосать убитого врага
Под кровом ночи смерти пыльным
Когда уж съедена нога.

185. ДОЖДЬ

С веток, крыш, травинок, скал
Протянулись всюду струны,
И небесные буруны
На лучей оскал.

Надо лодки, надо руки,
Надо ведра, корыта.
Эти стрелы эти луки,
Пробудилась высота

Шепот, топот, звон и плеск,
Сколько малых водопадов,
Перебитых трубок трель,
Окрыленный звук зарядов.

Намокает муравей,
Набухают грузно крыши,
И дорога средь полей
Отливает грязью рыжей.

186

По малиновой долин атласной
Заросшей травами златыми
Ты ходишь жертвою опасной
Руководим нными.

Не сотрясешь широкой рясой
Нн жемчугов ни звонких знаков
Под неба вешнего грнмасой
Стократно жизнь свою оплакав

Заворожить земные страсти
Хотеньям восклицая «плохо»...
Когда судов распнут Вас снасти
Ветров высокая голгофа

На крутизне над глубннами
Раскроются их пасти снова
Заблещут белыми крылами
Для новых берегов основа.

187

Часы толпа угрюмых старцев
Дрожит их задержав засов.
И скуден изможденный дар цевниц лепечущих
как некий хлебодар
Но я! я! виночерпий
Я ломаю свой череп и
Свою душу...

Из «ПЕРВОГО ЖУРНАЛА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ» (1914)

188

ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА уюты
сладострастья.
ПРОКИСШИЕ ОГНИ погаснут ряби век
Носители участья
Всем этим имя человек.
Пускай судьба лишь горькая издевка
Душа — кабак, а небо — рвань
ПОЭЗИЯ — ИСТРЕПАННАЯ ДЕВКА
а красота кощунственная дрянь.

189

ЗИМА цветок средь белых пристаней.
Роженица раскрывшая живот
Законное собрание огней
МОРОЗ КИНЖАЛ ПОМЕТ
Зима дрожит у привязи лиловой
ПОСЛУШНИК КРЫСА ПЕС
Озябшая ревущая коровой
И кочках удастирая нос
Она пучиной ободряет ноги
Угасший кашель сгорбленность могил

Теперь у всех пурга язвитель на пороге
ПРОДАЖНОСТЬ БРЕННОСТЬ ИЛ.

190

Пещера слиплась темнота
Стилет пронзает внутренность ребенка
Скудель пуста
Ночей гребенка
Запляшут кони омертвелой глиной
Гора = ладони
(хироманта миной)
Ведь это Крым
Сделал меня сырым.

Бахчисарай. Сентябр. 23. 1913

191

Ты июхал облака п о т л и в у ю п о д м ы ш к у
Мой старый ворон пес
Лилово скорбный нос
Гробовую завистливую крышку
Дела и дни и обольщенья
И вечный сумерек вопрос
Корсеты полосатых ос
Достойны вечного презренья
И скорбины тайны заповеди бренной
Разрушится как глиняный колосс
Затерян свалочный отброс
Своей улыбкою надменной.

192

Серые дни
ОСЕННИЙ НАСОС
мы одни
Отпадает нос.
Серые дни
Листья = хром (желтая
дешевая краска)
Мы одни
Я хром
Серые дни
Увядание крас
Мы одни
Вытекает глаз.
Осенние утешения.

193. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПОСВИСТЫВАНИЯ

ПлатфоРма — гРядка блещущих огней
Осеиний дождь цаРапает метлою
Лицо стены толпящихся людей
ДоРожному пРипавших АНАЛОЮ.
«Огни живут»?!! — уместны эти шутки
О полночь остРяков
ДыРявых толстяков
ПоРа отбРосить ветРа пРибаутки
и быть = ЗОЛОЮ.
(на звуке Р концентрировано ощущение жестокой
суРовости:)
Д и Т — ощущение твердости, стойкости.

194—195. ПАРОВОЗ И ТЕНДЕР

1 Паравозик как птичка
Свиснул и нет
Луна = ковычка +
возвышенный предмет
Паровоза одышка
Подъем и мост
Мокрая подмышка
Грохочущий хвост

2 Ребенок был мал
день и ночь плачь
Поэт убежал
Жизнь палач
В голове тесно
Чужих слов
Посторонняя невеста
Односторонний лов
Тронулись колеса.

196

О локоны дорожных ожиданий
Букет огней + порхнувший паровоз
Среди ночных (не облетевших) лоз
Сугубой брани
О завитки и сумрака и мрака
Катящие причудливый вагон
Мимо окон
Блистающего лака

Россия бросилась вокруг поспешной кошкой
Расшитая рубах гармоники мотив
Одну равнину душу обратив
Смердящий плошкой.
России нет угла где не было б забвенья
Чувств чистоты опрятной быстроты
(когда снежинок вервые листы
Упасть умрут от наслажденья).

197

Еду третий класс
Класс для отбросса
«ДВОРЯНСКИХ (!!) РАСС»
— Пустая привычка
«Все равны»
Свиснул
Птичка
Пустой страны.

198

Поезд = стрела
а город = лук
(час отбытия = упрочеи)
Каждый жертвенник порочеи
Фонарь = игла
а сердце = пук.

199

Осений Ветер Вил сВои
тенета
Кружились облаКа вКруг затхлого Костра
А небо кРысилось пРед бРенная гоРа
Бежали жалоБы за — Бота
Столпились все у жалкого обрыва:
Листы цветы и взгляды тонких дев
(Над Ними) расплелась ветров мохНатых грива
(По очереди) всех задев.

200

О зацвети	не зацветает
Благоухай	одна лишь вонь
Откроет рот	нет белых бронь
Старик старик	о лысая старуха
Последний крик	не ранит уха
О уходи	ты видишься мертвец
Пастух коросты	и овец
О уходи	я арендатор
Новорожденный	Vat r

201

Слова скакали как БЛОХИ
В его мозгу
Они не были плохи
На юном лугу

У него душа поэта
Сказали о нем
Но у него нет лета
= Болен нутром
Слова чернели блохами
На белизне сознания
[Они были крохами =
ТВОЕГО ПРИЗНАНИЯ].

202

Километрических скорбящия препоны
Столбы и струны долгих скрипов
Когда метели шлейф иепостояниo зыбок
И туч мохнатые дерут лицо попоны
Дитя рыдает сиплой колыбели
Отвар лучей и мерзостеи и жидок
Катяся графы этих тонких ииток
Когда угрюмостью ареидой сыты Ели
Кругом селений слабая икота
(Далекий звон) чей голос тонко липок
Блеснувши белизиой заиндивевших штрипок
У голого **БЕСЧЕСТИЯ КИОТА**.

203. ОСТРОВ ХОРТИЦА

Запорожье

И прощаньем укоризной
Украшая свой досуг

За железною отчизиой
Брежжет сокол-друг
КрАк могильны далей горы
Праведник пещер и трав
Исчезающие воды
Кистью — ниткой начертав
Засквози просветов далью
Засинев среди песков
Запорожскою пищалью
Утопают брюхо — ров
Стоном криком над обрывом
Юность (краска) далека
Смерть клеймит сердца нарывом
Продырявила бока
Не помогут ЭЛЕКСИРЫ
Скор приспешник и паук
Кошелька и нудной «лиры»
И раба поэта рук.

204. ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Склоиений льдистых горнее начало
Тропа снегов = пути белил
Мороз = укусы = жало
И скотских напряженье жил
Шипенье пара
Лет далеких искр
уход угара
диск
Р.

205. НЕУДАЧНОЕ СВИДАНИЕ

Я СИДЕЛ У ПЫЛЬНОЙ ТРОПЫ
Проходило мимо много лиц
И здоровых и больниц
И розы и борьбы
Я был одним из калек
(Мы все всегда уродцы)
Я простой человек
(Из долбящих колодцы == колодцы
(П.) По торным остаткам житейской тропы
Примчался БОГАТСТВА автомобиль
Прыгали вкруг его рабы
Плевали на ковыль
Со своей кривоногой клюкой
Прошла лысина ум
МУДРОСТЬ одежде простой
Горшок к о с о г л а з ы х дум
Все проходили мимо
Зрячие и слепые
(Неси отчетливое имя
Оязанности на вые).

206

Наконец **ВЕСНА**, попахивая о-де-колоном
С васильками БУМАЖНЫХ ГЛАЗ
При каждом шаге с (поклоном!..)
(Услужливо!!!) распахивая газ,

ПРОСКАКАЛА (ветренница!!) мимо
Вослед за двугими...
Было неумолимо
Ее имя.

207. ЗАКАТНЫЙ ПЕШИЙ

Мускулатура туч напряжена вечерне
Скользящие у сих углов
Заботою фиалково дочерней
Перепелов
Глаза вечерних луж
Следили неустаино
Идущего к закату пешехода
Всеобщий муж v
Упрятавший обманно
Приманку рода
Мускулатура туч рассечена закатом
Над колкостью весеннею дорог
О подойди о будь мне другом братом
Луны воздевший первый тонкий рог.

208. ЛЕТО

Ленивой лани ласки лепестков
Любви лучей лука
Листок летит лиловый лягунов
Лазурь легка

Ломаются летуньи листокрылы
Лепечут ЛОПАРИ ЛАЗОРЕВЫЕ ЛУН
Лилейные лукавствуют леилы
Лепотствует ленивый лгун
Ливан лысейший летний ларь ломая
Литавры лозами лить лапы левизну
Лог лексикои лак люди лая
Любовь лавины = латы льну.

* * *

Л = нежность, ласка, плавность, лето, блеск,
плеск и т. д.

1911

209

Ты как башня древнем парке
Под иглой дневной луны
Ты как нитка солнца Парки
Все слова низведены
Обольщая упоеньем
Мир открытостью влечет
Глубины соединенья
Видишь иечет видишь чет.

210

Плаксивый железнодорожный пейзаж.
(иногда проходит поезд)

Насыпь изогнулась
Ихтиозавр
Лежащий в болоте
Забытых литавр
Ржавые травы
        вонючие воды
                неба прогнившего
                        своды
                    но гордо подъяты
                        красные симафоры!..
                        но злобно проклятый
                    лукавствали взоры
                чахлыя встречи
        изломаны плечи
Живая едва
Шелестит трава
Заржавелых литавр
Гиниющий ихтиозавр
Железнодорожная насыпь
Бросить
        на сыпь
                А воздух гор = двухспальная
                                        кровать.

211

РОССИЯ за окном как темная старушка
О угольки загробных деревень
Рассыпанных (гусиная пастушка,
дымяще тлеющ пень)
САМУМ И ТЬМЫ и долгих грязных далей

ПЕЩЕРНАЯ н скотская и злая
Блестинками иконными эмалей
И сворой звезд проворных лая
А я как спирт неудаачный плод
На черном мирте = неба синий рот...

212

Зима идет глубокие калоши
И насморкн и постоянный кашель
И нас отшельников буднчные рогожи
Вытачивает грудь чахотки злобной шашель
Наград однн лишь гнусные остатки
Далеких роз смердеют мощн
А СЧАСТИЕ? — оно играет прятки
Осеннх грубостей неумолимой роще.

213

С. . . . . .е вечерних . . . . .аров
Под пальцами истерзанной волны
Все было тщетным мне сугубно даром...
А трепеты роженицы весны...
С. . . . . .е вечерних облаков
Над тишиной определенных крыш
(Всех толстяков подпольный шиш)
А поезд КАК ДИТЯ вдруг приподнял рубаШку
И омоЧил (прибреЖность) = насыпь) куст
И ландыШ И волЩы И сладостную каШку
И девуШку упавШую без Чувств.

214. САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕСНА

Всюду лег прозрачный снег
На заборы на карнизы
На реки унылый брег
Пали ветреные ризы
Ночь придет умрет старик
У окна окаченея
Неутешная Лилея.

215. УЧАСТЬ

Портреты на стене =
Большие мухи
О мерзостной весне
Далекой слухи
Столы — где писаря
Ведут тюрьмы дневник
А бледная заря
Затоптанный родник
Окурки и следы
Заплеванных калош
И бурки и суды
Скандальный труп — дебош
Портреты на стене =
Раздавленные мухи
О жертве о весне
Непостоянны слухи.

Из сборника
«ЗАТЫЧКА»
(1914)

216

Улиц грязных долбили снег
Розовой пяткой вешних нег
Лица как змеи
Кружились аллеи
Но пали лазури блистая мечи
. . . . замолчи! . . . .
Наддомной волною мы снова полны
Насыщены потом **ПОДМЫШЕК** весны.

217

Вечер темнел над рекой
Всюду раскрылись огни
Созданы стражи рукой
Выси во тьме лишь одни
Глядя на бледную гарь
Небу вдруг стало обидно
И оно подняло свой фонарь
Тот что душою — **ЕХИДНА! ! !**

218. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

РУСЬ

Бросить в окошко
Мутностью пены
Забытые стены
Святынией гиены
Деревня как гнилушка
Чуть чуть видна дали
Так утлая старушка
Сифилитической пыли

219. ФОНАРЬ

Вонзивший розу жало [1]
Гробовый ларь [2]
Темнот кружало [3]
Земная жуть
Дает вздохнуть
Тоске
Что в пауке [4]
Зародыш странный
Путь
Обманный
Отсек
Их белых ног
Порог
Калек.

Поэтический ключ.

1) огни.
2) вагон.
3) ночь.
4) часы. *(Прим. автора).*

Из сборника
«ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО МУЗ»
(1915)

Цикл
«ЗДРАВСТВУЙТЕ M-LLE ПОЭЗИЯ!»

220. ВНОВЬ

Андрею Акимовичу Шемшурину

Где синнх гор сомкнулся полукруг,
Стариннных дней Италии, — далекой
Жестоких севера заиндевевших вьюг,
Широкнй профиль бросил храм высоко.

Волчицей Ромул вскормленный, что Рим
Впервые очертил (веках) могучнм плугом,
И Татиус- король Сабинянамн чтим
Его воздвигли Янусу почтении сугубом.

И годы светлые, свирелью пастухов
Звучащие, несущих колос, нивах,
Прочнейший на дверях его висит засов —
Хранитель очагов счастливых.

Когда же воинов на поле бранный клич
Зовет мечей и копий строем,
Войны, войны подъят разящий бич:
«Мы дверн Януса кровавые откроем»!

Январской стужи близится чело.
О Янус званный голубыми днями!
Офортные штрихи, о сумрачный Калло̀!
Нежданно вставшие пред нами....

И эти дни возгромоздился храм,
Громах батальной колесницы....
Но ынче храм сердцах (как гнезда
тяжких ран)...
Отверзты входа черные зеницы.....

221

Зима взрастила хлад морозный,
Цветок глубин и тьмы,
Пророк дерзающе нервозный
Благоуханной кутерьмы.

Зима роняет лепестки
На долы-льды, суровость, лавы
Свевают стружки верстаки:
Алмазы-платины отравы.

Зима стучит своей клюкой,
Она хрипит (каркас железный)
И голос дыбнт вековой
И шлейф роняет густо-звездный.

На стекла легких мотыльков
Бросает стаею ночною
И женский холодит альков
Своей морозною струною.

На пол лощеный розы пять
презрев, не ступят, осторожность
и бури вьюжные хранят
свиданий прежних невозможность.

222. ПОЮЩАЯ НОЗДРЯ

Кует кудесный купол крики
Вагон валящийся ваниль.
Заторопившийся заика
Со сходством схоронил.

1914

Ростов Дон

223. ПРЕВОСХОДСТВА

1. Небо чище, небо выше
Всех кто здесь прилежно дышет.
2. А вода всегда светлей
Девьих призрачных очей.
3. И нежней речной песок,
чем согретый твой сосок.
4. Камень, камень ты умней,
Всех задумчивых людей.
5. И безмернее машина
Силе хладной исполина.

224

Утренние дымы деревень твоих,
Утром порожденный, мгле пропетый стих.
Голубые розы просветленных глаз
И широкий женский плодоносный таз.
А оврагах клочья
Без надежды снега,
Точно многоточья
α и ω.

1914
Воронеж

225

Звуки на а широки и просторны,
Звуки на и высоки и проворны,
Звуки на у, как пустая труба,
Звуки на о, как округлость горба,
Звуки на е, как приплюснутость мель,
Гласных семейство смеясь просмотрел.

226

Взрасти взрасти свои сады
Весенняя Семирамида.

227. СУХОПУТЬЕ

Н. И. Кульбину

Темнеет бор... песок зыбучий...
Направо, влево-болота;
Притропный свист, свинцовость тучи,
Тоска, проклятья пустота.
Далекий стон лесного храма
Широкий жест креста на лоб:
Картина темная и рама
Досок нарезанных на гроб!...

228

1

Бредут тропой, ползут лесною
Клюкой руках, огнем очах
Внимая стаи волчьей вою
И ночи коротая рвах

2

Проскачет звякающий конник,
Обгонит пешеходов прыть
И женщина на подоконник
Иглу уронит, бросит нить...

3

Иль колымагою влекома
Княгиня смотрится лорнет,

Не встретится ль пути знакомый
Услада рощицы корнет.

4

Но устаревший паровозик
Но рельсохилые пути
Заботливо бросали оси к
Просторам слабенький верти.
Ползут селенья еле еле
Поляи закабаленный край,
Подъем и парный храп тяжеле
Уют — вагончик синий рай!...

5

Теперь же бешеным мотором
Средь рельс и сталь и прямизны
Дорожииц укрощенный норов
Столиц капризные сыны.
    Полях по прежнему все пусто,
    А может больше нищета.
    Но ты взалкав, взревешь стоусто,
    Бросая утлые места.
Деревня мимо, снова мимо,
Экспресс одетище столиц
Проносит даль иеудержимо
Парами сотканные птиц.

1914
Казань

229

Поля черны, поля темны
Влеки влеки шипящим паром.
Прижмись доскам гробовым нарам —
Часы протяжны и грустны.
Какой угрюмый полустанок
Проклятый остров средь морей,
Несчастный каторжник приманок,
Бегущий зоркости дверей.
Плывет коптящий стеарин,
Вокруг *безмерная Россия,*
Необозначенный Мессия
Еще не созданных годин.

1912 г'

230

Марии Петровне Лентуловой

Ведь только шесть часов.
Пустынно, холодно, туман.
Едва звонки доносятся из мглы
И гулы грубые рабочих голосов

Еще не смяты складки ночи ран,
Улыбки утренни так некрасиво злы —
Ведь только шесть часов.

Вы нежная в постели,
Зажавши ручку беленьких колен,

Благоуханный свой лелеете альков
Девичьих снов лазури райской мели
Снеговых простыней закрепощенный плен
Ведь только шесть часов
Неужто Вы!.. и эту пору здесь......?!..
Оснежились туман
Прозрачные глаза ресниц пушистых лес,
Несущие непозабытость снов,
Слегка продрогший и смятенный стан.
Да!.. Утренний всему виной экспресс.

Мотор на рельсах высится громадой.
Хрип содрогает членов тонких сталь.
А!... это он Вас пробудил так рано,
Я понял все: его свирепости вы телом хрупким
радьı,
Он увлечет *Эвропу Века* даль
Среди рассветного тумана.

231—232. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ СВИСТОК

I

Вы живете днем и ночью
Нет покоя, нет покоя.
Вспоминая долю волчью
Мчитесь мимо воя воя.

Ваша жизнь проходит беге
Мимо дали, люди мимо.

Где приюты, где ночлеги?
Ваша жизнь неутомима,...

Чтя одну суровость стрелку,
Поклоняясь станций чину
Колесе играйте белку
Мчите женщине мужчину

II

Поля, Снега, Столбы и Струны
Громадных телеграфных скрипок
Ночной омлечены туман

Жестокохладный Океан
Взметает белые буруны
Извивноутловат и липок

Взмахнула медь мечом три раза
Прищуренных огней сединах.
Ползем вперед. Змея. Осел.

Мы животе часов приказа
На января покойных льдинах
Среди российских скудных сел.

Из сбрника
«ЧЕТЫРЕ ПТИЦЫ»
(1916)

Цикл
«КАТАФАЛКОТАНЦ»
Оеень 1915 г.

Пусть свиньи топчут
побежденного рыцаря!
М. Сервантес

Comme un nageur que
poursuit un requin.
Rollinat[1]

233. ХОР БЛУДНИЦ

Мы всегда тяготели ко злу,
Завивая свой танец нескромный,
Собираяся роще укромной,
Поклонялись любовно козлу.
И носили извивы одежд,
Штоб греховней была сокровенность,
Для блудящевзыскующих вежд

---

[1] Как пловец, которого преследует акула. *Роллина* (*франц.*). — *Ред.*

Нежноформ обольщающих пенность —
(Не луны замерзающий луч)
И не мрамор блестяще каррарский
Исступленною страстью тягуч
Тетивы сухожилья татарской.
Остролоктных угольники рук,
Ненасытность и ласк и свиваний —
Жгучепламенный розовый круг,
Что охочей, длинней и желанней...
Мы всегда прибегали козлу,
Распустив свои длинные косы
И нас жалили жадные осы,
Припадавших истоме ко злу.

234. КНИЖНАЯ ОСЕДЛОСТЬ

И впредь тебе стараться надо,
Не быть кочующим номадом.
Слов торопящееся стадо
Гони Поэзии оградам!

235

Автору «Стеньки».
Васе Каменскому

Разбойники больших дорог
При свете киноварь-луны.
Корчме пьянит жигучий грог
Дальневосточно-стороны.

Тесовой горнице купец —
Набитый туго кошелек,
Отбросив блеклый поставец,
Ужасозрит смертенкурок.
И тройка скачуща опор
Лиловоискроглаз волков
Снегами занесенных гор,
Яблококрупных рысаков.
Исходотваг — прошлостолет?
Поэзия больших дорог:
Кистикарминнопистолет,
Корчме синедымящий грог.

236. АНТИЧНАЯ ДРАМА

Г. И. Золотухину.
«rien que la nuance»[1]

Наполнив золотую ванну
Плещеослиным молоком
И видеть розомрамор странно,
Торчащий локтя остреем.
Хрустралькабине благовоний,
На фоиебело глаз эмаль
Расцвеченных взволнованно
Синьиндиана шаль.
Изнеженная нереида,
Сидящая спина дельфин
За эфиопкою сердитой,
Руках утонченный графин.

---

[1] *«ничего, кроме оттенка» (франц.). — Ред.*

Брегокеан красы подушек
Простерт влекущевластный пляж.
Цепей браслет, колец, игрушек,
Насилий, войн, обманов, краж.

237—238. ПРИРОДА

Маши воздушным опахалом
Цветов, кузнечиков и пчел.

1

У лона древлестарых стен
Ты занялася цветоводством,
Чаруя сетью тонких вен
На ножек белом превосходстве
Слежу, смотря тебе во след,
Што ты взрастишь трудом прилежным
На склоне изощренных лет,
На фоне тускло-безнадежном.
Вначале желтых мотыльков
Развеять звонко над полями,
Где снега царствует покров.
«Гонимы вешними лучами»
Вслед землю — Новую Данаю
Низринешь цветмонетоливень.
И станут дни подобны раю,
Не нужен штык!.. Излишен бивень!

2

Земля забинтована ватой,
Совсем израненный Герой.
Мое согласие! права ты, —
Зима, упавшая горой!..
    И это, следовательно, надо,
    Штоб бубенцы и лет саней,
    И блеск, и скрежет рафииада,
    И лес, зеркально, без теней!..
Вошед привычку, став иатурой,
Лишение зеленых крас
И кочек пашни темнобурой
    Не удивляет больше нас, —
    Внезапу вверженных белизны
    Сугробы североотчизны.

239. КАТАФАЛКОТАНЦ

Подумать страшно, што пучину
Нисходит все, што зримое вокруг,
По—днесь безвестному почину
На бессловесный смерти струг.
Равняяся высоким чииом
Простейшим иищим стариком
Могил измерены аршииом,
Под земляной раскисший ком.
И сколько было ярких песен,
Любовных сожигавших чувств,
Горячих лет, безмерных весен,
Помпезно радостных искусств,

И сколько было гордых знаний,
И точио выспренных умов,
Высоких скал, роскошных зданий,
Все, все ушло под гнет холмов.
Все стало незаметным прахом,
Зловонную сочася гниль,
Заране вычисленным, крахом
Руководящих жизнесил!..

240

. . .l'artiste est... hanté par la
nostalgie d'un autre siècle.
Haysmans[1]

Где друзья? — разбежались на брег океана
Где подруги? — ушли очарованный лес.

Мы должны б помещаться роскошном палаццо
Апельсиновых рощ золотых Гесперид.
Гармоничным стихом, наготой упиваться,
Но не гулом труда, не полетом акрид.
И должны бы ходить облаченные злато,
Самоцветы камней наложивши персты,
Вдохновенио, изысканно и (немного) крылато —
Соглядатаи горних долин высоты.
Глубочайшие мысли, напевы и струны
Нам иесли б сокровенно-упорный прилив;
Нам созвездья сияют светила и луны...
Каждый час упоеньем своим молчалив.

---

[1] ... художник... охвачен ностальгией по другим временам. *Гюисманс (франц.). — Ред.*

А питаться должны мы девическим мясом,
Этих легких созданий рассветных лучей
Ведь для нас создана невесомая раса.
Со земли, ведь для нас, увлекли палачей...
Ароматов царицы — цветочные соки
Нам — снесли, (изощренно кухонный секрет)!
Нам — склоняются копья колосьев высоких,
И паучья наука воздушных тенет,
И для нас — эта пьяная тайная Лета
Вин древнейших, — (пред ними помои — Нектар!)
Нам — улыбок, приветов — бессменное лето,
Поцелуи, объятья — влюбленности дар.

241. РЕДЮИТ СРАМНИКОВ

Заброшенной старой часовне,
(Благочестия лун лишаи),
Где пристрастнее, лучше, готовней
Голубые цветы тишины,

Под покровом нелепицы темиой,
Из ножо̀н вынимая ножи,
Собралися зарницей погромной
Обсудить грабежей дележи.

Золотая церковная утварь
И со трона навес парчевой,
Гнев-слепец окунув эту тварь,

Злобоссорой обострили спор,
Где сошлись говорить меж собой
Взгляд-предатель, кинжал и топор.

242. АРШИН ГРОБОВЩИКА

На глаз работать не годится!..
Сколотишь гроб, мертвец нейдет:
Топорщит лоб иль ягодица,
Под крышкой пучится живот...

Другое дело сантиметром
Обмеришь всесторонне труп:
Готовно влез каюту фертом —
Червекомпактнорьяный суп.

На глаз работать не годиться!..
И трезвый, пьяный гробовщик
Не ковыряет палкой спицы

Похабноспешной колесницы,
Что исступленно верещит
Подоплеухою деннпцы.

243. ОБРАЩЕННЫЕ ЗЕМЛЮ

На косогоре — неудобном
Для пахоты, работ, жилья,
Лежит общении загробном
Персон различная семья.

Над каждой — холмик невысокий
И шаткий перегнивший крест,
Овитый высохшей осокой,
(могильных угрызений перст)?

Иль сплошь... лишившись поперечин,
Торчит уныло черный кол —
Так погибающее судно

Пустую мачту кажет нудно
Над зыбью влаги скоротечной,
Бнющей вечности аттол.

244. БЛОК КОЛБ

На пустынноулицу осени
Синий и красный пузыри
Протянули свои мечи;
Осенили ветхие домики
Горебегущие лохмы туч;
Одну неделю, 2 недели, три
По невылазной грязи скачи!..

Шлепает далеко эхо...
Вытекает, слюнится, сочится...

«Вы помните "аптеку" Чехова»?
Банок, стклянок вереница;
Фигура, лица еврей аптекаря,
Наливающего oleum ricini...
Отраженная стекле харя;
Диавол таращится синий.

За перегородкой аптекарша,
Сухощава: сплошная кость —

Смерть — безживотая лекарша,
Палец — ржавый гвоздь.
Занимается готовит лекарства,
Что не знает аптекарь, она знаток.
Аптека грязеосеннего царства
Беженцелиловопоток.

Перед аптекою гробики
Наструганы, сколочены кое — как.
Детские гладкие лобики —
Жизни безапелляционный брак!..

245. СКРЕЖЕТ ФЛЮГАРКИ

Попариться кровавой бане,
Где время банщиком «нетребуя на чай»
Намылит шею, даст холодный душ
И саване пристроит на диване.
Где на мозоль сочится малочай
Разрезанных грудей простоволосых женщин,
Где столько небо отлетело душ
Студентов, босяков, наивных деревенщин.

При электричестве (!) халате парикмахер,
Стараясь лезвием зазубреиной косы —
Затылки, шеи н усы,
Бесчисленно является виной,
Что голова прощается спиной,
Кровавая простынсй потодымящий лагерь.

Из книги
«БУРЛЮК ПОЖИМАЕТ РУКУ ВУЛЬВОРТ БИЛЬДИНГУ»
(1924)

---

246. ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ты богиня средь храма прекрасная,
Пред Тобою склоняются ниц.
Я же нищий — толпа безучастная не заметит
Меня с колесниц.

Ты — богиня, и в пурпур, и в золото
Облачен твой таинственный стан,
Из гранита изваянный молотом,
Там, где синий курит фимиам.

Я же нищий — у входа отрепьями,
Чуть прикрыв обнаженную грудь,
Овеваемый мрачными ветрами,
Я пойду в свой неведомый путь.

1897 г.

247. СПОРЩИКИ

Птица, камень и стрела
Хвастать спорили полетом.
Жажда блеска их звала,
Триумфаторам — охота!

Птице надо синеву!
Разметалася крыламн,
Облаков кроша плеву,
Солнца яр где горнопламень.

Камню — надобен обрыв,
Чтобы рннуть смело в бездну
Темноты гудящий срыв
Вдалеке от стаи звездной...

Но стрела звенела: леиь
Мне лететь без гибкой ивы,
Без татарския тетнвы
Сердце молодца — мишень.

248. РАЗДОЛЬЕ ВРЕМЯ

Слово,
Олово
И
Камень
Растопить
Способен
Пламеиь
Сердца,
Солнца
И
Горна,
Что затеплила
Весна,
Что раскрыла все цветы,
Что согрела высоты.

249. ВЕСНА

Солнце бросило стрелу
И попало сердце девы —
Побежала по селу
На вчерашние посевы.
Слышишь, слышншь звонкий клекот,
Говор вод, отзвон мечей,
Тот, что сердцу недалек от
Тайноласковых ночей.
Девы пленные власы —
Струи слез — от страсти плачут..
И сиянне красы,
Поцелуи «на удачу»!...
Солнце бросило стрелу,
Закаленную другую,
Зацепившую золу,
Башни голову седую.
И очнулся старый схимник
От лазоревого сна
От угроз суровозимннх.
Когда в саване сосна.
Он тогда от аналоя,
Отошедши, пыльных книг,
На минутку, сердце злое
От косматых игл острнг.
Поднял он стрелу лнкуя
И воскликнул: — сердце щит!
Буду жить в весенних струях
Птаха где любви пищит!

Дева, Старец на опушке
Повстречались и сошлись,
Жизнь им ставшая игрушкой
И лазоревая высь!

250. ФИАЛ НЕБЕС

Фиал фиалковых небес
Над вешннм лесом опрокинут.
Его земля пригубит весь,
Пока услады дней не минут.

Полна размашистая ель
Скользяще юного задора,
Природа-праздничный отель
Франтящего избыток вздора.

Весны фиалковая суть,
Что мире сем тебя дороже,
Возвешенней, небрежней, строже,

Что действенней, смелей, громадней,
Пьянее влаги виноградной,
Налнтой хрусталей сосуд??

251. ЖУЭЛЬ

Капитан Жуэль был пенною фигурой.
Он шумел — океанея риф.
Жуэля взгляд не прекращался — хмурым,
Дев земных растегивая лиф.

Он блуждал в морях, колеблемых без смысла
Дев морских глядя по вечерам,
Прыгавших глубин неверных искрах,
Чтоб на век исчезнуть там.

Капнтан Жуэль был бурною натурой,
Скрыв ее под хмурой сединой.
В нем циклон внезапной лапой бурой
Восставал, сминая все собой.

Капитан Жуэль подайте руку....
В ней сквозь поры проступает соль
И вода набросила узоры:
Рифов — до н лунное фа — соль....

Боннн Архипелаг
Вел. Океан

252. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сонет написан год назад в Японии под Фузи-ямой где сердце мое предчуяло «гибель Японии».

Паучья сеть твоих морщин
Твонх седеющнх излучин.
Благослови морской почин,
Которому я днесь приручен..

Соединившись с ним союз,
Свободной пенною волною,
Легко подъемлю жизни груз,
Не чтя ни карой, не виною...

Благослови морской закон,
Вдали звучащий маяками,
И облак белыми руками,
Пока, блестя своей секирой,
Суровой беспощадной ИРОЙ
Не выйдет   На амвон.

FINIS[1]

253. МОЯ ДОБРОТА

— Я люблю каждого встречного,
Но многие отвращают зрак —
Мне указав на меч нагой
Иль искупление в пятак!

У меня бесконечная нежность —
С добрыми я заодно —
Но часто уловка — небрежность
Брошена сердца дно!

И я любить не устану —
Я возрождаюсь любя,
Так Феникс — сильнее Титана,
Пепле себя погребя!

— Но как поступаешь с недобрыми
— Миру дающими злослова —
С поступками кобрами,
Шипящими — родятся едва?

[1] Конец *(лат.)*. — *Ред.*

Не знающими звонкорадости,
Забывшими про цветок?
— Их поражу своей младостью —
— Обхожу через мост иль прыжок!!

254. РОССИЯ

Перед этой гордою забавой,
Пред изможденностью земной
Предстанут громкою оравой,
Храм обратя во двор свиной.
Пред бесконечностью случайной,
Пред зарожденьем новых слов —
Цветут зарей необычайной
Хулители твоих основ.

255. РИФМЫ О ПРОШЛОМ И ТЕПЕРЬ

1

То было в древность, было встарь:
Россией косо правил царь,
Вчастую слеп или невежда;
То был встарь то было прежде

В стране, что шаг, круглился храм,
Вечерним усыпляя звоном,
Трактир казенный, вор или хам
России распирали лоно

Помещик, пристав или поп
Садились мужику на шею,
Клеймя названиям «хлоп»,
В деяньях уравнясь с злодеем.

Пусть Тутанкамен, Николай —
Равно, примеры деспотизма,
Вкруг лести реял дикой лай
И истощалася отчизна.

Когда ж терпенью пал конец,
Народ безжалостной метлою,
Вточь огородник огурец,
Сорвал и вымел все гнилое.

2

Отныне мудрой Эры ход
В бореньях тяжких начиная,
В дому своем навек народ —
Хозяин устроитель края.

Там, Дню теперь в глаза «не в бровь»,
Иное выявила Новь —
Немеет речь, не верят очи:
На трон царей воссел Рабочий!

256. БЕЖЕНЦЫ

Отрепья бывшего народа,
Возгромоздясь на Макадам,

Не зря, что скверная погода
Гулять пустилась по полям.

В грязи под спешною толпой,
Стеснившимся колесам ввержен, —
Ребенка трупик голубой,
Грядущей жизни Слабостержень.

Последователям диет,
Одевшим в хлад «демисезон»,
Широковольный белосвет,
С курносою мадам под ручку,
Вояжем знать не воспрещен
Под непогоду, веер-тучку...

257. БАЙКАЛ

Когда истерплешь все одежды
О верстовую гладь столбов,
Океанической надежде
Душевно прянуть не готов,

Когда безмерностью равнинной
Материка — пресыщен взор
(Тайги — лесного исполина
Аквамариновой узор)

Гранитным выспренним карьером
Не к ледникам ли льдистых роз
Байкалских скал — сугубо серых,

Взор сухопутника на веру
В порыв, весело, волну, галеру
Наш бросил гулкий паровоз?

258. Л. Р. Н, К,

Любовь
Родина
Николай
Курносость

Лакал ликер лакей лукавый
Ленивым ликом лазил льну
Любить Лазоревость Либавы
Ласкать Лернейский лед линю.

Рокочет Рим — рыгнувши репой
Рабов ременною рукой.
Рубины ринуть раритетом
Рабыни реквизит разбой.

Ничтожеств навзничь... ничевоки...
Начнут наганами нудеть
Нагая нежность невысокой.
Кормил корчме кремнем курьера
Красиво клепанный кадет,
Которому крива карьера...

259. ЭКСПРЕСС РОССИИ

Осенней ночью виден косогор,
Далекий лес прозрачный и немой —
(Гробу зарубленный бессильный Святогор)
Слегка туманною означенный луной!..

Поля темны, унылы и печальны
(Нет никово живого на земле — ?!)
Лишь облак мчится тень зеленых дальних
Священной неба полумгле....

Какая тишь..., лишь кровь звенит ушах
Какая даль, — (чуть скрытая туманом)...
Но вот!.. неверный оку взмах
Вновь спрятан рощиц караваном....

Чуть слышный отклик — медию проплакан
И снова тишина зовущая века....
И вдруг через холмы, колебля яркий факел,
Через леса, овраги, тмящий облака,
Гоня перед собой снопом огня и пара,
Безумно скачущих по оспинам равнин,
Толпу теней, как жертву некой кары,
Возненавидев сей роскошно взросший сплин,

Внезапу взрос, бегущий диким воем,
Триадою пронзительной огней,
Косясь вокруг — и прыгая ковбоем
Экспресс, испуганный пустынностью полей....

260. СИБИРЬ

Мы ведали «Сибирь»!.. Кеннана,
Страну — тюрьму, Сибирь — острог.
На совести народной рану
Кто залечить искусный смог?
Всем памятно о Достоевском:
Согбенно каторжным трудом
Отторгнут набережной Невской,
Он не измыслил «Мертвый Дом».
Но ныне там пахнуло новью!
Пусть прежнесумрачна тайга.
Зубовноскрежетом и кровью
Подвластна горькому злословью,
Сибирь — гробница на врага
Навек помечена: «в бега».

Омск-Иркутск,
1919

261. ВОСПОМИНАНИЕ

Русь расписалась полночи осенней —
Бездонных клякс, сугубость темноты.
Обглоданный кустарник вдохновенней
Топорщит ветром вздыбленно кусты.

Слетаются и каркают вороны
О черных днях, о прошлом... про расстрел
Когда у изб белелися погоны
И в зареве родимый край горел.

Ночь ненасытно лапала поляны,
А дождик мелкий из последних сил
На труп борца, измаранный углями,
Сосредоточенно и мудро моросил...

Война прошла, но осень неизбывна...
Свободой ветер снова восхищен.
Он в бархат темноты слоняется забавно,
Как пьяный дьяк с веселых похорон.

1923
Нью-Йорк

262. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОСЕНЬ

Для нищих, для сирых, для старых
Наступит холодный покой,
Где отзвук бездушной Сахары
За глаз ухватился рукой
Осенние листья для бедных —
На лужах хрустящий ледок...
А нищие в мире несметны
Ковчег их не выстроил док!..
Нужда разметалась потопно —
Не залиты ею дворцы!
Но верьте: бесповоротно
Намечены оргий концы.
И это осеннее сало
На пульсе течения рек —
Отмщенья намеком по залам
Отыщет паркетовый трек!

263. ПУТЬ

Тропа моя обледенела,
Вилась по глыбе снеговой.
Едва парах лазурь синела,
Безбрежно встав над головой.

И этой девственной пустыне
Мертворожденная душа
Влеклася тайны благостыней
Под игом крайним рубежа.

264. КОНЕЦ «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЕЛКИ»

В сене, в луне добродушная телка
Тенью загона выходит к стеклу —
Ее интригует огнистая елка,
Тянется мордой к теплу.

В русской деревне — смазные избушки,
Праздником шамкать старух,
Квасом, в глотках, ароматно краюшку,
Святками тройкой ухабисто дух.

Все, утомяся полей толчеею,
Льдистобуранов российских алтарь —
Елка пред ним расцветилась свечою —
Искры мороза жемчужат, как встарь

Время идет, изменяется вера;
Зайцы, в забытый забравшися пчельник,

Будут на елку навешивать звезды
В синий и чтимый старухой сочельник...

Нашей эпохою: радио — храмы!
Библия — вечные своды наук!!!
Патеры, дьяконы, рабби и ламы
Только невежества темного звук.

Где же цветная сочельников елка,
Свечечек детских невинноогни? —
К ней из загона пушистая телка,
Да зайцы оравой примчатся одни.

Прыгать, резвиться полянные дети
Будут вкруг елки пахучих ветвей,
Где нависают морозные нити
Рубища святок России полей.

265. КАРТИНА БОРИСА ГРИГОРЬЕВА

(СОНЕТ)

Ее звериное начало —
Распоясавшийся кабак...
Полей свободы Руси — мало,
Где ветер носит лай собак...
    Звенят телег ее железки
    До ночи черные горы
    И в осень спелых перелесков
    Вкопались глазные костры.

Перед мужичьим сбитым сходом,
Где оттиск на земле подков,
Поев краюху с желтым медом
        Не заплетет ржаные косы
        Богиня зимних русаков,
        В кумач одетая раскосо.

1923
Нью-Йорк

266. ЖЕНА ЭДГАРА

> В Бронксе сохраняется хижина, где в 1846—8 гг. жил и писал Эдгар По. Теперь американцы тратят массу денег на постановку памятников великому поэту.

Лязгают пасти собвея
Им никогда ничего не жаль.
Вот она — аллея
По которой бродит печаль.

        И хорошо, что здесь пустынно
        И сырой ночи туман.
        Ночь не покажется длинной
        Для невсхожих семян.

А, если и выйду наружу,
То старый виден коттедж.
Покоя его не нарушу,
По примеру круглых невежд.

        Домик в отдаленном Бронксе.
        (Еще немного и будет парк.)

На полночном окраин прононсе
Имя — сущий подарок!

Вспомним с молитвой Эдгара,
С молитвой безумий и зла!
С дыханием бедиоугара,
Где честность неуязвима!!

Поэт путешествий и мрака,
Захватчик всех бедняков,
Без полировки и лака
Не исчезающий средь веков.

Будем читать и славить
Великого Эдгара По.
Делать мы это в праве,
Идя талантов тропой.

И в Бронксе на стены коттеджа,
Наложим шпаги строк:
«С тобой мы не были прежде
Грядущее жребий сберег!»

В бедном узком чулане:
«С гладу мертва жена»....
Это было тумане
Окраин Нью-Йорка на!

П. С. (Это стихотворение написано «модернистическим» — спутаниым нарочито, размером).

267. К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

Экспресс сверлился бурей в подземелья,
Десятки верст гремел поспешно ход —
Рабом, хватившим много зелья,
Кому стал черным небосвод.

Экспресс скакал, ища свою утеху,
Стуча костьми, как скачут мертвецы...
И стрелы завистью к его сгибались бегу,
И жадностью к грошам купцы.

Экспресса лапах жадных пассажиры
Не знали станций промелькнувших счет,
Насытившись пространственной наживой,
Они кляли безумия почет.

И, в такт стенаньям, мчалися вагоны —
Б пространстве черные, крутлящийся тоннель...
О притяжения законы!
О центр земли — ОТЕЛЬ.

268. КАНАЛИЗАЦИЯ

Клоака парадная зданий,
Фундаменты только мосты.
О город подземных изданий
Обратности Космос ты.

Труба-богатырь ароматов
Единственных пауз гниений,

Где пляшет заржавленный атом,
Воняя геены геенней.

От смрада протухших созвездий
Пузырито булькает ладаи.
Ступай или прыгай иль езди —
Ты будеиоздрею обрадоваи.

Не ландыш — чахотка пахучести,
Не виешне наивиость фиалки
Здесь кротко громовому учатся
Отчетливо запаху свалки.
Симфонии месс ораторий
Клоака Гиганта в тебе
Гиевном иа цементном затворе
Архангела судной трубе.
И город, полдневно ликуя
Блистая на спицах карет,
Отклонит иаивно рукою
Душка надоедливый бред.

Когда ж опускаются шторы
Мясиая иа каждый бульвар
Клоаки откроются поры —
Ее ароматов базар.

И каждом подвале, гостииой
Внимательном носом взгляни
Клоаки Гиганты — интимной
Присутствье беспорно родни —

Тончайшую щель тротуара,
Колодец трубу или дверь
Протянутся вздохи муара
Клоакины шлейфы мегер...

269. БРАЙТОН БИЧ

Не побережье Балтики у стрелки,
Не звон волны на груды Крыма скал,
Когда Ай Петри в облака-безделки
Пахучий ветер юга убирал,
И не легенды южные заливов
Архипелага Бонина, где плыл бесстрашный Кук,
Где не придут на ум России дальней ивы,
Когда дикарь свой напрягает лук, —
Атлантикокеан у Брайтон-Бича
Шумит в ушах, подобно прежним — тем....
Не заглушенная толпы стананьем птичьим,
Твердя настойчиво загадки вещих тем,
Волна, не зная «радостей» Нью-Йорка,
И ропот дикий не тая,
Мерещится, кричит, что жизни пресной корка
Ничтожней пены ветреной ея!!

Брайтон Бич,
7—4—1923

270. КАМЕНЬ

Лежавший камень при дороге
И возлюбивший глубину,

Его грязнили пылью мили —
Боготворитель — тишину.

Он не мечтал о пенном гроге.
Наивность, бесстолочь гульбы,
О нежной ласке девы снежной,
О злобе, шалости борьбы.

Любимец бездны и провала —
Уйти забвенья океан,
Где бескоиечный мрак веиечный —
Дно, равнодушие нирван...

Но пожелать... о, это мало,
Когда томит будиично — пыль
Когда, все мимо, «вечно мимо»!...
Свист, шарканье, автомобиль...

1922 г.
Эношима

Из книги «МАРУСЯ-САН» (1925)

---

271. КОРАБЛЬ-СКИТАЛЕЦ

to Katherine Dreier[1]

В морях безлюдных и бескрайних,
Где бесконечно вал на вал
Встает, шумя какой-то тайной,
То синий, зелен, черен, ал

В пространствах мрачных океана,
Где все земное зло — не зло!
Где песней скорбной урагана
Забыться сердце не могло.
Седой мохнатой пенной ночью,

Средь бликов призраков огней,
Неверно озарявших клочья
Хитона рваного зыбей
Я с чувством брата и страдальца
Зрел гибель корабля скитальца.

1920
На палубе Хиго-Мару. Вел. Океан

---

[1] Кэтрин Дрейер (*англ.*). — *Ред.*

272. ЧУТЬ-ЧУТЬ!

Осколки колки
Тех зеркал,
Что бледный месяца оскал
Зубами мертвой головы
Глядел меж спутанной травы
Ночных теней, ночных жильцов,
Слетевшихся со всех концов,
Чтоб в зеркала те заглянуть
И отразиться там чуть-чуть!

273. ИПОХОНДРИЯ

Н. Н. Асееву

Замерзший луже мальчик, слушай:
Моей рукою водит случай —
И лучшею моих страниц
Довольствуюсь забавить птиц.
Я гордость века — кроткий муж
Зеркальность верю буднелуж,
Рожденный наши дни Нарцисс —
Красой не выше средних крыс!!
Что мне стараться для других?
К чему полетов вещий миг?
Слепцам не нужен Рафаэль,
Безухим — Скрябин, Моцарт, Григ.
— Для них запас Парнасса фиг:
Джин, водка, пиво, скука, эль.

274. КОСТЕР В ЛЕСУ

На поляне средь косматых елей
Еленевская Маруся развела костер
Здесь буран плясал мохнатый белый,
Здесь мороз бросал сосулек взор,
Но теперь запахло жженой шишкой
И сосновый сук неистово трещит,
А огонь резвящийся мальчишка
Дыма вверх подбросил круглый щит
И поляна вся запламенела,
Искры теют огненный балет:
Знать твоих девичьих ручек дело —
Холод, мрак, угрюмость переплавить в снег.

Орловск. губ. Деньгубовск. лесничество
1912 г.

275. ПОХОТИ НЕУТОЛЕННЫЕ

С. Третьякову

О, девушка-ложе, о, женщина-блюдо,
Где груди пронизаны запахом дыни,
Стада страстнотерпных веселых верблюдов
Влекутся китайскою желтой пустыней.

Живот твой пушистых и знойных размеров,
Избыткам их похоти «грабьте» — потеря!
И вижу: падет череда дромадеров
Не сытя жестокость и жадность и зверя.

Хотя планомерны, законны отчасти,
Страды караванам напрасны напасти,
Ведь круглый пупок твой — поящий колодец,
Наполненный нежною влагою страсти,
Когда вдохновенно пришедший упасть и...
Лакает безумстве и мой иноходец.

(Сибирь, 1919)

276. ЯПОНИЯ

Посв. Александре Николаевне Фешиной

Япония вся — сон,
Япония — бамбук
И сосен перезвон,
И самисена[1] стук,
Япония — лубок,
Что резал Гокусай
Здесь каждый уголок
Им порожденный край.
И пусть теперь экспресс
Прокосит мимо свет,
Свой посвящу сонет,
Старинным островам
Юг, Фузи, сосны — Вам,
— Что жнут мой интерес.

(1920 г. Осака)

---

[1] Самисен — популярн. муз. инструмент. *(Прим. автора.)*

277. СОНЕТ ЗАРЕ

Н. Н. Евреинову

Востока пахнет притираньем
Ее взволнованная грудь,
Я поражен любовным знаньем
Расколыхавшихся посуд
Цветам изысканным названье?
Где красоте священной суд
Не лепестков ли лепетанье,
Что вздохи ветра унесут
О, с чем сравнить зари лобзанье
Лазурно отогретых нив,
Волной ли брошенной на брег,
Когда безумствует прилив
Страстей ослепших притязанье,
Святой несущее ковчег.

Токио, (1920) (Тротуары Гинзы)

279. РАССВЕТ

И. И. Народному

Облака над океаном,
Вдохновенная сирень,
И не жалко, и не странно,
Что уходит ночи тень.

Что луны зеленый камень,
Погружаясь лоно вод,

Ряд бездушных изваяний,
И покинет, и сомнет

Что угрюмые брюнеты,
Хор полуночных теней,
Не разгневались на это,
И прозрачные блондины,
Квартиранты лето-дней,
Свои правят именины.

Палуба Чикузен-Мару,
1921 г.

279. ПУТЬ ИСКАТЕЛЕЙ

Посвящ. Рахиль Наумовне Маневич

Тот океан, где Атлантида
Свои покоит города.
Безумных бурь растет обида,
Когда в волнах плывут суда.

Здесь первопенный путь Колумба,
В волнах отзначенный чертой —
Бульвар столетий в златотумбах
Под тропиксиневысотой.

Он не исчез — не сглажен бурей!
Тропа таких на зарастет.
Колумб походкой рвался турьей,
А за спиною пел восток.

Не знал Колумб, он плыл, не ведал,
Что где-то новый материк.
Он шел к безвестия победам,
Там бесконечен и велик.

Он солнцу подражал походом,
Что упадает в океан,
Что мчалось неба синим сводом
В морей неведомых туман...

И, если хочешь быть Колумбом,
Стремись всегда вперед без карт,
Руководись не скучным румбом,
Не правилами школьных парт.

Но только жаждою в безвестье,
К тропам, где никогда, никто
Не плыл, не мыслил и не ездил
Для неизвестности святой!!

1923
Нью-Йорк

280. СЕРДЦЕ МОРЯ — ЖУЭЛЬ

С. Ю. Судейкину

Ты сгибаешь папироску
Подобно ножке танцовщицы,
Звезда повисла каплей воску
Над ночью южно-нежной Ниццы.

* *
*

Но капитан Жуэль вошел,
Приветив ресторан улыбкой,
Он повелитель всех гондол
Скользящих моря дланью зыбкой.

* *
*

О, капитан Жюэль, Vedetta Amiral[1]!
Ты ликом обладал сугубо первозданным,
И моря завернувшись звездно-шаль,
Тобою забывались Нины, Веры, Анны.

* *
*

О, капитан Жюэль, О, капитан Жюэль!
Стрелять умевший так искусно,
Что даже с месяцем дуэль
Окончилась для неба грустно.

* *
*

Но море нету дев земных
Чтоб утолить порыв любовный,
В волнах лишь пены буресины,
В морях лишь волны, волны, волны.

---

[1] Знаменитый Адмирал *(франц.)*. — *Ред.*

* *
*

Но капитан суровый зряч:
Он знает, что, хвативши виски,
Фрегат его помчится вскачь
В погоне нереидой близкой.

(Кобе, 1922 г.)

281. СОФЬЕ ИВАНОВНЕ БЛАЗИС-БЛАЖИЕВИЧ

Капитан Vedetta-Amiral,
Капитан-Жуэль.
Сердце моря — он не враль —
Вызвал месяц на дуэль.
Но скорбит девятый час,
Он на борт стремится спешно,
Вспыхнув блеском волноглаз
Для луны объятий нежной,
Но не смял такасимада,[1]
Не сломал упругих щек
Пассажирскому «ненадо» —
Океанический толчок!

---

[1] Название причесок — служанок, Гейш. *(Прим. автора).*

282. ДУЭЛЬ С ЛУНОЙ

(В четырех главах)

to Robert Chanler[1]

I

У капитана с месяцем дуэль,
Он не боится лунных пуль,
Легко раздергивая хмель,
На произвол бросает руль.

II

Дуэль без цели целый час,
Но тучек легкий караван
Развеян им, стреляет в глаз,
Как белкам, пьяный капитан.

Ш

Но месяц стал теперь нагим,
Рассыпав облачное тесто,
Чертит иа небесах круги,
Спастись стараяся без беста.

IV

Да! обезумел капитан,
Пусть пароход летит иа рифы,
Где пены гибельный туман.
....

[1] Роберту Ченлеру *(англ.)*. — *Ред.*

. . . .

Ои жил в морях для Апокрифа!!...

283. ОСЕНЬ

Посв. В. Силлову

Жмусь я ближе печи к
Замерзающий кузие-чи-к.

284. СОВПАДЕНИЯ

Посв. Л. Ю. Брик

Пароход дымил трубу,
Капитан фаянсовую трубку;
Моря пятило губу,
Выбросивши губку.

Кук Архипелаг Вел. Ок.

285. ХОККУ

(Хокку — форма японского стихосложения:
3 строки,
первая — 5 гласных, вторая 7 и последняя
снова — 5.)

Сумерки пришли
Мы одни на веранде
Обществе моря.

1922 г.

Из книги
«ЭНТЕЛЕХИЗМ»
(1930)

Из раздела
«ЭНТЕЛЕХИАЛЬНЫЕ ВИРШИ»

286. СЛОВА АПСЕЙДАУН

На трапециях ума словам вертеться вверх ногами
Прикажет логика сама, зеркальиыми родясь стенами.
В них отразятся словеса, заходят задом наперед
И там, где были волоса турчать умильно станет
рот....

287. ПЕС НА СЕРДЦЕ

Сердце иасос нагнетающий....
Младенец сосал
Наган.... лосось......
В городах Революции
Револьвер...
Рев вер различных...
Вечер старины
Хннчилзар....
Вечер речей речитатив
На сердце вылез пес буржуазии

Бурлюк протестовал всем сердцем
И прозван футуристом был
Мост и торфа туф
На шесть фут
Но с прошлым связи нет
Сон прошлого
Отцы и дети...
Отцы крестьяне и мещане
Ни на чем
Дворяне презрены
И в автоостракизме
Им — катастрофой
Этот сдвиг
Мещан крестьянству
Светлой зорькой
Цветеньем роз
Но пса на сердце нет...
Нет теней....
Лишь радуги сияиье
Игу дар шил.

288. НОЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В борту порта Нью-Йорка
Две воткнуты гвоздики
Два маяка что в океаи зовут.
Крон утробу юности крои
На черном тумбы и пол человека
Но не калека он... лечь и глядеть
На ночь........

Где город тараканом мертвым спит
Лишь движутся усы.
Тесто живых человеческих тел
Чело где челюсти О лечь
Исчислить человека челюсть
Челобитная Числители чела
Точило мыслей Пчела чела и исчислений.
Ночь — челн... не лечь...
Ложись. Вдали реклама пасты для зубов
И двадцать до полночи
А рядом форт, что позже был театром
Где Дженни Линд ласкала янки слух
Тончайшим голоском....
Теперь аквариум там рыбы Лени глыбы.
Рипеть...
Бродвей на перекрестке...
Где человека треть любуется осьмушкою луны
И сто домов один поверх другого
Став чехардой или собачьей свадьбой...
Треть человека окалечить
Полночь.. половина.. Осьмушка ночи..
Два шага вдоль ночи черного забора...
Им стал Бродвей... Бродили по Бродвею
С Марусей мы, С лазурноглазою
В трех измерениях... четвертым было время...
Время — деньги..
Плелись сплетаясь с
Ночью
Косой тугою и тугой косою
Накостыляли ноги
С постели поступью поста

Двуногие, трехногие и
Осьминогие.
Там были семирукие
Трехглазые
И одноглазы
Двухглазых тьмы...
Они кроты слепые
Нью-Йорка не видать им
Коса осок, косили
Фонарями
И семенить ногами не
Легко...
И семя-нить... и
Семя как бревно —
В глазу...
Под микроскопом
Глаз — мелкоскоп
Скопцы гонимые
Им девы не нужны
Где Чатам сквер
Там скверно пахнет
В чужом глазу
Бревно
Но в собственном
Дубрава
Где боровы — дубы
И однобровый
Лик
Вот однорукий
Осьминог.

289. НА МОРСКОМ БУЛЬВАРЕ

Матросы проходят
И кроют матом
Пьяные росы
Куря папиросы
А бухта в точь сором
Утыкана лодками
Что белый по ветру подол
Скамейки и тумбы
Прижавши череп черепу сидят
И запах сосны
Глядите на девок
Деваха
Рубаха
Идет раздеваться
Проведать
Приятели ласку
Девушка
Диво девчонка
Овидий
Ведь деву одев
Туманом вечерним
Напялит очки
Завонявшийся порт
Наляпан...
Девушку парень за
Талию держит
И ищет милых троп
До утробы....

А — аз — завяз
В сплетеньях фраз
Гудки и дуговые фонари
И ропот неизвестных пароходов
Оторопь и воды храп
Пыль иа полу пыль иа подолах
И полах пальто
Пыль и костыль что прилип
К подмышке калеки
Прыгай кузнечиком, Прыгай!
Жертва бойии, что выгодой миру
Даиа для банкиров купцов толстосумов.
Пыль иа полу и
На полах пальто
Отляпать
Полипа
Холопа...

290. СТРАННАЯ ПОЗА

Поза у нищего. Угощение
А зоб винищем залит
Злится он, что ие дают
Ему монет. Просит
Напрасно. Обшарпан.
Обтрепаи. На улице
Где целует ветер
Девушек в колеики
Подлец.....

291. ОДНООБРАЗНАЯ МАНЕРА

Улица полиа призраками и тенями
Бродят парадоксы. Редко встретишь мысль.
Имени нет, иет выражения глазах мираж
Я и не жарил... Сказал....
Сказал........ Вы серые сыры
Сытая скукой. До отказу набитая
В течение целого дня я ие встретил
Человека с лицом Не было литер
Голые все... Мочил.....

292. ФАБРИЧНЫЙ ЛАНДСКЕП

Бутыли остыли или труб
Шесть музыкантов фабрики
Шесть фабричных музыкантов
Шесть труб над корпусами зданий
  Музыкальные арии Дымиые арии
  Мелодии траура полные печали
  О судьбе тех что с шести часов утра
  До заснувшего солнца. До солнца ушедшего спать
Вертят руками как рычаги
Машин без устали не из стали
Бутыли дыма трубы дымиых музыкантов
Вместо арий — дымиые усы
  Ветер их закрутит Ветер завертит их.
  Парикмахер ветер тот Рехамкирап ретив
  А эти музыканты что, играют марши дыма
  И шрамы неба на неба лице тюарги

Из-за стен кирпичных стали в ряд
У реки желтеющей Китаем ели щи лежали.
Из бутылей в небо вьется дым Вьется лентами
седыми
И мутиеет небо и мы здесь
Нуарк бросим, сев в вагон вес ногав
Дама с толстыми ногами через мост
поедут мимо музыкантов
Шестерых, что играют дыма траурные марши
И шрамы на лазурь те марши.. Марш. Марш.

293. ЭТЮД НА БАТТЕРИ

Небо как призма лучи разложило
И мальчик воскликнул заря
и чулки оправляет дева
Глядя на луч и иа чериый дым
Что медом по небу намазан
Не замай.. Отче
Желтый и красный исчезли
Вечер как нищий бредет
Ищи... не иадо речей. Вечеру отдан......

294. АВТОМОБИЛЬ

Перпетуум мобиле... бомы босяки
Ему терпеть... Богатому не терпится в
уме и на яву... Автомобили.
Самодвижение вечное

Я и не жив... Домас
Бегут мимо Содом устремленно
Гудут... туго приходится бедняку
Когда смотрит богача в авто
И забиты сплошь втритны...
Половою мишурой....

295. НАПЕРЕКОР

Близь некрасивых матерей
Играют миленькие дети
Салопы из цветной материи
Им нравилось одеть
Еретики там
Восставшие против былого — веры
Голой ныне глыбы
И — Рев
Какой подняли критиканы
Так темные тупые поколенья
Бросают в свет нередко
Мужа света, бросающего свет,
В котором ясно видны
Пути в грядущее
Молоток
Диво
И туп, кто им взбешен
Рок — ерепан....

296. Ф

Дом заперт Трепак у порога
А побороть... карпетки сгиили иа ногах
Там в доме старец матом кроет
Он крот... Торк дверь
Звоночный рев на зов, как воз грохочет
Коридором различных
Утешеиий старик кирасою одет
Ушедших лет как миого тел он целовал
Ловелас иыне стар стараться надо
В дом попасть Ладанам моиад Лимоиадами
Цветы вокруг дома Но старец спит; старается
Попасть к нему младое поколенье.. Умеи,
иаходчив...
Но входа не найти Он пал и ходы, переходы
И проходы Все пробками заткнуты.

297. НЕБЫТИЕ

Нос... не быть и вечиость так
Сои Теб предсказательница
Небытие иосит имя.. смерть
Путь — туп и короток
Се речь роток который всех глотает....
Театр окоичеи.. Ночь — око....
Теми вечной сон......

298. МОЖНО ЛИ ПОСТИЧЬ

Постичь...... постом ли воздержаньем
Менеджер, что значит управитель
Коиечиым ие постигиешь бесконечиость
Ведь равное лишь равиым позиается
        Ведь муравью ие приподнять Казбека
        Так и уму ту вечность не осилить....
        Как муравья Казбек.
Она раздавит всякое живое...
Способное стонать и мыслить и жалеть
И вечиость неподвижиа
Словио глыба
Ее на волос не постичь....

299. ЗАГАР

Загар на Захаре
Как темиая корка
На хлебе иа черном
Мие речь.... слово мне!
Волос луча иад усадьбой
Последнее саду прости
Елеиа за день загорела
А дача сгорела
Хлеб подгорел
И на улицу всю
Пахло коржом подгоревшим
Но здесь на Бродвее
Газом светильным

Мылом литевс
Дом перед домом
Небоскреб пред иебоскребом
Хвастал:
Выше выше в небо
Занесу огоиь
Дом мод момод, как
Комод
Этажи как ящики
И теперь в Нью-Йорке
Ты не знаешь'
Это ли звезда
Или
Свет конторы
Выше в небо окна!
Вывешены Ганка
И шеи
Трудно
Глазом ешь
Нью-Йорк даешь
Даешь мие оплеуху
Уху ел по
Се-ад.

300. БОРОДА

Борода... А добр?
Нет зол. Тень лоз.... И порок
Порок... жирный короп в сметане
На черном чугуне сковороды

Вокс... Сковорода философ От порки на конюшне
к Воксу.
Кусково под Москвой кус хлеба и укус пчелы
Сук иа стволе.. А сука по дорожке
Дородные дворяне и купцы и недороды
Пук розг и гиева взор.. Разорвана с прошедшим
Связь
Родины моей.. Она взорвалась
Дешевка в прошлом... Солов их взор...

301. МУХИ НА НОСУ

Улицы целует цоколь
Локоть плотиика плотнее иа лотке
Ветер ретивой ремнем без меры
Заигрался. Но в толпе не слышно вздоха
Хода мыслей иль догадки
Год идет... Шум муж....
Мухи. Стол усеян ими
Мхи иа иосу..... Не снесу....
— А в сеицах кто?.. Дочь станциоииого
смотрителя
Что Пушкии целовал.........

302. АЭРОПЛАН

Налпореа иапор воздушных струй
Зов воздуха и авиатор худ
Дух бензинный с неба
Смотрит Саваофом

Семафором для полета
Над полями дыни облака
Прямо в лоб.. Авиатор юн, костляв
Рота — ив.. Вялый сок
Рот ево увереи Не реву, а смел....
Дед отец считали галок на крестах
И на крышах хат серых без цветов
Дед темиее был отца... не умел читать
Но умеи Сын летайлой
Смелым красным Стал ласточиой —
Эсесесер Ресесесэ

Из раздела
«НА ПОЛКЕ НЬЮ-ЙОРКА»

303

Ор. 1. На улицах могли бы быть картины
Титанов кисти гениев пера
А здесь раскрыты плоскости скотииы
Под пил сопенье грохот топора
Без устали кипит коммерческая стройка
Витрины без конца дырявят этажи
И пешеход как землеройка
Исчез в бетои за бритвою межи......

304

Ор. 2. Я был селянским человеком
Пахал и сеял и косил

Не бегал жуткий по аптекам
И не считал остаток сил
Я был юнцом румяиощеким
И каждой девушке резвясь
Я предлагал свою щекотку
Мечтая в ночь окончить связь
Я был забавником громилой
Всего что восхищало люд
Я клял для них что было мило
С чужих не обольщался блюд
Я был как лев горячесмелым
Мне мир казался торжеством
Где каждый обеспечен телом
Чтоб быть увенчанным бойцом
Теперь я стал жильцом провалов
В которых звезды не видны
Где не споют вам Калевалу
Колеса тьмы и вышины
Теперь брожу дробясь в опорках
В длину бульваров вдоль мостов
Необозримого Нью-Йорка
Где нет ни травки ни листов
Где ветер прилетит трущобный
Неся угара смрад и яд
И где бродяги строем злобным
Во тьме охрипло говорят
Где каждый камень поцелован
Неисчислимою нуждой
Нью-Йорк неправдою заплеван
Оседлан злобы бородой

И если есть миллионеры
Буржуев вспухший хоровод
То это Вакхи и Венеры
Их для еды открыт лишь рот
А ум чтобы измыслить новый
Эксплуатации закон
Рабочим потные оковы
Многоэтажье в небосклон
И потому Нью-Йорк так давит
И непреклонен небоскреб
К людской толпе — житейской лаве
Что из поселков он согреб.

. . . .

305

Ор. 3. Шараманщик, шараманщик
С наивною песней...
Обманщик, обманщик,
Мелодии плесень
Заоросишь в подвалы
Взведешь во дворцы
И слушает малый
Румяный лицом
И слушает старый
Изъезженный конь
В Нью-Йорка угаре
В бензинную вонь.

. . . .

306

Op. 4. Толпы в башнях негроокон
Ткут полночно града кокон
В амарантах спит Мария
Лучезарная жена
        Пусть потух я, пусть горю я
        В огнь душа облечена
        Толпы грустных мертвоокон
        Кто их к жизни воскресит
Кто пронижет вешним соком
Брони тротуароплит
Спит прозрачная Нерея
В пену пух погружена
Я луной в верху глазею
Ротозей не боле я ......
....

307

Op. 5. Я нищий в городе Нью-Йорке
Котомка на плечах
Я рад заплесневелой корке
У банка я зачах
Работаю на фабрике бисквитной
И день и ночь кормлю машины ненасытность.
Богатства дочь
Когда же стрелок копья разом
Воткнутся в дыма черных терний
Иду кормить свой гордый разум

Изделием потных кафетерий
Толпа вокруг ярмом насела
Милльонных скопищ вал на вал
Ведь это город, а не села
Где неба вызреет овал
Без счета стадо — это люди
Жуют смеются вновь жуют
И мчатся к злата красной груде
Оно для них всей жизни суть
Часов неутомимый циркуль
Положен времени на карту
Придумаешь иную мерку ль
Глотать минут и мигов кварту.
За эгоистом эгоисты
Проскачут вечной чехардой
Мошенники подводят чисто
Играют злобой и бедой.
Где вертикальные экспрессы
Вас из подвала мчат на крышу
Где звезд туманом скрыто просо
И газолином люди дышат.

308

Ор. 6. Суп за 15 сентов
Из той картошки что растет
Не средь металлов и цементов
А там где чист и звучен свод
Нью-Йорк как банка с черной мазью
А в банках банки слез и мук

Здесь снова возродили Азию
И здесь иной сгибают лук
Из человечьих жил тетивы
И пепельницы из голов
Здесь бедствий расплелися гривы
Эпохи радио-веков.
Нью-Йорк — громадный лупанарий
Здесь проституток всюду тьма
Бедняк здесь много знает арий
Пока в уме иль близь ума
Бедняк в Нью-Йорке — он профессор
Он попращайка вор громила
Так много вкруг в толпе ссор
Нью-Йорк преступности горнило.

309

Ор. 7. Этой весеннсю теплой порою
Мечтать хорошо о зеленых полях
Где тешится крыльев широкой игрою
Воздушно-республика птах
И дрожью сердечиой из каменно-града
Приветя их бурный порыв
Подумать советским рабочим не надо
Завидовать вольной возможности крыл.

310

Ор. 8. Производители самцы.. А рядом —
самки, самки, самки...

Для них в столицах все дворцы,
А над Дунаем были замки;
Для них: рабы, фрегаты, банки и дредноты
Они вершители судьбы. Законники словоохоты.

311

Ор. 9. Охотники на вещие слова
Охотники за рифмами за мыслью
Вам лес:... родная голова
Всегда бегущая к бесчислью
Сравнений образов аллитераций строк
В которых тонет день воображенья
Поэт всегда ручеящий игрок
Тираняций слова для наслажденья.
Как буйный лес разветвились поэты
Как сонмы рек поэмы растеклись
Им нипочем унылый лепет Леты
Бессмертьем им возголубела высь
Ты скажешь смысла нет в бряцаньи
тонких арф
Ты скажешь музы хилы тальей....
Всей философии значимей девы шарф
И половой любви изломы аномалий!

312. ПОЭЗА

Ор. 10.
Когда весь город спит в усталой негра позе
Луны сквозь дым черствеет хризолит

За каждое окно втыкаются занозы
Они въедаются сердца заснувших жителей столицы
И каждый сон похож тогда на мертвеца
А мысль пугливей спящей птицы
Весь город спит сложив свои секреты
Как жалких медяков скупец копилку
А с океана туч лиловые кареты
Мнут спящий город вечности подстилку
Бульвары, банки, пристани и доки
Лежат затоптаны мертвящим лунным светом
Которому на солнце есть истоки —
Луны сюда он брошен арбалетом.
Так и веков забытых тайны и сказанья
Так и догадки древних мудрецов
Несут в себе засмертные восстанья
Противу гнета сгинувших веков.
Радости горе и сокровение мысли древне мудрецов
Как эхо об умы тысячелетий горы
Перешагнут, чтоб снова жить в конце концов...

313

Ор. 11. Каждый день имеет синий голос
Иногда напев окрашен в серый цвет.
Золот песеи полный колос
Песня творчества ответ
Каждый день имеет четкий запах
Ты его прочтешь у встречных на щеках
На звериных грубых сильных лапах
И в задворков смрадных уголках.

314

Ор. 12. Волны. Волны и луна процветают
в сонный час
Когда в лугах прядет весна тенета сладкие
для нас
Когда в садах цветет красот неизъяснимый
хоровод
Когда лукавый каждый рот, зовет далекий
пьяный свод
Пока тетрадь цветных лугов, не истрепалась
до конца
И рифмы струйные стихов не стали
скорлупой отца.

315

Ор. 13. Зови, зови, всегда зови....
За балюстрадами огни....
Они, как крик иочиой любви...

316

Ор. 14. Я зрел бесстыжих много рек
Калейдоскоп именований
Они короче поперек
И шире кажутся в тумаие
Они как вены въелись в губь Материков
цветиого грунта

Волны их быстрой пено-зуб Всегда символ
великий бунта.....

317

Ор. 15. Титьки неба оттянуты к низу
Нью-Йорк ребенком вцепился в них
Я ползу по небес карнизу
Благословляя бетонный стих
Вульворт и другие громады
Фигуры шахматной доски
Манхаттена грузное стадо
Турнир где теют пауки
Здесь сгрудились миллионеры
Играют зол-лото чехарду
У них уыбки и манеры
Точь-в-точь у дьяволов в аду.

318

Ор. 16. На свете правды не ищи, здесь бездна зла
Одни кривые палачи и подвигов зола!
На свете правда, как цветок, Лежит под
колесом —
В пыли его душистый сок, и нет дыханья
в нем!

319. СТИХЕТТА

Op. 17.

Нью-Йорк толпа бандитов
Нью-Йорк толпа жираф
Так небоскребов свитков
Мне видится размах
Нью-Йорк хребет железа
Цемента и камней
Бездумная поэза последних наших дней
Дома ушли за тучи
Без счета этажи
Смеется голос внучий
Над прошлым что лежит
Стоит на четвереньках
Присело на панель
Нью-Йорк о тучи тренькать
Свой продирает день.
Нью-Йорк толпа бандитов
И небоскребов скоп
Что смотрится сердито
В Гудзона черный гроб
На улицах бумажки
Их вихорь мчит в пыли
И людн таракашки
И люди — муравьи.

(На углу 57 ул. и Гранд Централ парка)

320

Op. 18. У Нью-Йорка глаз вставной
Смотрит им Гудзону в спину
Он качает бородой
На уме скопивши тину.
Стал Нью-Йорк мне младшим братом
Мы играем часто в мяч
В небоскреб аэростатом
Без уловок и отдач

321

Op. 19. Когда-нибудь чрез сотни лет,
Быть может, ты прочтешь меня,
Моих стихов старинных взлет
И трепет моего огня....
Сквозь хлад и тленье многих лет
Вдруг снова встанет аромат
Моих капризящих стихетт
И гласных и согласных лад.

322

Op. 20. Нью-Йорк, Нью-Йорк, тебе я не устану
Слагать армады ярых строф
И яду твоего тумана Где Вельзевула
Смрадный вздох.

Твоих детишек бледных лица, играющих между авто;
Их бесконечны вереницы, кто угощает смертью, кто?
Нью-Йорк, где каждый год иные, растут дома
и вверх и вниз,
Где рослые городовые следят движения каприз.
Нью-Йорк, где океан витрина, А магазины океан...
Излишеств жизни исполина, где все продажность
и обман;
Где церкви стали бога банком, А банки чтутся
точно храм
Обогащения приманки; Евангелие и Коран
Нью-Йорк, к тебе хожу с визитом на поклоненье
каждый день
Вспять возвращаюсь я избитым и под глазами тлена
тень
Нью-Йорк, ты деспот, ты обида, магнит и жертва,
и капкан
Златой Телец — твоя эгида на удивление векам!
С тобою я не буду спорить, не стану прекословить
тож,
Когда бессильны уговоры, один поможет злобы
нож!!

323

Op. 21. От родины дальней, От Руси родимой
Унес меня тягостный рок
Стезею печальной Тропой нелюдимой
И бросил на горький чужбины порог

Сжимается сердце, Тоскою томится
И будней измято железом в кольцо
Кругом иноверцы идут вереницей
С угрюмым и мрачнобетонным лицом.

324

Op. 22. Стая над городом,
будто мысль незнакомая
Пришедшая в душу внезапу.

325

Op. 23. Как странный шар планеты лазурн дар
сонеты
Слагающий неясным звукам прошедшего
когда-то внукам
Я правнук бледной голубой луны
Как многим ныне снятся сны...
Я сон затерянный в бескрайности Нью-Йорка.....

326. ОН В НЬЮ-ЙОРКЕ

Op. 24.
Вагоне подземнодороги
Качались угрюмо тела;
Так пляшут кладбищенски дроги,
Танцует над прахом зола

От древности, магом открытой,
От тайносокровищвремен,
От кровью пьянящею сытых,
От стертых забытых письмен;
Под вялым искусственным светом,
Под плеском полночных обид
Живот изукрашен жилетом
И ухе сережка висит...
Он весь послетип Дон-Кихота
Влюбленный нечастый изыск,
Где вечно вулканит охота
Искусства возращивать риск.

327

Op. 25..... Каменщики взялись за работу
И квартал теснит квартал...
Через месяц маршируют роты
Тех домов, что ране не видал.
Пламенеют дни строительной горячкой,
Не исчислить новых взлет квартир
Прыгает Нью-Йорка кирпцементный мячик,
Создается улиц незнакомый мир.

328. ЭТИ НОЧИ

Op. 26.

Бедняк задыхается жалких квартирах —
Ему ароматы вечерней помойки,

Собвеев глушаще-охрипшая лира
И жадные блохи продавленной койки....
Богач эти страстные, знойные ночи —
На лоне природы, обвернут шелками,
Где дачи воздвиг умудрившийся зодчий,
Где росы и лист перевиты цветами....
Кузнечики, шелесты, шорохи, звезды —
Все это полярно — и чуждо подвалу,
Где вонью прокислой, дыханьем промозглым
Питается мести футурум вассалам....
Порочат где вялые, слабые дети
Растут, чтоб служить бесконечно богатым,
Что вьют по-паучьи железные сети,
Богатым — отвратным.... Богатым — проклятым.

329

Ор. 27. Мои стихи слагались ночью,
Перед ними разум был правдив;
Я выбрал для себя пророчью
Тропу чудес и гордых див;
В моих словах росли ступени
Ближайшнх лет, грядущих дней,
В закономерном строчек пеньи
Цветы не вянущих огней.
Мои стихи слагались в гуще
Домов и улиц, и трущоб,
Под грохот скопища гнетущий
Назавтра взрывно вспрянуть чтоб!
Во тьме подземок и подвалов,
На чердаках и за углом,

Где нищеты стилетно жало
Ракетно расцветает злом....

Восстали тысячн людей,
Каждый жаждет жить стократно,
Но косою, меж зыбей
Машет смерти жирноатом...

330

Ор. 28. Не девочка а сексуал скелет
Она на фоне электричьей станции
Что черною трубой дырявит небо
Тыкает парню пальцем в жилет
Дай папиросху.... Румянится
Парня лицо, от оспин рябо...

331

Ор. 29. На этот раз весны не воспою
На этот год крылатой не прославлю
Пропахшей кровью травлю
Засохшим сердцем познаю.
В горах опубликованы зеленые листочки
Но на панелях вырос ржаво гвоздь
Об острый зуб сердец царапается кость
Бессильны здесь вешнедождя примочки.
Я этот год весны не воспою
Пускай лесах о ней щебечет птица

Тепла весеннего истица
Потомок тех что множились раю....
Из кирпичей не выстроишь гнезда
Из птах любая — гореурбанистка
В лесу премьер здесь жалкая хористка
Что в безработице всегда.
Пускай на межах славят вешнежребий
На улицах весной не убежден авто
Ее дебют, не даст реклам никто
И я как все. Не вырваться из крепи.

332

Ор. 30. Луна, хихикая по городу кастрюли чистит,
Чтобы сияли каждой подворотне;
Истерзанных газет теперь заметней листья
И прошлого плевки зловонней и несчетней
Бреду, костыль мне теребит подмышку,
Измученный тропой, где шаг скользит:
Когда придет заря, чтоб сделать передышку
Глазетовый и черный не раскрыт...
Бездомные, приклеившись к газетам на бульварах
Иль в швах застряв домоцементных стен,
Улиток позах спят поджарых —
Тоскливых нитей дней бесчислье веретен....
Спят, спят... Жизнь — жесткий сон...
Им светит лунный Эдисон.

(2 часа ночи. Юнион Сквер 1926, 1929)

333. СРАВНЕНИЕ МЕЖДУ ЖЕНЩИНОЙ И ЖЕЛ. ДОРОГОЙ

Ор. 31.
Вся прямая, вся стальная
Нету мягкого нигде;
Шпал, и рельс, и камня стая
и ее не оглядеть!
Сколько гвоздиков, заклепок,
Нарезок, гаек, и винтов;
Пронести их мимо клекот
Поезд бешено готов;
Есть и им вознагражденье
И за ними есть уход:
Их помажут с наслажденьем,
Пыль надсмотрщик с них сотрет.

1929 г.
Саут Орендж. Н<ью->Дж<ерси>; вагон жел. дор.

334

Ор. 32. В квартирах богачей — ничей!
Но на лугу веду я дружбу с пнями,
С веселой луковкой, с легчайшим мотыльком;
Я их упрямый собеседник.
С годами стал умней, с годами знаю с кем
и говорить
Как камень с Кеми,
Пустынником брожу по городу.
Здесь одиночество с громадной буквы

На вывесках, на каждой из тротуарных плит
Начертано.
Антонин стремилися в пустыню;
Приди и стань на Вашингтоне сквере
И будешь столпником, как столп стоят...
Лишь не мешай прохожим — затолкают.
К сторонке
Стань и медленно смотри на суету
Длиннейшей авеню.
На ней находятся в громадном гробе — доме
Мозги людей, что раньше жили были,
На ней соборы, банки и конторы;
На ней богатство, запах газолина
И нищета,
Что языком сухие губы лижет,
Идя вблизи витрин.
Всегда, всегда один;
Всегда в броне закован, в латы одиночества.
Кругом милльоны глаз,
Следящие небрежно за тобой...
Но дела нет им до твоих затей,
До планов землю озарить веселым смехом счастья.
Лишь надобно, чтоб люди поделились хорошим всем,
А злое спрятали в холодные гроба, замки судьбы,
Решетки и подвалы воли злой....
О, жизнь хитрее старых библиотек;
Из прежних кладов, что зарыты там
Едва ли прочитаешь столько — котик
Шершавым язычком лизнет...
И все... Где череп, что
Старый мир,

Наследье прошлого вместить бы мог?
Где тот кулак, что оплеуху
Отжившей красоте нанесть бы мог?..
Малы, малы задачи,
Мелочны умы. Сегодня — день, как речка пересох...
По камешкам ничтожества бредут,
Иль в рытвинах застряв взывают, как младенцы,
Упавшие от млечности грудей....

. . . .

Кругом лишь город город город
Кругом отрыжка или голод
Кругом толпа но ты — один,
Как потопающий средь льдин!

335

Op. 33
Над Вульвортом утро сегодня раскисшее
Асфальт отсырел и расползся селедкой
Небо нависшее
Потной обмоткой
Желтым лучи неуверенным светом
Тычутся в брюхо витрин
А полицейский торчит пистолетом
Автомобильных родин.
Город сегодня..... соплив.

336

Ор. 35

Луна над Нью-Йорком луна над домами
В лазури прогорклой Прошепчем меж нами
Квадраты окошек шныряют авто
Жужжание мошек подскажет нам кто
Утес неподвижен луна не стоит
Над правнуком хижин — летучий болид.

337. В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Ор. 36

Гляделся зеркало себя не узнавал...
Старушка смазанно болталась на клюке
Зал брадобрейни исчезал: утопленник в реке...
И лампион избалтывался языками света
На улице безумьем нарастал экпресс
Но темноты бессильным было veto
Продлить на перекрестках блудоспрос.
Но грохот нарастал: едва жужжа вдали,
Он манией в болезненном прогрессе
Как будто ребрами прочавкали
Стальными из-за леса...
Зубами тенькая растягивая сумки легких
Вдруг оглушал чтоб стать воспоминаньем
И голова болталась — целлулоид
Что вспыхнет при одном прикосновеньи.....

1928 г.,
Нью-Йорк, 10 ул.

338

Оп. 37. Давно отрекались от тел сами
И садились на тряских коней...
Теперь мои строки диктованы рельсами
Миганьем подземных огней.
Вымыслов мачех под домных повесами
Что мчатся под городом с хрюканьем злым
В своем трехэтажьи ярясь как козлы.....

339. ОДИН НЕ ПОКОРИЛСЯ!

Ор. 38. ....
К ручью когда на миг склоняюсь
Зрю чечевицей дни Нью-Йорка
Где массы видом изменяясь
Льют Ниагарами с пригорка
Где пароходы стаей жадой
Приникли к сиськам пристаней
Где цеппелины — тучи стадны
Подобясь скопищам людей
Где банки полны желтым блеском
Как биллионы глаз тигриц
Нет Эсесера перелесков
И нив причесанных ресниц
Где человек иад человеком
Как кучер на коне сидит
Где бедный в богача опеке
Что смерти лишь ие повредит!

Вздыбяся к небу в землю врос
Зараза денег — в древность троны
Теперь моленье и вопрос
Но вместо плача слышен грохот
Звездится поезд черноте
Нечеловеческий то хохот
Урчит в нью-йоркском животе.
На человека человек идет звенящей чехардой
И в этом их проходит век...
Я здесь один кто не на службе
С болезнью злой не знаю дружбы;
Средь сострадаемых калек
Нью-Йоркское столпотворенье
Не чту беднятскою душой.

340. НОЧЬ СТАРИКА-БЕЗДОМЦА

Оп. 39. ....
Старик бездомец — всеми позабыт...
Его коты фантасты лапкою приветят
Иль коркою банана дети
Бросают вслед ему раскрашивая быт...
Последней истекши, как лава, слезою
Скрежещет в холодную ночь
Застыло проносит заплаты:
Узор нищеты и проворства иглы....
А небе гордятся из мрамора хаты
Огней столподомы на плоскости мглы.
Воткнется врастяжку стезею,
Выхерив самое слово: «помочь»...

Проблеет гнойливо облезшей козою
В панельную скверовотумбную ночь...
А в городе: роскошь ползет через горло,
Хрусталь и меха, и каменья и чар,
Ароматов, духов бесконечье; месголлы,
Афинских ночей наслаждений очаг.

341

Op. 40. Я дней изжеван города захватом
Я стал куском почти сплошным цемента
А ведь когда-то был и я зверьем сохатым
И глаз впивалась водопадолента
Я в прошлом мячиком в густые стены
Бросал рычанье голубой поляны
А ныне весь неистощимо бренный
Машинам приношу деревни фолианты.
Я ране пел и сотрясались воды
А скалы рушились, сломав свои скелеты.
Но сроки истекли, но убежали годы
И я у матерной неозаренной Леты....
Она у ног... О, шелест мертвоводный....
Здесь много кораблей над хладной быстриною
Плешивеет старьем негодным,
Плюгавой прошлого труною.

342

Op. 42. Пригород
При — в город

Сегодня празднество там
Сводня идиотам.
Безумцам замысливишим самоубийство
Без сумы за мысом самума
Будет выдана премия:
Бесплатио револьверы кинжалы банки с ядом
И — веревка что никогда не оборвется
Вернейшая петля
Не надо мыла
А...
Чердак и пыль и пауков
Найдете сами....
Людей излишек
Слишком много.
На них сегодня нет цены!

Из раздела
«РЕГРЕССИВНОЕ НЕЖНИЧАНЬЕ»

343

Op. 1.

Нимфеи, сатирессы
И сам пузатый Вакх
Не ездили экспрессе
Неоспоримый факт.
Сильфиды, нереиды,
То знает Ворт, Пакен,

Передник чтут обидой
Одежды грустный плен.
Владетель голубятни
Прошепчет наобум:
Покажется, занятней,
Что кожа наш костюм
Удобней и опрятней —
Душа сознанья; Юм.

1922
Кобе

344. ЛЕСТНИЦА

Ор. 2.
Ступенькам нет числа и счета нет
Лишь сила бы была по лестнице взбираться
Над черной бездною небытья та лестница стоит
И каждый день отдельная ступень
Все выше.... **Шел**
Чем выше подымался кругозор был шире...
Но меньше оставалось. Розогубый товарищ
Щнра... Я вот.....

345

Ор. 3.
Леса, поля и горы влекли меня когда-то,
Упрятывая взоры И делая крылатым...
Но укатились годы для луз небытия
И вскорости нз моды в тираж, равно, меня!

346

Op. 4. Корабли, корабли, корабли
Проплывут, проплывут, проплывут....
Мы с тобой — на мели, на мели,
Нас они не возьмут, не возьмут.

347

Op. 5.
Мы вылетелн из собвея в лиловый вечера обхват.
И ветер нежный иас овеял, и обиимал, как нежный
брат.
И каждый факел, как лилея, дарил нам желтый
полусвет.
Их светозарная аллея не говорит ни да, ни нет.
Мы вылетелн из пучины тяжелых дней и горьких
дум;
Хотя мы близимся к кончиие, но все ж в весельи
четкий ум.
И рады мы, что злые змеи: обманы, муки и урон
Остались там, на той аллее, творя обмаиности закон.
Пускай приблизились к могиле, мы счастливы,
что то — прошло!
И еслн б было в нашей силе вернуть обратно это
зло,
Вернуть обратно жнзнь затею, скорбящих помыслов
узор.....
Грядущее в уме лилею к нему — мой тихнущий
костер.

348. СКУПЫЕ ЛУЧИ

Op. 6.

Скупые лучи так редко
На камни падут мостовых
Так редко они наполняют
Воздух теплом золотым
Лучи иа рассвете в беседке.

349. ОКРАСКА ЦВЕТОВ

Op. 7.

В лугах маляр забыл свое ведерко
И стаей быстрой муравьи
Ползут спешат из затемненных норок
Чтоб лапки выпачкать свои
Все перепачкано и даже луг зеленый
Пестрят отчетливо их тонкофингерприит
А солнце голубя салопы
Затянет туже туч нежмущий биит.

350. ЛУНА НАД РЕКОЙ

Op. 8.

Ночь морозна — одиноко
Лес как саванах застыл
И луны далекой кокон
Нимбом схвачен золотым
Вышел в поле встретить волка
С серым ночью этой выть

Дружба с ним без недомолвок
И в итоге волчья сыть.
С волком вместе — ночью льдистой
Когда воздух сине-сер.

351. АПТЕКАРЬ

Ор. 9.

Был знакомец раз аптекарь у меня
Щурил он большие веки в свете дня,
Ибо в темных тусклых склянках рылся он,
В коробках, весах, жестянках заточен,
От втираний и дурманов полупьян,
Что лепечут иностранно тайны — брань.
Мой аптекарь был веселый человек —
Отравился он и долгий кончил век......

352. ДОЧЬ

Ор. 10.

Девочка расширяясь бедрами,
Сменить намерена мамашу.
Коленки круглые из-под короткой юбки
Зовут:
Приди и упади.....
Точеностью коленок
Расплющила сердце мне.

353

Op. 11.
В лесу своих испуганных волос
Таилась женщина — трагический вопрос......

354. КТО ОН

Op. 12.
Неизъяснимыми очами кто-то в душу смотрит мне,
Грозно тайными речами просекаясь в тишине.
Кто он демон или правды добрый гений,
верный друг,
Или только тень бравады, что пред мной
явилась вдруг?
Или это отраженье, будто в Гарце, — при луне,
Самого себя, в смущеньи вдруг причудилося
мне?!....
Неизъяснимыми ночами эта тень всегда со мной,
Грозно тайными речами сотрясает мой покой.

1928

355. ПОЕЗДКА ЗА ГОРОД

Op. 13.
Как луч бросаемый домной
Падает на соседний лес
Я выброшен ночью огромной
Нью-Йорка на выси окрест.

Разница здесь проследима:
Луч никогда назад не возвращается
В родимый горн, где лучи висят.

356. ЗЕЛЕНЬ ЛЕСОВ

Ор. 14.
Как примитивна эта зелень
В сравненьи с крышами домов
Она дань тел; родные кельи
Для птиц; зверушек — отчий кров.

357. МАРУСЕ

Ор. 15.
Когда был жив и молод
Была весна ясна,
Но ныне труден молот
Он жмет на рамена;
        Кругом так много близких,
        Но братьев — никого...
        Одни собвеев визги
        Корявою ногой
Прорвали перепонку
И слух мой онемел....
        Одною счастлив женкой —
        Она любви удел.

358. РАЗМЫШЛЕНЬЯ ЧАС

Op. 16.

Сумерки свод превратили в палитру художника,
Тучи задумчиво сини, палевы пятна заката.
Сердце у вечера стало покорным заложником,
Прошлым забылось, мечтает о бывшем когда-то.
Я простоявши Нью-Йорке так долго,
не видел простора,
Только стальные размеры, только охваты цемента...
Жизнь беспрерывно тянулась кремнистую гору,
В счетах скупого на корку упавшего сента.
Прошлое знаю и разуму прошлое мило;
То что случится надолго неймет воображенья —
В младости верил, и сердце ударом частило,
Рвалось грядущее, мир и в его достиженья...
Но теперь дорожа, утоляю я жажду текущим,
Медленно жизнь изучая глотками
Стал я философом, дубом кряжисто растущим,
Что размышлений потока любим облаками.

1928 г.

359. ПРИЕМ ХЛЕБНИКОВА

Op. 17.

Я старел, на лице взбороздились морщины —
Линии, рельсы тревог и волнений,
Где взрывных раздумий проносились кручины —
Поезда дребезжавшие в исступленьи.

Ты старел и лицо уподобилось карте
Исцарапанной сетью путей,
Где не мчаться уже необузданной нарте,
И свободному чувству где негде лететь!..
А эти прозрачные очи глазницы
Все глубже входили, и реже огня
Пробегали порывы, очнувшейся птицы,
Вдруг вспомнившей ласку весеннего дня..
И билось сознанье под клейкою сетью
Морщин, как в сачке голубой мотылек
А время стегало жестокою плетью
Но был деревянным конек.

360. ЭТЮД НА БРАЙТОН-БИЧЕ

Op. 18.
Обворожительно проколота соском
Твоя обветренная блузка!
Изображу ль своим стихом,
Что блузка бюсту была узкой...
К тому же бризовый порыв
Подувший резво океана
Пошире душку приоткрыл,
Чтоб встречных стариков изранить...

361

Op. 19. Я вижу цели, зрю задачи —
Я презираю златозвон,

Что по сердцам банкрутским скачет,
Не находя отметки «Вон» —
Я друг, заступник слабых, бедных;
За них словесный поднят жест;
Средь криков оргии победных
Мои слова не знают: лесть!
Пролетарьята редкий воин,
Поэт — словесный метеор
Он удивления достоин,
Когда слепит буржуя взор.
За мной не шли толпой зеваки,
Для избраниых ковался стих
Острей испанские навахи
И вточь она — ударио лих!.....
Я был когда-то, был в легенде
Свирепо растянувши лук;
Восточно выспренним эффенди,
Надев цветистый архалук;
Но ныне потонул асфальте
Я, катастрофы краснознак.
Теперь затеряна спираль та,
С которой сросся так!

362

Ор. 20. Я сидел темнице смрадной
Луч где солнца косоглаз
И внимая жизни стадной
Чрез скупой тюремный лаз

Я последним в целом мире
Был малейшим всех чудес
Изнывал под тяжкой гирей
Вздувши к жизни интерес
Я был крошкою ничтожной
Полуслеп и полуглух
Когда жертвой невозможной
Раздирали деве слух
Когда тявкали на лирах
Изжевав в губах сосец
Поскоком гнались вампира,
Там где выплакал свинец
Где сухотки тяжкой ночью
Волчья стая пьет тоску
Звезды брызнут многоточьем
На небесную реку
Где в челнок садится месяц
Чтобы плыть над стадом риг
Где так много интереса
Ветер с лиственниц остриг
Голубым крылатым другом
Ты из мира в каземат
Подлетишь, крылом упругим
Станешь душу обнимать.
Скажешь тихо очень тихо:
Ты в тюрьме, но я с тобой...
Жди! примчится смерти вихорь
Унесет тебя с собой!

363. ДВА ИЗРЕ

Ор. 21.
Большая честь родиться бедняком!

Женатый смотрит на
Жизнь из-за спины женщины.

364

Ор. 22.
Послушай, девушка, что так гордишься юнью...
Ты видишь там клюку и тусклый гроб?..
Краса твоя теперь подобна полнолунью,
Где роз уста и грудь торчит как короб.
Но время не стоит и красота завянет,
Ведь и луну уродует ущерб.
И трещины безжалостно на стане
Наложат свой отвратогерб.
Потухнут очи, побелеют кудри,
А вместо грудеваз отвиснут черепки
И будешь ты стоять в чужом румяном утре
Ущербною луной спешащею зайти.

365. КНИГА НАДПИСЕЙ И ЗАПИСЕЙ

На улице

Ор. 23.
У лица
целая
Улица
Целуя
За
Целковый
Целуя за доллар
Не дешевка
А товар
Торговка
Мясом
Собственным бедра;
Кто плясом
На матрац одра
Так просто
Над помостом
Махать хвостом
Вот здесь
Он весь
Стихами некрофил
Любви могила
Страстей Атилла.

366

Ор. 24. Я хотел позабавиться прозой
А вышли стихи
Неведомой метемпсихозой
Трудом сохи.

367

Ор. 25. Эти строки идут стенке косо,
Косой глаз или левша, дамским задом или торсом
Они наброшены спеша?
— Я живу во имя размножения!
— Где же твой приплод?
Жизнь подобна умножению —
Стар ты или молод.

368

Ор. 26.
Ваши профили истерты, безобразны...
Груди впали, ребра просят счет.
Позабавимся игрой своеобразной —
Нам не нужен будет круглый год.

369. ВЕСНА

Ор. 27.
Ты полон был весенним обаяньем в ковре весны
Перед небес архитектурным зданьем, где сны косны.

В цемент, в известку, в паутину зажаты дни...

. . . .

В толпу, в табун или флотилию Я устремлюсь
Чтобы случайному насилию Подвергнуть гнусь.

370

Op. 28. От красотки до сортира
Шаг один
Одна мера, доза мира
Вес и клин.

371

Op. 29.
Негр упал во время пересадки на асфальт
Так ложатся вешние осадки в синий сад
В темиых и собвея переходах пьяный спал
Я его в подземных одах воспевал.

(149 улица и Мот-Авеию станция
подземной жел. дороги).

372

Op. 30. Луг напоя. О, муза, ты крылата!
Была весна и капли ливня весеннего дождя
И Валерьяновые капли от дрожи.
Была лазурь и тучи вата,
Как грудь твоя. О, муза ты крылата!

373

Op. 31.
Повсюду у волны на страже полисмены
У каждого цветка запрет
Дождемся ли когда мы смены
На вольно, вольно Новосвет!

374

Op. 32. На перекрестке улицы названье
И четкий номер дома
И как проклятье — изваянье
Бежавших из Гоморры и Содома..
На каждом миге глупых встреча,
Где свет погас...
Погас, все тени покалеча
В закатночас...

375

Op. 33. Я не могу писать вам посвященья
Ведь вы исчезли без следа
Бессильны будут все моленья
И навсегда...
Я не оставлю завещанья
Меня ведь нет.
Я без минуты колебаиья
Покинул свет.

376

Op. 34. Я пьян, как пиаиино
Под лапками кота,
Когда спиралью спину
И музыка — икота.

377

Op. 35. И с каждым взлетом колеса
Все ближе голубые дали
И чище моря полоса
Трепещут по привычке ивы
А каждой мельницы крыло
Гласит: гони свои печали,
Да не влетят они в окно
. . . .
Беспечных туч седые гривы
И бесконечны небеса.

378

Op. 36. От Нью-Йорка до Бостона
Ходит дымный пароход
На нем грузы миоготонно
Говорят о дне забот.

7 август, 5 час. утра. 1926 г.

379

Ор. 37. Парохода гудок
Рубит туман с плеча
Под сеткой дождевою док
Незрима маяка свеча
Туман, туман — тумак
Для рыбаков — забота
Океанический верстак
Осенняя зевота.

380

Ор. 38. Когда мие было восемнадцать лет
Впервые я нанялся на корабль
И юнгой отплыл в дальние моря
Где волн зеленых плещется толпа
Я посетил прозрачные заливы
Где красным деревом в футбол игрой
прилив в проливе.

381

Ор. 39. Старые старые капитаны
В миниатюрных портах
Пили джин и виски
Глядя на ущербленную луну
Она вставала из-за сарая
Кровавя свой единый глаз

Старые старые капитаны
Пошатываясь возвращались на свой корабль
Мурлыча песенку про капитана Кида
Под нос луне....

382

Op. 40. Жуком гудит далекий пароход
Над белизной туманной вод
Волна внизу хранит бесчестных рыб
Их затаив в звенящезыбь.

383

Op. 42. Гудок вдали дрожа проплакан
Его заел густо-туман
И только неизменен бакен
Отметив вражий мелестан.
Я полон неизменно скуки
Налив густотуман в стакан
Снимаю быстро солнца брюки
Чтобы пуститься в океан.

384

Op. 43. Наш пароход бросает щепкой,
Щепоткой вод кудрявя нос,
Сижу, накрыв матросской кепкой
Мне жизнью заданный вопрос.

385. МАРУСЕ

Ор. 44.
Океанических примет
Континентальности утрат
Ты цель моя: ты мой предмет
И для тебя я чту возврат.
За маяками — даль морей
И вздохи лунного ветрила;
Вздымай свой парус поскорей
Его надуют из всей силы.
За маяками — океан,
Где нет скалы, где нет препоиа,
Где густ заверстанный туман,
Сырая спящего попона...
Придется капитану глаз
Выпучивать, следя просторы;
Бельмо морей, туман — заказ
Перегрузить способен взоры.

386

Ор. 45. Вдоль берегов лукавят острова
Где шумен волн бунтоприбой
Где незаметно голова
Склоняется сама собой
Где я построю камнедом
Где слуховым окошком буду
Играть, как луч играет льдом
Следить угрюмых сдвигов груду.

. . . .

Я — житель шумных городов
Я — обыватель полустанков
Всегда остаться здесь готов
Чтобы забыть о перебранке
Чтобы забыть о гуле улиц
О сотнях тысяч номеров
Когда судьба злобясь сутулится
И хрипло напрягает бровь
Железных струн — свирепо бури
Я буду изучать сонаты
У бури поступь дикотура
И бедра черные лохматы.

387

Ор. 46.
Океанит простор, наливаясь туманом
Облаками луной и волнами и мной
Океанит рассудок жемчугами сознанья
Беспросветностью зимней утомясь и остыв
В бесконечной пучине рассусолились зданья
Что возникли смеясь у последней черты
Океанит простор над былой Атлантидой
Где нависли покровы развернувшихся в ночь
Где иад тайной другая Кариатидой
Вспоминает в легенду ушедшую дочь.

388

Ор. 48. Над озером склонялся ивный хор
Следя под ветерком живые струи.

389

Op. 49. Быть буре — ночь черна
Быть буре — мрачен океан
В котором ночью нету дна
В котором путь не угадан
В котором столько вечных тайн
Их никогда не взглянет око
Где жребий всех всегда иа сваях
Плывешь ты близко, иль далеко.

390

Op. 50. В черном доме — иет окна
Тщетно взоры ищут тени
Бесконечные ступени
К тайне бездна где одна.
В черном доме есть жилец
У него земное имя
Брат сестрица иль отец
Обитающий незримо
В черном доме нет окна
Нету входа, нет ответа
Цель земная не видна
В смерти мрак она одета.

391

Op. 51. На столе — бокал и фолиант
Легкомыслие и мудрость

То что любит франт
От чего яснее утро.

392. НАБРОСОК

Ор. 52.
В окне — маяк, его далекий глаз...
В окне луны — алмаз.....
В окне Атлантик, тронутый луной...
В окне простор иной....
К которому еще я не привык
Которого мне чужд язык...
В окие — поэмой океан.
В окне тумаи.......

393

Ор. 53. Тревожной меди глас
Прорежет ночи мрак
В уме вопрос погас
Что мучил так
Лучистым днем
Когда скитались мы вдвоем
Томила боль — была усталость жить
И в сердце никла ночь
Оборвалася нить
Иссякла мочь....
. . . .
Быть черной буре быть...
Океаническая сыть

Сурово шевелит холодный палец
Наш пароход скиталец
Знает цель
Простор
Не мель....

394

Op. 54.

Еще темно, но моряки встают.
Еще темно, но лодки их в волнах...
Покинут неги сладостный уют.
Ветрило вверх, весло в руках!
    Еще темио, но промысел им мил.
    Они ревнивы к ловле и добыче
    И у бортов и у кормил
    Чем на постели им привычный.
Покинуты рыбачки у скалы,
Где бьются в пену шумные валы,
Покинуты приюты знойных нег...
Им рок иной.. им ветра бег..
    Сегодня будет промах иль добыча,
    Сегодня станет радость иль печаль.
    Ловить, острожить — их обычай
    Отдай канат! Спусти... Причаль...
Еще темно, но рыбаки в волнах.
Они не знают лени и томленья.
всегда вперед! Весло, чтоб делать взмах!
В том жизни смысл и радость назначенья!!

8 августа 1926 г. в 6 час. утра
на борту парохода «Бостон»

395

Ор. 55. Трясет, трясет телега жизни,
Неровен путь и тяжек рок —
Пусть экипаж безукоризны,
Пусть будет ломовой то трок...
  Преодолеем ли подъемы?
  По кочкам вниз летит авто,
  С волненьем с детства мы знакомы —
  Не покоряется никто....
И только остается груза
Различье каждого в руках:
Тот держит выгод скучных узы,
А этот пыльный завтрапрах..
  Трясет автомобиль сознанья,
  Качает дымный пароход
  И даже иеподвижность зданий
  Не оградит алчбу — народ!
Везде движенье и расходы,
Везде медлительность утерь
И даже голубые своды
Теряют, выцветая, ярь!!

396

Ор. 57. Этот дом старика капитана
Где часто слышеи бури шум
Где полог мутного тумана
Сокрыл полеты смутных дум.

Этот дом старика морехода,
Где так много изведанных карт,
Где волна теребит свои оды,
Не справляясь с обычаем хартий.
Этот дом, что стоит на граните
В нем хозяин — седой капитан,
Путешествий пропетых обитель,
Разъясненный раскрытый туман.
Здесь так много различных историй,
Приключений, событий угроз
Тех, что встретились в плещущем море,
Где рассветы закаты из роз....
Где душистой горячей корицей,
Нагота где привычность, закон,
Где смолою замазаны лица
И где ромом намок небосклон.

397

Op. 58. Набрасываю строки беглых дум
Под ветра шум
Под взором маяков
Под вздох валов.

398

Op. 59. Столицы укрепляют берега
Везде видна раздумная оснастка
Чтоб обломать врагу рога
Чтобы была острастка.

399

Op. 60. Мне нравится открытый океан
(Я не люблю спокойствия заливов),
Где четко виден облаковый стан
Средь розовых блистающих извивов.
Величие полезно созерцать
Оно способно восказбечить дух
Придать ему достоинства и стать,
Сказать, что пламень не потух!

400

Op. 61.

Нетерпеливая и злая она нисходит вешний сад
Где всепрощением сгорая цветы волшебные кадят
Где зыбкой золотой улыбкой тростинкой
лег зовущий мост
Где облако неясной рыбкой, где свищет
и лукавит дрозд
Где столько счастья, столько неги,
где каждый друг и встречный брат
Где первых трав звенят побеги, чтоб
взвесить рос алмаз-карат..
Нетерпеливая и злая идет на розовый песок,
чтоб муравьев калечить стаи,
Чтоб затемнить плодовый сок; она тиранит
мучит птичек
И беломраморной руки цветов страшась
Румяноличики
Свои теряют лепестки....

Она расплескивает чаши цветочных
благовоний в грязь
холодной местью она плящет, как ласку,
совершает казнь
Средь ликования и счастья, среди восторга
и щедрот
Оиа творит свои заклятья, щипки
насмешливых острот....
Нетерпеливая и злая и блеск стальной в ее очах
Оиа забвения иглою возносит вечности очаг.

401

Op. 62. Всего лишь двести лет назад
Сожгли здесь ведьму на костре....
Священник был ужасно рад
Как прут последний догорел.
Всего лишь двести лет назад
В Сейлеме знали: святость, грех
И каждый тем был четко занят,
Что грыз греха орех.

402

Op. 63. Добро и зло два лика быстрожизни.
Отдать себя, пожертвовать собой:
Порвется мускул, кровь багрянобрызнет
И закивает смерть лукаво головой;
Но демоны строчат другие предписанья
в Эребе черном, в капищах небес,

Где на стенах истерзанных названья,
Где грешников сосет и мучит бес.

. . . .

И если первое среди цветов и мая
Среди веселых птиц многоречивых вод,
То зло бредет, зубами угрожая
И дымом прокоптив туннельный потолок;
Оно — в насилии, в невежестве, обиде..
Оно — в петле, кинжале и тюрьме,
Когда судьба, согбясь Кариатидой,
Подставит хилогорб посту, укус'зиме.

403

Op. 65. Вдали от родины и близких
Среди чужих всегда один
Хлебаю жизнь из скучной миски
Владелец считанных годин.
  Я стал доступен подземельям
  Нет смысла ненавидеть мрак.
  Ведь жизнь — не звук, не знак безделья
  И не в распутицу овраг
Пусть солитер, но чую силу —
Могу — пахать, любить, строчить
И крышу подчинить тесиной
И по весне исправить гать....
  Упиться сочным арабеском,
  В котором жизнь бурлит ключом,
  Где краски выступают резко
  И где изломы — нипочем.

404

Ор. 66. У меня так много двойников
Они в дилювиальную эпоху жили
И ныне скопищем задавлены веков
Они — былые разум, жилы
Таких как я скитавшихся в ландшафтах,
Смотревших звезды, пивших из ручья,
Но только не читавших Вильсона Тафта..
И не пропахших библиотекой, как я.
Так много двойников и у тебя, Маруся!
Их синие глаза повторены в цветах
В которые теперь в тюрьме витрин гляжуся
Через стекло их воображая запах.
Столетья протекут и миллионы лягут
Тягчайшими пластами ветхой пыли
И на верху Бессмертие со смерти стягом
Забвение прольет из вечности бутыли...
Но ты и я предвечно угадали
Грядущий жребий, пережив в мечте
Чудовищной безумных граней дали,
В других телах воспрянем на черте...
Чтоб сознавать и пламенно к надежде
Тянуть другие дни, и вспоминать о тех,
Кто там лежат в песка одежде —
Подобных нашим горя и утех!!!..

Из раздела
«РУДА РУГАНИ ПРОШЛОГО»

405

Ор. 1. На фоие картины старииной
Струнный играет квартет
Мелодии тянутся чинно
Эх... сюда бы — наган и кастет.

406. ОМСКОЕ

Ор. 2.
Где скукотундру режет властно
Сырое тело Иртыша;
Где юговетр евой лет иапрасный
Подъемлет слабо и спеша,
Где памятно о Достоевском:
Согбенно-каторжным трудом,
Отторгнут набережной Невской.
Он ие измыслил «Мертвый Дом»,
Где ране было Оми устье,
Теперь событий новых шок
Крушит Сибири захолустье.
Здесь взрост первичный виден слабо,
Ночной вместившийся горшок!
Российской власти баобаба!

1919 г.
Омск

407

Ор. 5. Я женился слишком рано, невпопад,
Спал на нарах, словно гад,
От меня в миру змееныши пошли,
Под церквами размножаяся в пыли...
А когда из окон на канатах падали колокола
В них тогда...
Революционно Молодость цвела!
А змееныши стадами расползлись,
Чтобы славить и пригубить высь...

408

Ор. 6. Я презираю идиотов
Которым вязь поэзии
Чужда...
Готовых славить и
Хвалить кого-то,
Отвергших рифмы навсегда.
Умами жалкие и тупостью людишки
Для вас бесцветен солнца луч
и в библиотеке одни поваренные книжки
Вас привлекают... всеобуч.

409

Ор. 7. Падем безглагольные ниц
Пред ликом свидригайловских мокриц.....

410. ПЛЕВОК В НЕБО

Ор. 8.

Плюну, плюну в небо —
Потушу звезду; соберемся, вместе
Плюнем... Сможем солнце погасить!...
Так кричал пропойца, выйдя из подвала
Полный пива мутного бурдой, полный буднем,
Полный злобой,
И заразой,
И бедой.......

411. МЫСЛИ В ВАГОНЕ АМЕРИКАНСКОГО ЭКСПРЕССА

Ор. 12.

Запах кокса мие напомнил
Древних рощ, сгоревших, травы,
Сумрак синий, очерк томный,
Где катилось это славы,

Ветер рыка древних чудищ
Многоногих и крылатых,
Рыбоптиц, безмерных утищ,
Что воде вились горбато,
Что вдыхали ароматы
Лепестков цветов громадных,
Запах яда, холод мяты
И грибов пыленье смрадных,
То, что было в те эпохи,

Где природа в юни пьяной
Расплывалась жарко в похоть
Рассыпалась в щедри рьяной...
Без конца и без предела
Раздавала жизнь гигаитам,
Что свое кормили тело
В листьях леса-фолианта;
Что не знали праздных мыслей,
А живя одним инстинктом
Для анализа не кисли
И себя не звали винтиком...
Что живя цветным размахом,
Густо множились в болоте,
В жирной, теплой сонной влаге
Оставляя нечистоты...

Я теперь сижу в вагоне
Янки дымного экспресса.
Запах угля мие иапомнил
Эти были древнелеса,
Где не знали человека
И его идей крылатых,
И о том, что есть омега
После альфы дней, зажатых
В уголь, нефть, — летящих в дымы
Пассажирского экспресса
Над деревьями, седыми
От цветов весеннетеста.

1929

Из раздела
«ЭРЕКЦИЯ БОДРОСТИ»

412

Op. 1.

Поэт должеи отражать словно зеркало все мысли
В этом сила в этом стать что в судьбе его нависли...
Сколько книжек глупых злых напечатано
в прошедшем
Точно разум знавший вывих
Иль поэт с ума сошедший я теперь пришел
Дать вам знать что надо править чтоб
по-новому сверстать
Строки где стоять мы в праве только жизнь
и только то
Что понятио миллионам.

413. РАВЕНСТВО ВСЕХ

Op. 4.

Я презираю всех богатых и бедным друг;
Сторонник деревянной хаты и недруг слуг;
Я презираю всех, копящих злато
И собственность объявших как Кащей...
Мне близок нищеты творящий атом..
Тарелка каши, миска щей...
Ценю: пасти овечье стадо родных горах
И быть кочующим номадом, чужих мирах...
Мечтаю я о годе недалеком, весь мир когда —

Великом равенстве, по замыслу пророков,
Пребудет навсегда .....

1929

414. ВСЕ ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ

Ор. 6.
Настанет день, когда станку Все, все пойдут
без исключенья!
Труд будет видом развлечеиья, Доступным
девушке и старику;
Всего лишь два часа или четыре
В хрустальных камерах займется футурин
Какой-нибудь там циркуль растопырит или
с золой смешает глицерин.
А иногда веселым футуринкам
Прикажут рвать цветы иль бабочек ловить
И здесь тогда напомнится старинка,
с прошедшим днем совьется нить....
И к иим опять, как в древние эпохи
Сберегутся фавны, станут дев ловить
И на лугу опять запляшет похоть
Простейшее — как кушать или пить.

Из раздела
«ТИТЬКИ РОДИНЫ»

415

Ор. 2. Как склянки с опиумом башни
Вокруг Кремля столпились рядом

Всяк очарован их вчерашним
Столетий выспренним нарядом
По ним сегодня брызги стали
Царизма в хрусте скорлупа
«Тьмы» Эдигеевы видали
Здесь коммунистская толпа!

416. МОСКВА НЕБОСКРЕБНАЯ

Op. 3.

На красной будет небоскреб
Еще при Пушкине твердили
Когда попы клеймили лоб
И крестный ход по златопыли.
В Москве построим небоскреб
Мечтой ползли при Николае
Когда свободы крепкий гроб
Тонул в дворянском мерзко — лае....
Смотрите выкусите нате
Гигант растет поспешно, бойко
Линкольны сняв штаны в сенате
Безынтересны боле;
Все интересы ныне в — стройке.

417. МЫСЛЬ О ЗИМЕ

Op. 5.

На родине теперь пахнуло снегом первым
Колеса заменили легкодровни
Морозец благотворно действует на нервы
И движется и дышится проворней.

Под вечер дым валит из труб столбами
И снегохруст приятен слуху
Старуха древняя прошамкает губами
Кляня новизн житейскую разруху.
Отца далекая московская могила —
Под снегом первых дней затейницы буранной...
Для сердца моего каких велений сила
Под скатертью метелей самобраной?

1926

418

Ор. 10. Весна пришла приперла
Отбила все замки
Опухло речек горло
И облака легки
Весна как конокрадка
Лошадок всех свела
Пастись в лугах помадках
За клетями села
Слезает нонче с печки
Кряхтящий мшистый дед
Глядит он как овечки
Свой кушают обед
По-прежнему слободка
Ярится в хоровод
Беременна молодка
Дитя она зовет!
Но в храмах ныне клубы
И поп свистит в кулак

Былое время зубы
Теряет по углам!
        Он опий для народа
        Растил в не добрый час
        Теперь пришла свобода
        И колокол угас
Над сочными полями
Над озером зеркал
Разносит вечерами
Ветр
Иитернациоиал.

Из раздела
«ИЗБРАННЫЕ СТИХИ»

419. ГРАДОЖЕНЩИНА

Нет не извозчик не трамвай
Авто рычащий диким вепрем
Под зеленью бульварных вай
Громополете улиц терпим
        СЕДАМА мчит окорока
        Заградиоблестким ресторанам
        Вези не час вѐзи века
        Царица трепетиых дурмаиов
Электрзеркалоресторан
Продажночеляди улыбкожабы
Бубукцион различных стран
Жнрафы бегемоты крабы

И еженочь сюда столам
Мы сливки общества упорно
Стремятся толпы мужедам
Под танец похоти волторны
Вознесся столп официант
Белафрикон своей маиишки
Утончеиапетитатлант
Тошноты мутной и отрыжки
При входе взгляд и возглас липкий
Не посетитель общезал
Корсетебутшампаноскрипки
Я сердце музы заказал
Нет мие не общий Теиибак
И не селедку череп пуля
О отрицательной сюжет
Самоубийцохоля

1910
Москва

420. КЛОПОТИК

Снимать корсет, порвать подтяжки,
Пружииой резать старотик,
Китами тикают по ляжкам.
Невыразимый клопотик!
Но лип пилон корсет курсистке,
Отринув панталонный стыд;
Се не огонь, что вызвал виски —
Мещанством пораженный быт!.

Клопотиканье на тике,
Египтовека глазотик
И путешественники по Эротике —
Ничтожнейшие математик.

1917

421. ПРИТАНЬЕЗРАКОДАР

Иероглифы весеннего забора
Оттаявших причин не прочитать
Помимо скрепы разговора
Грядущему всегда подстать.
Не только это но науки
Вскрыть сокровеннейший курьез
Отсутствием чему нет веры — смеховнуки
Дыханье слово кукуроз.
Земле покажется услоэно
Он не растраченный пятак
И погружаясь сусло нов
О видит знаменитый зрак
На талом снеге хладнокровном
Двух сбрачившихся собак.

1918

422. ОБРЫЗГАННЫЙ КАТЕР

Не в силу боли и не от смущения
Что лопнули штаны выше голени
Во время падения
Во сне закричал авиатор.

1918

Из книги «1/2 ВЕКА» (1932)

Из книги «БЕРЕМЕННЫЙ МУЖЧИНА»

423

Огромный труд — устроить пруд
И тину превратить в плотину.
Затеешь с бором бодрый матч ты,
Стволы дерев вдруг будут мачты,
А камень, что лежал горой,
Героя станет головой.

424. ДЕНЬ ТВОРЧЕСКИЙ

Я не ищу ни с кем соревнованья,
Соперничества не ищу,
Не льщуся герб надеть наименованья
Ни богача, ни нищего.
Я независимость на первый ставлю план,
Самостоятельность и деле, и словах.
Мой ум — аэроплан,
Ему неведом страх...
Проснувшись, не хожу без дела —
До вечера меняю труд на труд;

Энергия моя грызет удила,
Выпячивая кругло грудь.
Закатница, рассветница супруга,
Веселых глаз живой аквамарин;
Как бюста радости твои упруги,
Бедро бело — сколь стеарин.
Другиня и жена! согласья крылья
Твои соседни вдоль бульвара дня
И солнце золотою пылью
Ярча тебя, бодрит меня...
Стих за стихом, картина за картиной
Я создаю, чтоб осчастливить мир,
Так Волга осмысляется путиной,
Так люд прояснится созвучьем лир...

29 апр. 1930. 3 ч. 45 мин. дня

Опусы из цикла
«КОРЧМА БУРАНОВ»

425. ДЕЛЕЦ

Ор. 1.

Посмотрел на лес ядреный:
«Бревна ладить на острог;
Клепка, уголь, дров вагоны...
Знатна прибыль, крупный торг»!
Стал на брег реки широкой:
«Вот так сплав — фарватер знатный!
Здесь построю дом высокий;
Сколько силушки бесплатной»!

По степи табун пронесся,
Храп ноздрей и пыль копыт:
«Пелиои свезу на Оссу,
Лишь бы диких приручить...
Приспособить мудрой лямке,
Чтоб тянули деиь и иочь,
Косогор, высоты, ямки
Научились превозмочь!
Сила вся в повиновеньи!
Прилежанье чтите, труд!
Пусть вступает в управленье
Министерством мистер Кнут...

1916 г.
Иглино, С<амаро->Зл<атоустовской>
Ж<елезной> Д<орогн>

426. КОРЧМА БУРАНОВ

Ор. 2.

По степи снегонедужной
Пусть затерянной лежит
И костлявость вьюг жемчужно
Стелет пьяно бельма лжи.
Тенькать, звякать бубенцами
Тройка мчится дребезжа —
Лиха горького гонцами
Пребывая и служа.
А от тропочки в сторонке
Дым коромыслом встает:
Пузом вздутый, брюхом тонкий,
Сыт, голодный — пьяиый слет.

Здесь сугробная харчевня,
Злой метелицы приют,
Прилетев хрипя с кочевья,
Здесь бураны зелье пьют.
У обмерзло льдистой стойки
Целовальник взвихрен — мраз;
Джин и виски и настойки
По порядку иль зараз?
«Ну, хвати смелей с дороги!..
Сердце в пламень утопи...
Ты ие тропик — недотрога,
Вы ие трусы воробьи!..
И восторгом песни бранной
Огласилася зима,
Пированьице буранов —
Злых кочевииков корчма.

1920 г.
Сибирь

427. (ИЗ ОКНА ВАГОНА)

Ор. 3.
Громыхая поле пробегает мимо.
Жаждою сгорает? хочет лимонада?
Поле не подобно царственному Риму:
Полю обладанья, властности не иадо!...
И ему не иадо — знаний, громкой славы:
Пышнорослым сором поле предовольно;
Нежит, любнт травы;
Им, «ему» не больно!...

«Поле» быстро мчится... все себя покажет
(Римская волчица,
Сердце нежно, даже...)
Травкою муравкой,
Блатною водицей,
Кочкой — бородавкой,
Рощицей — девицей —
Поле всем довольно.
И ему ие надо
Лето — зной — кефира
Или лимонада;
Не взыскует мира,
Где сознанью больно!...

1907

428

Ор. 4. Чье имя ведомо и веки не забыто,
Кто навсегда от тленья убежит,
Кому, минувшему забвения обиду,
Бессмертия заветный редюит?

429

Ор. 6. Младенец малый молчалив
Мосты мигают моментально
Мелькаст мельпоменмотив
Местами мрачные ментально.
Мороз мигрени мракобес
Мертворожденный муки мраком

Меняет мимик мировес
Мавая миррой мягкиммаком.

430. ПСЕВДО-ПОЭТУ

Ор. 7.

Слова тебе — лишь побрякушки;
Не речь — а кваканье лягушки...
Но где же тот глагола пламень
Что жечь способен даже камень,
Народов массы всколыхнуть,
К свободе указуя путь?

431. ВОДКА

Ор. 8.

Развалившийся шинок,
Полон громкой свары!
За столом — гуляк венок
Одиночки, пары...
Сам раскосый Сатана,
Подающий водку,
Помогает им сполна
Лить стаканы в глотку.
А домах — немытый строй,
Жалкие ребята,
Неутешный бабы вой:
«Жизнь моя триклята»!

432

Ор. 9. Мы — в этом мире постояльцы —
Раздельно номера заняв,
Покуда смерть на наши пяльцы
Не вышьет черепа устав.
Мы мире сем скоропришельцы
И каждый тянется — устав,
Свое беречь для жизни тельце,
Дней — календарь перелистав.

433. В НОЧЬ ПЕРЕД ПОЛУЧЕНИЕМ ИЗВЕСТИЯ О ВЕРХАРНЕ

Ор. 10.
Зелеиь... не лезь мясо осям!...
Улыбкою жестокой паровоза
Растоптанная роза.
Перебегавший рельсы котелок
Вдрут распластался там
Как бане на полок....
Мы видим черные черты....
Они склоняются устало
Слез месиво — густы
Налеты материиства сала.

434. TEMPORE MUTANTE[1]

Op. 11.
Играют старой башне дети,
Там был когда-то арсеиал
И груде хлама часто встретить:
Шеломы, панцири, кинжал.
На них раскрыта паутины
Зим корабельиая душа
И, сказка осени картинной,
Дамаскостали дряхлость — ржа.
Для детской, ветреной утехи
— Юнцам осталося любить
Перержавевшие доспехи,
Веков ушедшую серьезность
Вершителей угасших «быть»,
Владычество, коварство, грозность!

435

Op. 12. Карабкаясь горой препятствий,
Плывя по озеру помех
Гулять равнинами благоприятствий
Иль косогорами потех.
И не роптать (!) на жалкий жребий,
Что — ты рожденный, человек
И мимолетность, лепит бэбий
Тебе наружащий намек.

---

[1] С изменяющемся временем *(лат.)*. — *Ред.*

436. ЗЛАТОУСТ

Op. 13.
Где острокамень делит куст,
Где треухи парадят ели,
Где гор взнеслися капители,
Гнездится **дымный Златоуст**
Пластами ржавые породы
Распались, ставши на ребро
И тучи хмурой — низки своды,
Напоминая «дом Торо».
Когда бы здесь — где злато гор
Прольется пролетар — Россию,
Моих приняли злато уст,
Контемпоренистый Мессия
Бурлюк — словесный Святогор,
Футуромодиит Златоуст.

1918

437. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЗВУКАМИ И КРАСКАМИ

Op. 14.
Она смеется облачном саду
Всегда лазурных полном лепестков,
Где Звонкий кличет горнюю гряду
Сугубо сладостных, приемлемых оков.
Она рыдает сумрачном «забыто;»
Осенне ураган расплел ее власы.

Усталые тоски пылающее Лидо,
Померкший красопад, песочные часы.
Она струится радостных объятьях,
Где тонок тканью серебро-туман,
Любови взглядах, просьбах и заклятьях,
Аромах чувствий всех и знания нирван.

Ст<анция> Иглино. С<амаро->
З<латоустовской> Ж<елезной> Д<ороги>

438

Ор. 16. Огни над рекою повисли,
Предрассветно синел туман
Казалось, что это Унстлер
Придумал, не увидал!
Не забыть мне свидаиия роще,
Под криком весенних ворон,
Ваших губ «неоткрытые мощи»,
На скамье — одинокий сон.
Что щели заборовой проще,
Так тонок девичий стан...
Тех местах, что описывал Тан
Я попался, как курица во щи,
Средь берез и Иркутских окрайн.

439. ДЫ СКЭТЧ

Ор. 17.
Зари померкшие дары
Ночная тень падет углом

И бархатным чертят крылом
Контур тоски нетопыри
Так с древа упадает лист
Осенних сумерек валясь на крышу
Косым падением речист
Котором тайны смерти слышу.

1920
Кобе

440. В СТРАНЕ КАПИТАЛА

Ор. 18.

Сломалась ночь, раздета куртизанка;........
Постели богачей измял начальный храп;
Властитель мастерских, дредноутов и банков
Теперь былинкою под игом сна ослаб..
Ему мерещится, что он живет подвале,
Что лапа нищеты, — (дневное понаслышке)
Средь, златом полный, воцарилась залы,
Иль молоток стучит его гробовой крышке;
Или авто, что мчит его бульваром,
Гандикапирован хребтами баррикад,
Дворцы озарены бунтующим пожаром,
И на него встает суровый фабрик ад;
И камни, что ложились так послушно,
Под шепоты его Rolls Royce'а шин,
Теперь голодных рук пращею дружной
Срываются лететь в «кумира» всех времен.
Но это только сон... угрюмый меч рассвета.
Дамоклов час... Гудок фабричных труб...

И им в ответ гримасою кастета:
Зевок усталости и дребезжащий зуб.
Рабы труда под плетью принуждеиья
Идут с ужимками Бодлэровских химер...

441. ОСЕНЬ

Op. 19.

Рыдай осениий дождь рыдай
Над вазой раздробленной лета
Что поглощала яркий край
Как счастье затопляет Лета
Седая вечности река
Где дно песчинками века.

442. УВЕЧЬЯ ВЕЧНОСТИ

Op. 20.

Увечия у вечности?.. неправда...
Нет костылей Урану иль Нептуну —
Извечна силачей бравада,
Волны прибоя ЗЛАТОРУНА....

443

Op. 21.

Глядеть с наклоненного бездну корвета
И думать о дне

Где нет сожалений презренья привета
Акулы одне
Смотреться седины безвестной пучины
Не ночи а век
Где спят бескоиечности злой исполины
Модели Калек.

444

Op. 22. У пристани качался пакетбот
И капитан и трезвая команда
Молчали полные забот
Готовясь взять седого гранда.
Был поднят якорь и свисток
Летел аукаться с горами
Когда румянился восток
Слегка прикрытый облаками.
Старик угрюмо на корме
Не проронил прощаясь слова
Был верен мраку и зиме
Он оставался к счастью глух
Когда в морей сииепокровах
Волны расцвел сияиий дух.

— 1920 —

445

Op. 23. Вопрос:
А счастье где?

Ответ:
Оно играет в прятки в осенних грубостей неумолимой роще.

446. ВЕСНЕЕ СОЛНЦЕ

Ор. 24.

Солнца злобная тележка
По камням стучит.
Пусть — насмешка жизни пешке,
Вскочит лужу — кит.
Плутни солнца; прыг в окошко,
Чтоб тянуть зеленый лук
Из наивного окошка,
Сплетен острых пук.
Солнце — песенник прилежный
Он, горластый новорот,
Захрипел романс ночлежной,
Созывая к счастью сброд.
Солнце — пламенник надземный
В трактор брызнет, бросит луч,
Ненавидя двор тюремный,
Скачет среди талых куч.

447. БАЙКАЛ (II)

Ор. 25.

Горы громадная душа
Извечно-детская простая

Туч опоясана кушак,
Тумана клочьями листая...
У ног ее — древнейший лес,
На поколенье поколеньем
Свои обутливши поленья,
До половины склона взлез.
Нет дружбы проще и ясиее —
Скалы гранитно-гордо-стана,
Размашистой угрюмой ели,
Волны соленого лимана,
Ушедшей воды хитрой мели
И тканью тонкого тумана...

448. ГЕЛИОВСХОД

Ор. 26.
К кошнице гор Владивосток —
Еще лишенным перьев света,
Когда дрожа в ладьи восток
Стрелу вонзает Пересвета.
Дом моД...
Рог гоР...
ПотоП...
ПотоП...
Суда объятые пожаром
У мыса Амбр, гелио-троп
К стеклянной клеят коже рам.

1920 г.

449. ТЕПЕРЬ

Ор. 27. Здесь, где малиновая слива
Не гнет заботности ветвей,
Где шумноград сетях залива
Изнежить толпы кораблей

Из раздела
«ОСТРАКА»

450. ЗАПИСКИ АЛЬБАТРОСА

Посвящается жене моей,
Марии Никифоровне

Souvent pour s'amuser
Les hommes d'équipage
prennent des albatreax,
vastes oiseaux des mers.

BAUDELAIRE[1]

Наш бриг недели протрепало,
Мохнатой пеной утомив,
Пока земли надеждой малой
Неясно прозвучал мотив.
Под облаком, внезапным стоном,
Возник туман широкий глас

[1] Часто ради развлечения моряки ловят альбатросов, огромных морских птиц. БОДЛЕР *(франц.).* — *Ред.*

И альбатросом неуклонным
Тень опрокинута на нас.
И следом — выцветший папирус
Упал, колеблясь у ног;
Подняв документ на рапиру,
Я строчки прочитать не мог...
В начале было все неясно,
Что обронил скиталец неб,
Но, занимаясь им всечасно,
Я глубже погружаюсь хлеб,
В мою протянутую руку,
Что положил случайный гость!
Слежу глухих морей науку
И осязаю смысла кость.
Зрю по запискам альбатроса,
Что сведущ обозначил клюв —
Он разрешал любви вопросы,
Взяв лозунг: сердце оголю!..
Разбитый тягостным скитаньем,
Желая отдохнуть хоть раз
У пристани, где колыханье
Напоминает тихий таз...
Но как напрасно тщетно, тщетно...
Все было тягостным на век...
И годы жадно незаметно
Отодвигали счастья брег.
Катились годы — волны тоже,
Старел отважный альбатрос.
Морщины сеть на лик пригожий
Свивали неотвратный трос.
И буря, буря, не как прежде,
Была бессильна против крыл —

В его скитальческой одежде
Образовались скопы дыр
И сердце мерзло над пучиной
И мрачных дум клубился рой
Под нараставшей годовщиной,
Укрывшись жесткою корой.

. . . .

Да, вечно, вечно над туманом
Носить стареющие раны...
И одинок на доски палуб
Он обронил попытки жалоб.

1922
Великий Океан. Кагошима

451. БРОШЕННЫЕ КАМНИ

(Из Одиссеи)

Сколько груза для пращи,
Чтоб повергнуть Голнафа?...
Меркнут алые плащи
Закрывая тайну праха.
Можешь бросить малый тот;
Кто же, кто взмахнет скалою,
Незабудкою высот,
Заиграв над головою?
Вспомнил: здесь бежал Улисс...
Многовесельного нефа
Тень скользнула брега близ,
Голосов морское эхо.

На прибрежной выси лоб,
Нагружен большой скалою,
Разъярившийся Циклоп
Скачет башнею живою.
Солнца миг лучей лишив,
Всколыхнул глубоко море,
На валах белизны грив
Взбил бунтующем раздоре.
Был слепец он, не циклоп
И не зрел живой мишени,
Оттого Улисса в гроб
Не загнал полет камений.

Ночью дымной полутьме
Полифемовой пещеры
Око выколол горе
Ярой лихостью пантеры.
Вот раздался дикий рев,
Глаз шипит под головешкой
И разбойник озверев
Ищет тщетно человечишка.
И быть может пожалел
О циклопчестве впервые
Степгигант, кляня удел,
Не нашед бараньей вые.
Мал, но смелого врага,
Повелителя Итаки.
Утром, чтя скота рога
Вечноставленником мрака.

452. «ПРАХ»

Ты нес кармане труп блохи —
Малютки времени секунды
Мой вопль достигнет и глухих
Туземцев флегматичной тундры
Часы твои остановясь —
Тебя причислить к мертвецам...
Ведь здесь таинственная связь,
Что не понять и мудрецам:
Пусть океане дохлый кит,
Давно остывшая планета.
Воображенью кто велит
Молчать бесчувственно на это??

453. РАЗНЫЕ КАЛИБРЫ

Противоречья слишком часты,
Везде кудрявые контрасты —
Великий ум и рядом идиот,
Что комаром болотным день поет.
Огромнотруб архангелов полет,
И тут же труп — клопа помет.
У топота столичных бюскюлад
Мокрицы исподлобья взгляд.
Ты мерил талию беременной блохи?
Ей надобен пюпитр, чтоб поразить весь мир.
О, грохоты заиндевевших лир,
О, девушка — вампир!!!

Из раздела
«СИБИРИСКИЕ СТИХИ»

454. УТИЛИТАРИСТАМ

(Чужаку)

Телесное мы чтили наказанье,
Был у дворян коиюшни бравокульт
Архангельске, Тифлисе и Рязани
Незыблем был своеобразный пульт.
Пороть под счет! О порки четко-ритмы
Распоясав националь-кумач
Власы девиц, лилейные молитвы
Звезду очей, извивно стон и плач.
Так и теперь — не стих им дай, а розгу
Для воли, для ума, для чувства наконец
Дай злобы и жестокости веиец!
Пускай во всем не будет много дня
Иль радости, иль смеха, иль огня —
Лишь кислота б лилась и ела кость до мозга!

1919/20
Владивосток
Подвал Золотого Рога

455. ГРОТЕСК II

С раскрашенною мордой,
В петлице — ведьмин зуб

Идешь походкой гордой
В свой «Nomentanus»[1] клуб.

456. СОНЕТ

Стеной высокой горы встали
С вершин в простор синели дали
И сосен старых вещий шум
Будил полет орлиный дум
Но глубине резвился ключ
Своим терпением могуч
И он подмыл звеня граинт
Что ныне в воздухе висит
В горе теперь глубокий ход
Для еле движущихся вод
И старый ствол, подгнив, упал...
Но молодых деревьев хор
В провал рассыпал свой дозор.

457

Твердый камень на пути —
Преткновенье для ноги.
Можешь камень обойти
Прыгнуть трудно для других.
Твердый камень для ручья —
То же самое смотри:

---

[1] «Номентанскнй» *(лат.)*. — *Ред.*

Обошел его звуча,
Иль поверх падут струи.
Многострунный водопад
Белопена, блеск и шум
Всяк ручей препонам рад,
Чтит душа воды прыжок,
Раздробленную игру,
Механический порог.

1924

458

Говорят: оранжерея,
Где живет оранж жирея..

459. ПРИКАЗ

Сегодня скверная погода..
Слеза — не дождь... из глаз урода;
И, даже, яркие цветы
Под кляксой грязи — не чисты.
Ведь им раскрыться на кладбище,
Где у гробов прогнило днище
И даже гениальный нерв
Сглодал могил бесстрастный червь.
Сегодня — скверная погода
Уйти б скорей под черносводы!..
Давай мертвецкой архалук,
Скорейшая из всех прислуг.

И, где луны остродвурогой
Грядут разбрызгать перламутр
Изгибах Золотого Рога
Волнокеанских толпы судр,
Не устьем, а зимы истоком
Затерт полярно ненароком
Южанин карт — Владивосток...
Бери скорей тепло в кавычки!
Сибмразснегозимы привычки
Позорят твой юго-восток!..

460. ОСТРОВ АСКОЛЬД

Ор. 28.
Живет таясь скалах кобольд,
У брега плещется Нерея;
Твой взголубевший взлет, Аскольд,
Мы покидаем не жалея.
Придется ли тебя узреть
Земными смертными очами
Поверх зыбей зелено-сеть
На страже срывными скалами?..
Но очерк милого Аскольда
Туманно пенного, звеня
Несем морскую свежесть дня...
С Россией нас соединяет
Последний взгляд ее Герольда
Последний дым ее огня!!

30 IX. 1920 г.
Чикузен-Мару

Из раздела
«AURUM POTABILE[1]. ГЮНЭ И ГЮНАЙКОС»

461. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

О диком времени о прошлом о забытом
Нам говорят названия оружья
Что так бывало раньше кровью сыто
В руках сказавшего: «отныне муж я»!
Гербы нагрудников, морьонов, протазанов.
Саксонского курфюрста монограммы
Под рукавиц (без рук) шелом (без глав) охраной
Выводят мрачные трагические гаммы.
Меч палача, рубивший злобно главы
Меч правосудия семнадцатого века
Когда не часто добрые бывали правы
И не за злое зло терпя, гулял калека.
Траншейный шлем! рапиры марки Хорна
Фитильных ружей скопы, толпы арбалетов
Вооруженье пушкарей проворных,
Теперь не знаемых, не ведомых атлетов,
Охоты круглый рог, старинной зелень бонзы
Рогатины, кошницы стрел — колчаны,
Чего попы не знали, знахари и бонзы
Те что лечить умели след их — раны.
Кинжалы, кортики пороховницы шпаги
Войны Тридцатилетней — время Валленштейна
Не нам чета воинственной отваги,
Что долго так умела быть затейной.

---

[1] Золото, которое можно пить *(лат.)*. — *Ред.*

Три крепостных щита, широкие павесты
И тут же — маленький карманный пистолет
С изящнейшей резьбы слоновой кости ручкой
Роскошный женский бюст и пара белых крыл...
Вот вам прямой эпохи той ответ:
Душистая роса из хмурящейся тучки,
То сердце — рыцарь что щетиня бровь сокрыл.

462. ПОЖАЛОВАНИЕ ЛЕНОМ

(Из Мореаса)

Бредем, вдоль изгороди парка
Большой медведицы склоненья час
И ты несешь мне этом подчинясь
Средь лент волос цветок названьем Асфодель
Мы встретимся глазами час
Медведицы склонения полночной
Моих зрачках живут тона
Цветка названьем Асфодель.
Твои глаза глядят мои, мои
Ты трепетом мистическим полна
Ты — мифа древняя скала
Которой прикоснулась Асфодель.

463. ИЗ МАЛЛАРМЭ

Моя душа, в мечтах о лбе твоем, спокойная сестра,
Где осень бродит красками пестра,
В твой взгляд — приют чудесный
Восходит, верная; так на куртине тесной

Фонтан, где дышат аметисты,
В октябрьский небосклон стремится чистый.
Он отражен в бассейнах, бесконечный
Своей тоской, и ветер скоротечный
Проносит листья, отследясь чертой,
Под солнца желтый луч, забытый высотой.

464. СОВЕТ

Ты не видел Аполлона?
На главе его из лавра
Сотрясается корона
Звуках флейты своенравных.
Уцелеть ты хочешь рдяно
От ударов сине молний?
— Облачись живым тюрбаном
— Дафны ветвью своевольной.
А чтоб негой сонноночи
Не увидеть Минотавра
Или мавра — лжи короче, —
Не забудь под изголовье
Сунуть пару листьев лавра,
Снов грядущих прочь злословье.

465

Косматый полый ивы ствол
Объяла полая вода
О милый малый слабый пол
Ведь ваши слезы не вода...

Напрасно бросят рыбаки
Все знанье сумерки реки
Их золотые невода
Для ига тяжкого легки
И полость полоскать придут
Двуполой подлости редут
Ведь слезы девы не вода
Страстей земные пауки.

1921. VI.
Токио — улица

466

Купальщица лежала под откосом
На розовый песок метнув фарфорбока
И мучился румяныщим вопросом
Вспаленно юноша кустах засев пока!
Невинно скромное стыдливое созданье
Пред ним горячий кубок солнца пьет
И жадную волну приводит содроганье
Предчувствие объять девический живот?
Или жестокая и страстная вампира,
Которой уст всегда крови разрез
Силеиов ждущая для длительиого пира
Победно-жарких неусыпных чресл??
Томился юноша волнующим вопросом
Который днесь не разрешить и нам
Купальщица меж тем свои свивала косы
Их прикрепив откосам и цветам.

467. НЕЖДАННЫЕ ВИЗИТЕРЫ

Утонченной квартире городской
Жантильная и хрупкая хозяйка
Измят изящества монденистый покой
Смутился метрдотель под стол забилась лайка.
Виновница ж всего истерно сжав платок
Вотще беспомощно флакон взыскует соли...
Безумия точки иль молний сразуток
Бунт пищеты — жильца всегдаподполий?
Или пожар пузатый произвол
Разлил свой дикий свет и искр полетгорящий
А если все не так... почтоже гнется пол
И зеркало свой белый глаз таращит?
— По лестнице....
— Сюда?....
— Слоны идут....
— Толпой влюбленные слоны!...
— К вам барыня с визитом
Прикажете принять?
Вам не решить самой —
Принять их или нет часу для всех открытом

1915 г.
Москва

468. КАРТИНА

Красивозадая Венера
Ему служившая моделью

К изображению потерь
Бело нанесенных метелью
Чтобы снести хрустальио иго
Зимопрокатного мороза
Сама Венера Каллипига
Костра у ножек держит розу.
Ей помогают два амура
Раздуть земные пламена
И сам Борей надувшись хмуро
Глядящий тел сих группу на.

469. В ЗАМКЕ

Сегодия утром ты окну
Склонилася одной рубашке
На шумную глядя сосну
Над коей облачны барашки
Ты увидала старый ров
Зацветший вязнущей водою
И стадо жадное коров
Пастись пришедших под стеною

Из раздела
«МАНУС'КРИПТЫ ДАВИДА БУРЛЮКА»

470

Трудолюбивый муравей —
Пример для будничных людей.

Тебе же, муза-егоза,
Гораздо ближе стрекоза.
Пускай придет в сосульках хлад,
Когда торговец коксом рад,
Замерзнут всех друзей дороги,
У музы посинеют ноги...
Но в сердце будет вешний жар
Искусства своевольный дар,
Что до сиянья летодней
Сереет лаской своей.

471. ЯПОНИЯ

Над пагодами ход погод
По хризантемной сути
Минута час неделя год
Натурой светлой ртути
        Над пагодами звон сосны
        Волны зеленой лепет
        Когда улыбками весны
        В гипнозе ветра трепет
Походкой ухищренной гейш
Мой взор равно прикован
Страна лежит на грани меж
Где Кобз град основан.

472. ФУДЗИ

Но к ночи потеплевший ветер,
Весь день казавшийся прохладным...

Был вечер нежно шеколадным —
Коричневатый Гала-Петер.
Или от грохота экспресса,
Иль чуя близость океана...
Но мысли тайная лиана,
В горах разыгранная пьеса.
Для жертв вагонной рельсотряски
Не снявшая высокой маски
Осталася сплошным секретом
БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ФУДЗИ-ЯМА[1]
Под туч фиолевым беретом
Снега взносящая упрямо.

473. ГОРНОЕ

Глубокомысленным туннелем
Сквозь недра каменногоры
Скалам Байкала хмуросерым
Пронесший глаз своих дары,
Чтобы отметить водопады
И клики птиц, и взлетоснег,
Венчавшие гранит-громады
Над пиршеством июньских нег.

474. ЯПОНСКИЕ НОЧИ

Тик так тик так
По гравию шаги

---

[1] Яма = по-японски — гора. *(Прим. автора).*

Луна ветвях пятак
Блестит для других
В доме СЛУЧАЙНОМ
Звучит самисэн[1]
Все необычайно для меня
с ЭН
Японии ночи
От прозы умчат
Кохи и о̀ча[2]
К сакэ[3] приручат.

475. УЛИЦА ТОКИО

Улицу бросало направо и налево,
Мост упал на колени, принимая меня,
Шумом безумным дома оглушало,
Ночь старухой смотрелась окно.
Беззубой проституток было мало
Червивое вино........
Вот — огарок дня.....

476

Зимним часом вдоль залива,
Льдистой корочкой хрустя
У священно озер'бива
Прохожу неспешно я.

---

[1] Род мандолины. *(Прим. автора).*

[2] Красный и зеленый чаи. *(Прим. автора).*

[3] Водка из риса *(Прим. автора).*

На холмах краснеют храмы
Изогнулся взлет ворот
Из-за туч веселой рамы,
Что иебесный ширит свод

477. ОГАСАВАРА

(БОНИН)

У троп крутых растут мимозы,
Сафьян земли им — колыбель,
Вкруг хижин белые сеози,
Нихон'деревни карусель.
Я мимо шел и тростью тронул
Мимоз пугливую семью
И желтые исчезли тоны,
И кротость жизни узнаю.
Мимоза лепестки свернула,
Незримой сделалась очам
Тоскливо серая акула
Их золотой сглотала гам.

Из раздела
«РАЗНОЕ»

478. ОТРЫВОК

Я занимался слишком долго
Твоими отмелями, Волга.
Одной из, тяжких в омут, гирь —
Был сердцу старый моиастырь.

Теперь я дряхл, годами сед.
В гробу лежит, засох сосед,
Но прежней злобе не истлеть —
Не истрепать отмщенья плеть:
Неумолимее червя —
Навек — злопамятность моя!

479. ЛЕТНИЙ ИНОК

В цветах полеты струны пчел
Прозрачиый мед душа тычииок
Как грудь Венеры круглый дол.
И — черный престарелый инок.
Ушедший в жертвенный покой
Где каждом слоге — вдохновенье,
Благословя своей рукой
И птиц, и насекомых пенье,
Моря распространенных крыл
и сонмы вопиющих глоток
Зарядку солнцем жизнепыл
Самцов без правил и оброток
Цветущих облак знойнокуст
Летучую, как призрак, стаю
Для ненасытножадных уст
Что восхищается, сгорая!
Прозрачный инок, инок, инок
Ушедший в черные цветы
Чтобы затеять поединок
Во имя бездны — высоты!

1907 год
(Чернянка)
переработано в 1931 году.

480. ГРАБИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

(набросок)

В квартиру влетели сломали запоры
Дверь сорвалася с петель
Убийцы, грабители, воры
Ветер, огонь иль метель?
Зубы стучат дребезжащий звонок
Грабители в масках растрепан пробор
Сломалась рука там хрустит позвонок
Часы револьверы умолк разговор
Жестокие фразы, костлявые руки за глотку
Вот деньги, но жизнь пощадите
Что вся в кружевном, голубую кокотку
Не надо сапфиров брильянтов триремы
Кричит исступленно грабитель
Мгновенья, нам годы подай!
Мы грабим лишь . . ВРЕМЯ ! ! !

481. А. А. ЭКСТЕР И ЕЕ СОБАЧКА

Четвероногое созданье
Лизало белые черты
Эллады брошенное зданье
В заклятьи синевысоты
Пылали светозарно маки
Над блеском распростертых глаз
Им упоительные знаки —
Лучом колеблемый алмаз!

1908—1931

482. МЕЧТЫ О БРАКЕ

My mother moon makes me mute.[1]

Отсталый и немного точный
Приходит и смеется вдруг
Румяный плод пушистосочный
Владетель множества супруг.

483. Я И СВЯТЫЕ

Я стал святым приятелем
Я с ними заодно
Они теперь стараются
Мне подавать вино.
Я стал святым потребностью
Они помолодев
Для голой непотребности
Мне тащат в спальню дев.
Святые станут грешными
Меня не ублажив
Не угостив орешками
Не наточив ножи.
Я стал и сам святителем
Порока строю храм
Хожу в чиновном кителе
Давно привык к дарам.

1921—1931
Иоког<ама> Н<ью->Й<орк>

---

[1] Моя мать луна сделала меня немым *(англ)*. — *Ред.*

484. НЕСОЗДАННЫЕ ШЕДЕВРЫ

Под симфонией зимних небес
Тонким цинком одеты поля
Ты лепечешь персты оголя
Этот фрагмент не созданных месс
Не пришедших поэм, не рожденных панно
И скульптур, что объемах живут
Ведь немногим в потоке людском суждено
Донести неразбитым хрустальный сосуд
Где магически мир отразясь
Держит с тайной вернейшую связь.

1907
Чернянка, Тавр<ическая> г<уберния>
1931
Нью-Йорк, Америка

485

Домик был подслеповатым,
А забор совсем глухим...
Старнкашкой охромевшим
На березу опираясь.
В доме жил слепец прилежный,
Ухом тягостно тугим,
Ликом тяжко виноватым,
Ртом гнусаво-распотевшим,
Духом тайною мятежным
Вечно к небу порываясь.

486. МЫСЛИ О ЖИЗНИ

Плакать — не трудно!
Смеяться — не станет задачей...
Жизнь — безрассудна —
Не может быть зрячей.
В жизни — законы,
Что ведомы редким.
В жизни препоны —
И ловким, и метким.
Жизнь — наслажденье,
Но в жизни — и мука,
Слезы — наука.
VITA[1] — терпенье,
Пристрелка из лука
По радости внука.

487

И что прекрасней, что нормальней
Супружеской, в новинку, спальни?..

488. СТАРИКИ У КОСТРОВ

Старой кости не согреть,
Кровь по жилам ходит еле
Утомленном, хилом теле,
Что старо, как гроба клеть.

---

[1] Жизнь *(лат.)*. — *Ред.*

489. НАБРОСОК — «ЛЕСНАЯ СМЕРТЬ»

1

Стоял в бору сто двадцать лет
Сто двадцать раз растаял снег
Сто двадцать румянело лет
Гнездом весело-знойных нег
Оброс корой зеленым мхом
Взрастил курчаво лишаи
Своем забвении глухом
Где с каждым годом тише и
Сто двадцать лет курчавил мысль,
Кусты ветвей сучков крестец
Корнями вниз, а кроной ввысь,
Листов трепещущий венец.

2

Зачем зачем к чему к чему
И дней бессчетных что за цель
И эхо отвечало — у...
Глядь — сердцевиною — не цел.
И дряхлость выразила смысл
И мысль сама — гляди стара
И фиолетовая высь
Легла — могильная пора.

490

Вы хотите легенды,
Карусель огоньков,
Восторги, в аренду
Девий альков...
Несмятой услады
Гудят трубачи;
Все — рады.
Безус. Бородачи.
Трезвоньте погромче
Во все колокола
Упившийся ловчий
Коло кола.
Как полнее приветить
Небес бирюзой
Те или эти
Взяты грозой
Что изысканией проще
Твоей руки
Березовые мощи
На озере круги
Вся жизнь арена
Вся жизнь колесо
Услад перемена
Легкость серсо
В лапы Мамаю
Метни вспомяни
К свету и маю
Лучи протяни!

491. ЗИМА
(1906—1931)

Луна — скитальца корабля мертвец,
Я за решеткою, в тюрьме
Молюсь ОБГЛОДАННОЙ зиме,
Ей палачу живосердец.
Ужасный старый труп
Мутный траур за окном,
Я затопить хочу вином
Находку пристальную луп.
На белотеле черноран
Зияя чумные следы...
Мы добрели до сей беды,
Стерпев осеннеураган.

Из раздела
«СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЯПОНИИ 1920—1922 ГГ.»

492. ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД

Стихи переписанные Марусей в 1921 г.
Исправленные в 1931. XII.

Не страна, а муравейник
На лазуриых островах.
Здесь влачит народ затейник
Дни в сплошных пототрудах.
Все для нас микроскопично...

Лишь безмерен ОКЕАН,
Что объятьем энергичным
Насылает свой туман.

(Октябрь 1921.)
Япония

493. ТЫСЯЧЕГЛАЗЫЙ

Тысячеглаз чтоб видеть все прилежно
И свист бича и запах роз и сны
Тысячерук чтоб всех окутать снежио
Тысячеперст на радугах весны.
Но вот и маг великий Дегустатор
Как будто бы язык стал сонмом жал
Березы сок и сладкий мед акаций
Что шершень полосатый остригал.

1920 г.
Токио

494

Авадзисима — синий остров
Ломает влажный горизонт.
Среди волны шумящих тостов
Японо-средиземный понт.
Авадзисима встала остро,
Просторы неба вознесясь,
Затем, чтоб новый Каллиостро
Гулял в ту сторону косясь.

495

Закат румянил неба губки,
Прощай последний поцелуй.
На берегу валялись губки,
Что спину вымоет валун.
Ежи, открытые приливом,
Топорщат черный дикобраз.
Ты в настроении пытливом
У них напрасно ищешь глаз.

496. ИСКУССТВО ЯПОНИИ

Культурным надо статься оком,
Уметь насытиться намеком
И всеконечно счастлив рок
Читать умеющих «меж строк».

. . . .

А вот они «искусства бэби»
Письмо их — начертало жребий.

IV. 1921
Вагон Токио — Иокогама

497

Это кратер старого вулкана;
Юность лав где пел кипящий ад
Над простором синеокеана
Бурными валами над.

Это — горло, где хрипя кипела
Злоба хаоса и юных первосил...
Все в былом... столетья — не у дела...
Лав обломки старых, черный мрачный ил...

Ошима[1]

498. ГРЕЗА О СНЕГЕ

Так нежно, нежно, нежно, нежио
Так снежно, снежно, снежно, снежно
Тянулись ветви рощи смежной
Поэта зимнее окно.
Так безмятежно, безмятежно
Покой безбрежности таежной
Поэта погружал безбрежно,
Всегда живущего небрежно,
Снегов серебряное дно.

25/X. 1921
8 1/2 ч. утра
Санно-номия. Кобе

499. РЕМИНЕСЦЕНТНОЕ

Мы к старости идем, теряя волосы и зубы.
Визит не тянет; мы не ждем
Приема ласкового грубой
Хозяйки злостного трактира,

---

[1] Остров в 70 верстах от Токио. *(Прим. автора).*

Что к кладбищам, поддав дубьем,
Толкает каждого задиру

500. УТРО НА БЕРЕГУ МОРЯ

В златом тумане облака.
Как Тернеровской акварели —
Прозрачна жемчугов роса
Зари пропетая свирелью.
Лет дальних лодок зрим очам,
Пока восставшее светило,
Разбросив пафос по волнам,
В лучи моря не затопило.

Сума, возле Кобэ

501. ПИР

У нищего пир
Из канавы банан
Под грохоты лир
Вынимает стакан
Под блеск карнавала
Открыто забрало
Вот караван
Из Формозы
Далекий Тайван
Туберозы
(Безморозный)

502. ТОКИО

Распластанный у океана
Над грязной лужей круглобухты
Крыш черепицами, в тумане,
Чаруешь вечно гулом слух ты.

503. ИОКОГАМА

Деревянные бубна удары
Цветные домов фонари
Хризантемные мимо пары
И в стаканчиках кори[1]
Проходят мимо рикш скорейших
Раскрыв бумажный синий зонт
С губ пурпурных грузом гейши
А Фудзи[2] в праздник горизонт.

Иокогама — красок гамма,
Я купаюсь в этом иге.
Город моей жизни рама,
Что прославил Хироширге.[3]

---

[1] кори — лед, наструганный политый сладкой содовой водой. *(Прим. автора).*

[2] гора в Япоиии, видна из Иокогамы. *(Прим. автора).*

[3] знам. японский художник. *(Прим. автора)*

504

Доволен, рад Японией
И имя дал я: «пони» ей!

505

Она живет прибрежном доме,
Где ветр соленый дует с дюн
Где сказок будто в толстом томе
И луч рассветный свеж и юн.
Дом весь построен из обломков
Нырявших в море кораблей
И на призыв ее потомков
Ползут признания зверей
Щитом покрытых, белотелых
Которым плавно жизненить
Различных стран жестокосмелых
Где страсти бесконечна прыть
Она гуляет возле дома
Где тайна охраняет колб
Содомский грех, пожар Содома
Рискуя обратиться в столб.

1920—1931
Иокогама — Нью-Йорк

506. РИКША

На каждом здесь шагу:
Стараюсь и бегу!

Пылен взмылен желтый рикша[1]
Он везет почти задаром
Его икрам не велик шар
Шар земной овитый паром.
Что трамвай, полет биплана
Ход экспресса! — Рикши жилы
Пассажира тянут плавно
Пробегая далей мили.
Взмылен пылен высох рикша
Но родными скакунами
От рождений злых излишка,
Хоть тому поверить странно,
Не оставлю я меж нами,
Здесь гордятся в этих странах.

1920 г. Осень
Иокогама

507

(набросок)

Один сидит суровый миной,
Газетный пробегая лист —
Изящный точно мандолина
Воротничком сияя чист,

---

[1] человек — лошадь, возчик. *(Прим. автора).*

Другой, вспотев, бежит лошадкой
Через проезды, мост, бульвары,
Следя за седоком украдкой
Живою угнетенный тарой.

1920 г. —
Токио

508. НА БОНИН ОСТРОВАХ

Ветер рвет листы банана
Пропеллеры бананопальм
И в оранжевое рано
Ветер вносит свою сталь
Устаревши, тусклый месяц
Утомленно сник
Путинками развесясь
В сахарный тростник
И, бледнея, утротени
Убежали в гроты гор,
Где вознесенные ступени,
Ждут приветить взор.

Из раздела
«СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СТРАНЕ ГОКУСАЯ»

509. ПРИДИ!

На радость снежной поясницы,
Где мягок род рукою жир,

Где за толчки не надо извиниться,
Где каждый поцелуй — вампир.
На крики грудей, знающих упругость
(Тебе не смять овалы звучных чаш!)
Где каждый раз: привык — супруг — ты гость
Где сладострастия приветится палаш.
Приди, забыв измену иль приличье,
Здесь не считают ветреность врагом —
На форму нежную грубейшим сапогом!...
Рычи по-львиному, иль клекочи по-птичьи,
Топчись, карабкайся в волнении тугом
Сминаясь бешенством, слюнявя все кругом.

1920 г.

510

(с французского)

Этим утром я хотела принести для друга роз,
Но я столько нарвала их в свой широкий пояс,
Что сдержать их не смогли шелка слабые узлы
Развязался мягкий пояс, розы ветром подхватило
Улетели розы в море без возврата
И волна казалась красной от обилия цветов
А подол надолго сохранил румяный аромат.

511. ФУДЗИ

Тебя не видели, но знали,
Что ты за ширмой в полумрак

Укрыта тучей эти дали
Вникать куда бессилен зрак
Но к ночи потеплевший ветер
На миг разбросил облак ряд
Коричневатый Гала-петер
Погонщик и ревнитель стад.
Покрыта мягкою шаплеткой
Порозовевших облаков
Гора была сплошным секретом
Не угадать поверх садов
Над строем черепичных кровель
Поверх мостов, где мчит экспресс
Вкруг поле-рис, рисо-картофель
Сосно-вишневый синелес
И изумительная Фудзияма
Юго-теплу наперекор
Свои снега взнесла упрямо
Небес синеющий простор.

512

Стемнело, лодки не видны...
Кому теперь придет в башку,
Что там, где так иеясны сны
Счастливо рыбаки жнвут?

513

Отель — у моря; вечный шум
Волны, дробящейся о берег.

Японской мы гравюры иге;
Ее затейности — всяк кум.
Ведь, не забыл ты, не отверг
Маэстро видов **Хирошиге.**

514. БЛАГОПОЛУЧИЕ

У гор, по моря брегу,
Где сосен ропот, дней
Я мчу, смеясь, телегу
Средь празднеств и огней
Я позабыл предбанник,
Где прелый пахнет лист,
Где одинокий странник
Хотел быть телом чист
Я позабыл наличье
Каких-то бед и зол
Я щебечу по-птичьи
Сойдя с крутых уклонов
В покоя славный дол
Среди удачи звонов.

1921. Осень
Сума

515. СРЕДИННОЕ МОРЕ ЯПОНИИ

Не колдун, не ворожея
После нищенства трущоб
Поселили нас жалея (?),
Любовались морем чтоб;

Чтоб с утра и до заката
Мы следили паруса,
Что скрываются крылато
В голубые небеса;
Чтоб вершили мы прогулки
У бунтующих зыбей;
Заходили в закоулки,
Где сияют темновзоры
Этих утренних детей
И звучат их разговоры.

Сума. 25 IX. 1921. 7 час. утра
(Поправлено. 1931. XII 8 час. веч.)

516. САННО-НОМИЯ. (КОБЭ)

(В ожидании приезда семьи из Иокогамы).
При станции Санно-Номия
Железнодорожный ресторан.
Хотя теперь такая рань,
Но кофе пью я — Еремия.
Обыкновенный из людей,
Включенный в странствия кавычки,
Я красок скорых чудодей,
Пиита я душой привычный.
Я кофе пью; — Санно-Номия
Мной посещается всегда.
Ведь здесь проходят поезда,
С которыми, неровен час,
В нежданный мне, в неведомый для вас
Примчится вдруг моя Мария.

25. IX. 7.20 утра. 1921

517. МОЛЧАЛИВАЯ ФУДЗИ

Тучи кучей снега встали,
Заслонив фиалки дали...
Глянь, над ними столь прекрасна
Фудзи, что всегда безгласна...
Вместе с тем — многоречива —
Островов японских диво;
Я ею восхищен из гама,
Что имя носит — Иокогама.

Август. 1921

518. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА КИОБАШИ (ГИНЗА) В ТОКИО, ИЮНЬ 1921

Вспотела улица, считая солдат
Жара заедала всех.
Какого-то года неизвестных дат
Историков хриплосмех:
Что столько-то было убито войной.
Полями устлать потроха.
Хрюканье, хрип свиной.
Разорванных тел вороха!
Какого-то года полустертых дат
Мечтатель,
Забывший:
Меч — тать;
Свернувшийся, отпавший лист...
Древообделочник иль металлист.

519

Итоо
   «То — о
Око —
   Сан
Имя нейсан
   (по-русски —
         Служанка,
            сестра),
Что глазами,
   как танка,
      — востра..

520

Улицы ночной улыбка
Не сети ль золотая рыбка?
Несете золото тая,
   Ни се, ни то — зло лат тая.

521

Ночи тьме
Сидели мусмэ[1]
— Одна молчалива
Пушистая слива

[1] Мусмэ, по-японски: девочка. *(Прим. автора).*

Другая звонка
до позвонка
Обе смотрели
— лучистые стрелы
Девы колчан —
Трепещущий стан.

522. ТЯЖЕСТЬ ТЕЛА МУСМЭ

Мусмэ идет сейчас фуро[1]
Затянут оби[2] тонкий стан
Пусть девы — выпукло бедро
И грудь, — что формой Индостан...
Дождь сделал серым горизонт;
— Бумажный развернула зонт;
Стучат кокетливо гета[3]
То — нежнотела тягота.

523

Фонари кричат: гори!
А луна — молчанье одна.
Что же, что же, что же я?
— Не колдун, не ворожея;

---

[1] фуро — по-японски баня. *(Прим. автора).*
[2] — пояс. *(Прим. автора).*
[3] род деревян. обуви. *(Прим. автора).*

Я построил малый улей,
Закричал тотчас вину — лей!
Вдохновенно опьянев
Здравомыслья бросив хлев,
Отдался я весь полету,
Фраз безумных словомету.

524

Она любила этот дымный порт,
Што именем звался японским Кобэ.
Чтоб столько разношерстных орд
Печалилися о надобе
Но где всегда по вечерам
Предначертаниям послушна.
Луна свой проводила Фрам
Средь льдов лазури равнодушных.

Из раздела «ПОД ДИКТОВКУ ОКЕАНА»

525

Нам —
ммео —
хорен —
Ге —
Ккнй —
кô!

Пели японки
одно это слово
(что я по слогам написал —);
Тук, Ту, Ту, Ту
Ту, Ту, Ту —
быстро стуча —
Через узкую улицу
Слушать — несносная мука.
Не улица — а промокашка,
впитавши непогоды кляксы...
Она — ночная замарашка
где света — белая ромашка.

1921
Кобэ

526. ФЛАГ МИСТЕРА МУРАО

Средь леса длинный был флагшток,
Чтоб поддержать цветистый — флаг
И каждый порта уголок
Шептал: искусник высей маг.

* *
*

В лесу блуждал зеленый шум
В мгновеньях тоньше паутин
Неуловимей легких дум
Прозрачнее апрельских льдин.

* *
*

На мачте реявший флажок
Веселой змейкой извивался
И каждый леса уголок
Любимцем общим восхищался.

1921
Кобэ

527. СУМАСШЕДШАЯ ПОЭМА

Луна попала мой зрачок,
А шлейф еще влачился долу.
Но не заметили скачок
Два мудреца, заняв гондолу.
Они слагали уйму строк,
Касаясь гейши тонкотальи,
Пока бескрайности порог
Лучи луны не обсвистали.

528. ЛУННЫЕ ШАЛОСТИ

I

Помощник капитана бел
И взгляд его морской прозрачен
На шлюпку он удачно сел
И... стал с луною новобрачен.

II.

Для храбрости хватив вина,
Готов злодейства разны на!
Пусть в море брошен трап луны,
Где живы будней каплуны
Взберусь по нем моментно вверх,
Безумной мысли главковерх!!

Кобэ

529. НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

(Первая часть)

(Нью-Бедфорд пристань, 3 ч. дня)
Бревна,
Тащат на пристань.
У пристани вода, в ней бирюза и мрамор,
А люди черные от пыли, солнца пота.
Как кони удила грызут,
Они грызут работу...
Работ египетских...
Товар не перечислить
И голым станет череп,
И зубов не станет...
Перечить сим тенетам
Прозы силы нет.
От спины их тени на бревно.
Тащат с унылым криком.

(Вторая часть стихотворения; 4 ч. дня).
Бревно оно от верб, что на лугу росли
Огулом гул и сор.
На росы уголка в лесу
Где сел, чтоб грезить бочкой вдохновенья.
Я не входил, не проникал,
Я был затворником один
С собой — «Я — босс!»
Бревно лежит, тяжелое оно...
Оно старо, в нем жук точильщик
Множится и стук,
Как в механизме хронометра; артерии и охра..

7 июля, 1929 г.

530

Жеста кость —
жестокость

531

Живое, живое,
Сердце иное роди!
И будь — впереди!

532. ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Человек сидел темнице бесконечный миг
Час длиннейший пробыл темноте

Заключеньн ткал огромный день
Под замком пространную неделю
Под засовом был протяжный месяц
Под ключом продолговатый год.

533

Сумеешь ли лукаво скрыть
Сырой прохладный ветер
Дюны н волны
Далекий заглушенный фоном голос
На шее белой скрыть
Следы от поцелуев
Ожогов солнечных,
Полученных на пляже
На Мартас Винньярд остров едем
Где городок Эдгара в дюнах спрятан
Туда мы едем всей семьей
Чтоб слушать ветер
И соли на губах морской
Осадок легкий замечать.
. . . .

1929 г. 7 июль,
Нью-Бедфорд. (Новая Англия)

534

В уме воспоминания толпятся детства
Когда на Украине в Котельве

Я каждый сад считал моим родным наследством
И рой веселых грез кружился в голове.
Когда после дождя
Сложив свои штанишки у забора
Купались в лужах и мараясь в ил
Мальчишек радости'безграничносвора
Окрестные дворы в свой погружала пыл
Нет удержу стихийному веселью!
Какие крики, визги и прыжки...
Пока не станет мыть арапов ожерелья
Родная матушки заботливость руки.

Из раздела
«ТОНА ОСЕННИЕ»

535. ПЕСНЯ МОРСКОГО ВЕТРА В СЛУХОВОМ ОКОШКЕ

Песня ветра слуховом окошке
Так разнообразна по унылым звонам,
То подобна плачу крошки,
То как скука монотонна.
В ней так много о былом запева,
Голос тленных жизни панихид...
Ветер ноет где-то в окнах слева,
В слуховых окошках где на гавань вид,
Словно вдовы плачут об умерших в море
И уже не смявших более кровать
Иль грызут года тюремные оковы,
Те, кому свободы более не знать...

Стонет ветер в слуховых окошках,
В комнату ко мне на чердаке врываясь..
Ои пропитан запахом горошка,
Он — душа морей Поющая, Немая.

536. ШУМ ОКЕАНА

Ярмо твоего шума, океан,
Как вол, сегодня я одел.
Идти, хромать по вспаханному полю
Твоих пучин, где лов н лед...
Ничуть я не страшусь, что оглушит
Меня тревожная потеха;
Оркестр, в котором музыкантом — каждая волна..
Я нем: я буду глух к тому, чем город грохотал;
Пустая бочка
Городской толпы!
Ярмо напялив шумов океана,
Шагаю по волнам и бури не страшусь..
Я обсушусь.
. . . .
«Дыра лесная»
Остров назывался.
На нем в прошедшем жнли рыбаки...
Теперь построены отели, где богачн
Нангрывают гнусно жнр.
. . . .

537. МАЯК

Море мяукало... мяу, мяу.
Маяк каймою белой обозначен,
Эта башня из ржавого железа и камня;
Мычащий як, сторожем у входа в бухту.
Зоб своеобразный спит,
Уткнувшись в воду;
Она грезит ушедшей жизнью давней
У ней плачевный, битый жизнью, вид.
Устала от прозы див;
Маяк ведет,
Маяк зовет
На верный путь... он туп,
Бросая свет,
Он стар, он ржав,
Он полон гула (как луг)
Валов и пены и в себе
Неистощимой уверенности.
. . . .

538. ЗАГАДКА НОЧИ

Он согнулся в три погибели,
Чтобы гибель избежать;
Стал подобен рыбе или
Вспоминает птицы стать;
Он на вахте в переулках,
Гнется к тумбе сторожа,
Чтоб от труб полночи гулких
Не проснулись сторожа.

Весь зеленый, он не любит
Желтых пятен фонарей,
Как Ван-Гог, что давит тюбик,
Чтоб винтом — ряд тополей
И над ними в бледном свете
Наступающих ночей
Талью месяца отметить,
Облик жутких палачей.
Спайка с ночью, с тенью спайка,
Лай собак и лапки кошек,
Кто он, что он? Угадай-ка...
Сколько глаз, как много иожек?

Дек<абрь> 7. 1929 г.

Из раздела
«ОКЕАНОСТИХЕТТЫ.
Строки написанные на берегу океана.
Июнь, август 1931 года»

539. НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ЗАЛИВ

Пароход «Кингсбург»

Берег — символ конца морю
Берег — символ конца мысли.
. . . .
На зеленом моря поле
Пасутся белые стада
Пастуха играет роли
Только ветр один всегда...

Он стада перегоняет
В далях серых без конца
И реветь их заставляет
Под ударами хлыста
Здесь в просторе
Здесь в привольи —
Бесконечно —
Своеволье.

31 май. 1930

540. МАЯК НА САНДИ-ГУКЕ

Ор. 1.
К. Э. Циолковскому, русскому гению, в честь его 75-ти летия — привет от автора этого стихотворения и издательства Марии Бурлюк.

— 1 —

Санди-Гук — песчаный крючок, коса океана,
Узкая, шашки клинок полоса
У лазурно-простора экрана.
Всю ночь горит маяк на Санди-Гуке,
Соперничая с блесками светил:
Ночною сменой раб сторукий
Египетскую тьму изрешетил.
(Маяк).
При свете дня — белеющей верстою,
Столбом на жизненном пути —
Перистых туч ласкаемый листвою...

Их наблюдай, их перечти!
Но ночь пришла, как точный проявитель,
Незримое при яви, стало — блеск,
Огнем свечей наполнилась обитель,
Загоризонтно отмели сияют веско.
Над водами горой нависла тьма,
Одежды снов, излюбленные смертью.
Опасно плаванье весьма...
Проверьте карты, маяки, отверстья!
Но день бывает орошен
Разгулом, дождевым обстрелом.
Куда идешь... Зовут... Не приглашен —
Обидели нахальством угорелым.
Какие злые тягостные зраки —
Не хочет поделиться днем;
Кого утешит льстивость клаки?
Ликер кто черпает веслом?

— 2 —

Приветом дальним Санди-Гук
Является плавучим городам.
Его біенья сердца стук
Подобен синельдам.
Горит, горит маяк, бросая дротик света,
В зрачок идущих мимо, плящущих волной?
Хороший знак, корвет ему покорствует земной.
Плывут одежды ночи, синесны,
Закуски звезд, заоблачные тайны,
Угрюмо шорохи сосны,
Легенды хижин свайных —
Плавучих городов сияют этажи.

— 3 —

Проходят, замечая Санди-Гук,
Что их хранит всю ночь, роняя светозвук.
Весь ныне разделился «род — земной»
На горожан: земных селян и небоскребных,
Коптил подземного пещеросовременья,
На особей, влекомых высотой,
Летающих, рискующих загробно;
Воздухо-антропос — научного значенья.
Маяк, маяк, светило Санди-Гука —
Сияет человекам водоструй.
Для них приветы светозвука
В Египетскую тьму!

541. ВЕЧЕР С ЛУНОЙ

Луна сегодня минимальна,
Отрезок дыни на небе блюде.
Белая женщина темная спальня,
Куда не бегут не смотрят люди,
Где евнухи бросили звезды очи,
Не боясь ничего, кроме тучи...
Кто женщину любит щекочет
Обижает, тискает, мучит?..
Для какого блаженства муки
Набежали в спальню ласки,
С ятаганами широкозадые мамелюки,
Тяжелые лиловые пурпура краски...
Луна сегодня минимальна —
Довольствоваться надо малым,

Среди небес ночных печальных,
Она подобна света жалу.
Невдалеке от света центра
Звезда колеблется брильянтом,
А я поэзной стройки ментор,
Расселся в лунном доке франтом.
Раскрылась ночь, плывет фелукой,
Гаремом обнажились звезды,
Широкозадо мамелюки
Начнут рассвета саблей гваздать.

9 ч. 20 м. утра
29 июнь. 1930 г.
Кенигсбург

542. ДЕВУШКИ

Проходят девушки, покачиваясь станом
Ласк зажигательных, шереигами приманок
Они горды собой, они плывут туманом
Им мир далек лесных старух — поганок.
Они несут запрятанные тайны
Горящих глаз, расплетшейся косы
Округлости грудей красы необычайной
И выкроек бедра искусстнейше косых.
Чтоб тайну разгадать — пусть дева станет женкой
Научиться мыть пол и штопать панталоны
Мгновенно превратить тебя в отца ребенка,
Ко дню грядущему пойдешь ты на поклоны.

543. МОРЕ

(Стихэза)

Глазу есть где отдохнуть
Даль лежит без берегов
И свободно дышит грудь
Для создания стихов.
Я нашел здесь скромный дом
Окна крыша, к морю дверь
Что не скована стыдом
Не открыта для потерь.
Я пришел сюда писать
Кистью, краской н пером
Чтоб как море: не молчать —
А поведать обо всем.
Бедняка, чтоб подбодрить.

Июнь. 1930 г.

544

Они живут под взглядом океана
В домах, что смотрят вдаль
Могучего, безмерного титана
Которому не скучно и не жаль...
Проводят дни, не утомляясь видом
Раскинувшего волн своих полки,
Не знающего что считать обидой,
Когда утери, прибыли легки...

Они сидят на набережных чинно
Как будто ждут прихода кораблей
Дней выцветающих старинных,
Где жили сонмища иных людей,
Воспоминанні сгинувшей эпохи,
В которой было все иным:
Веселье, труд, забавы, вздохи
И ныне грешное — считалося святым
Но океан не ждет, и без надежды
В нем — бесконечность без границ
И только шевелят туманные одежды
Глаза загоризонтных лиц....

Июнь, 8; 5 ч. 30 м. утра
1930. Туман, дождь

545. СТИХЕТТА СЕКСУАЛЬНАЯ

Различны окраски самок
Разнообразны глаза...
То глядят, как разрушенный замок,
То березовой роще гроза.
Разнообразны движенья и танцы —
Они под диктовку форм;
На солнце протуберанцы,
Всемирного пламени шторм.
Всюду прнманки загадки
И стерегущий капкан —
Жизни напиток сладкий,
Налитый формы стакан.

Из раздела
«МОРСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ»

546. ЗАКОН КРАСОТЫ

Яримся мы при виде красоты
Любовному покорствуя закону
Трепещем словно юные листы
И юноша и старец лет преклонных.
При виде прелестей в сердцах пылает ярь
Все существо расплавит чувство неги
Владычество командующих чар
Лирических подъемов и элегий
Красавицы купаясь у скалы
Соперничают с вод стихией пенной
Они поют они смелы
Хотя принадлежат породе бренной.
Девица, камень — символы миров
В которых все различно...
Живое ждет неотвратимый ров
Но камень вечность проживет практично
Он вечности посол холодный и немой
На нем извивы — мудрости морщины
Вкруг — жизнь играет шумною семьей
Меняя маски, виды и личины.
Когда любуемся мы формой красоты
Ярясь при том, что родственно н близко
Сердца трепещут юные листы
Любовь всегда на грани риска.
Все краски, формы, линии извив
Поспешной жизни, роста феномены

Лишь символы часов и мигов грив
В движеньи неизбежные измены.
Но в камне жизнь былая заперта
Окаменевший крик и жаркое объятье
Здесь запрессована пространственно верста
И взгляда прошлого понятье.
Здесь жизнь ушедшая оформилась скалой
Преобразясь в громоздкость вечной спячки
Былые: мудрость, нежность и разбой
Любовность и экстаз, здоровье и болячки..

20 июнь. 1930 г.
На даче, 9 ч. утра. Кингсбург

547. ЛЕТНИЕ МУХИ

Как планеты вкруг светила
Вьются мухи вкруг главы
Разудалого пиита
С черной мудростью совы.
Вьются мухи, пляшут слухи
Они насланы жарой
Как планеты иль как духи
То песчинкой, то горой.
Подлетает муха к глазу
Расширяясь в Сатурн
Разнося свою заразу
Крипты кладбищ, прахи урн.
Как планеты вьются мухи
Вокруг круглой головы
Что в застое не протухнет
Не сливается с толпой.

Черной нитью, грязной точкой
Муха в воздухе стекле
Иль болота тряской кочкой —
На главе моей — на свекле...

1 июль, 1930 г., 10 час утра

548. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Я мире сонном странном метеор
Мой свет в твоих зрачках — самосознанье
Я пронесусь над льдами гор
И навсегда взорвусь изгнанье.
При пламени ума ты сможешь прочитать
Загадки надписи в пещерах исполинов:
Понять кто был отец и мать
Что вызвали для жизни сплина.
Я мире этом странный метеор
Скользну в умах, чтобы навек исчезнуть
Чтобы затем, с тех пор
Смотрели звери в тягостную бездну...
Смотрели, вспоминая чудосвет
Причуды тени на земных предметах
Как я носил разбрызганный жилет
И жил в стихах рифмованиых приметах.

549

Всюду в жизни глаз находит
Поучающий урок

Здесь торчит он басни вроде
Там — в лесу единорог.
Вот цветов поэзо запах
Вздохи чары вздохи сны
Что в легендах древне-мага
Были век погребены.
Плен распался растворилась
Тайна ночи тайна сна
И ликующая сила
Обияла нас как весна.

Август 9, 1930

550

Отношение Сократа к дамам —
Лишено похвал и славы:
Они — только жизни рамы,
Они знают слово «амо»,
Они стонут в муках страсти,
Расточая ласки пылко...
Если б было в ихней власти —
Мир бы стал — любви бутылка.

551. ЗАКАТ СОЛНЦА НАД ВОЛНАМИ

(Рифмеза)

Писать с натуры желтый свет,
Что книзу падшее светило
Дробит волны живой скелет
На ленты, золотые жилы...

С мгновеньем каждым солнце ниже:
Мы улетаем от него
И в волосах светила рыжих
Рефлекс взрумяненных снегов.
День прожит, был такой, как тьма,
Что проползли на костылях,
Пока недвижная зима
Косы не снизила замах.
Миг, солнца золотое вымя
Коснется скоро дальних труб,
Что тщетно закрывают дымом
Истому возалкавших губ...
Еще один последний штрих:
Ты видишь дальний холм наляпан,
Он горизонт пронзает лих
Под солнца золотою шляпой...

552—556. ПОЭТИЧЕСКИЕ УХОВЕРТКИ

Жirазоль, Гелиотроп.
Попочка. Попойка.

Поплевать на попа.

Снится
Синице
Что ее переносица
Переносится

На поясницу
А пояс
Ниццу....

* *
*

Запах папах
Лапах запах
Что же лабаз?
— Коиь и запал!
В лапах запал?

Виски
  в
виски
  !!!
Таиец
  в
Румянец
  !!!

557. ПОЭЗА СУМЕРЕЧНАЯ

Как печалеи свет вечерний
Элегичеи беспредметен
Сколько в нем невидных терний
Как безмерно свет тот бледен.
Вдоль залива марши видений
По изгнившему помосту
На ходу поют про деньги
Насчет прибылей и роста.

Как печален свет предночный
Свет навеки расставанья
Бесконтурный и неточный
Только чувство в нем не знанье.
Вдоль залива сини тени
Под ногою гулки доски
В храм какой ведут ступени
Где огни горят на воске.
Как печален свет вечерний
Будто пристань в синевечность
Без пространства измерений
Где забвения беспечность.

558. ВИД ИЗ ОКНА

Время... иногда ползет червяком;
И. С. Тургенев

На косогоре, под холмом
Постоем жизни — старый дуб;
Он суковат своим умом,
А листьев нежность — в неба глубь.
Соседний холм старей его;
Из-под травы обвал камней
И ветра лет без берегов,
Надувший паруса полей.
Соседний друг мудрее в снах,
Он больше видел, больше знал...
Над ним перистых облак взмах
И огневой зари раскал.

На косогоре, под холмом
Живется старому легко,
Он в одиночестве своем
Витает в прошлом далеко.
Когда шумит его листва —
Как призрак, мыслей хоровод —
О мимолетном естества,
Текучего, как струи вод.

11 май, 1930 г.

Из раздела
«АРАБЕСКИ»

559. НЬЮ-ЙОРК НОЧЬЮ

Река удвоила количество огней,
Река вползла змеею город
И с нею стало сыро-холодией,
И каждый дом поднял свой ворот.
Вдали, как волчий глаз, горит луна,
Она в реку упала утопиться.
Висок небес корявит седина,
А возле — звездочки продрогшая мокрица.
Теперь грабители выходят из трущоб,
Сам город стал бандитом в смятой маске,
Они, разносчики проклятия и злоб,
Лишь часа ждут, когда — ночные краски.
Нью-Йорк теперь лежит своем гробу,
Огни на нем, как черви, шевелятся;

Каньоны улиц — рытвины на лбу,
Где мыслей адово-палаццо!!
Нью-Йорк теперь — забвенье и тоска,
Когда Гудзон разлегся мертвым Стиксом,
А неба мокрая туманная река
Часы вверяет игрекам и иксам!

560. ВЕСЕННЕЕ

Вешней почки
Мал размер!
Меньше бочки
Например.
Многотомны
Эти дни —
Почки скромной
Сладкосны.
Почка — часть я,
Не забудь!
Бочка счастья,
Что как ртуть,
Днесь на землю
Пролилась,
Вешней третью
Встала связь: —
Счастья капли
На ветвях!
Крепок, слаб ли —
Друг или враг!

561. ЛЮДОЕДЫ

В лесу средь пальм, как древней саге,
Среди лиан, средь рыка львов
Живут еще антропофаги,
Таежных кровожадней сов!
Средь удушающих цветений,
Средь жгучих и тягучих смол,
Среди дерев, как сновиденья,
Они готовят редкий стол!
Под крокодила страшным взглядом,
Под тяжкой поступью слонов,
Средь змей с молниеносным ядом —
Их аппетит всечасно нов!
О — это первенцы природы
Они просты и славят клык.
Они родились для охоты —
Ученый им — равно — балык!
Искусства наши и наука —
Уму их — жалкий, дикий звук:
Стрелою выражена мука,
О череп молоточком стук!
Они ясны, как примитивы,
Фундамент наших всех культур...
Тот грунт, откуда так лениво
Взрос «от сегодня» каламбур.

562. ЛЕНИНГРАД ОСЕНЬЮ

У севера сырого чана,
Над замерзающей Невой,

Где сшиты саваны тумана
Адмиралтейскою иглой,
Где провалились мостовые
На дно петровских древних блат,
Где не спасли городовые
Разврат Романовских палат,
И где теперь холодный месяц
Над Мойкой в осень ночи скис,
Есениным трагическим повесясь,
Отекшей головою вниз,
Встает иною, бодрой тенью
Рабочий Красный Ленинград,
Стуча по мраморных ступеням
Дворцов низринутых громад.

563

У дождя так много ножек!
Он стремится без дорожек.
У постреля много стрел,
Перераиить всех успел.
Дождик любит леопардов,
Любит лужиц серых оспу,
Когда дробью крупной в марте
Открывает Vеп доступ.

564. ПРЕВРАЩЕНИЕ

Это было в Нью-Йорке, это было подземке,
Под громадами зданий, под туманностью вод

По диванам сидели, обэлектрясь туземки,
Что к супружеству падки, не предвидя развод.
За окиом проносились движенья полоски:
Фонари и карнизы, и фигуры людей.
Меж сидевших чернелися две негритоски,
На округлостях тела казавшись седей.
И меж нимн вприжимку сидела блондинка,
Вся прозрачно синея просветом очей,
Вся — готовность растаять, весенняя льдинка
В трепетаньи собвея бесстрастных свечей.
Я смотрел на блондинку, на двух негритосок
И..., внезапно... поляне погасших огней
По прозрачности белой побежали полоски
И блондинка вдруг стала немного темней...
И чрез пару одну и еще остановок —
Предо мною сидела чернее смолы
Эфиопии мрачной одна из утровок,
Что скалисты зубами и коксово злы.
Грохотали собвеи, давясь поездами
И подземные дыры хрипели, как бас...
А блондинок все меньше синело очами,
Превращаяся в негро-свирепую мазь.

1928 г.
Нью-Йорк, 14 улица

565. НА ФАРМЕ

Врывается ветер снаружи, с поляны,
Где листья отмыты упавшим дождем,
Где очн дрожат голубея Светланы
И ветви поют: «подождем»...

В румянце, в объятьях ажурные тучки;
Запахано поле, весна без конца.
Жизнь ласка одна, без придир закорючки
Как день, что не знает подвох — подлеца.

Пенсильвания

566. БЕЗВЕРИЕ ОСЕНИ

С приходом осени в природе
Вступают в строй иные краски.
Вот тыкв ряды на огороде —
Как римлян бронзовые каски.
Где зелень услаждала взоры,
Соседний в спектре воцарился цвет,
А в час зари, опустишь шторы —
Лиловый небо шлет привет.
Повсюду властвует, наружась, утомленье
И струны арф не трогает Эол,
Когда в камине теплятся поленья,
Сонливо тень легла на пол.
Осенней тьмою тихо, как в могиле,
Той первой ночью, что придет для всех..
Порыва нет. Нет веры в силы
Земле вернуть румяный счастья смех!

Октябрь
Нью-Йорк

567. НЕНУЖНЫЕ

(Весна в капиталистическом городе)

Усталые люди приходят весною
На парка скамейках часами сидеть;
Со взором потухшим, с согбенной спиною
И кожи оттенком, как старая медь;
Пассивно считают истекшие весны,
Песчинки — недели и камни — года,
Их время давно обеззубило десны
И тускло в зрачках их застряла слюда.
И в синем параде весны ликованья,
Где каждый росток — комсомольская песнь,
Сидят... как мозоли тоски, изваянья...
Фабричных бульваров, ненужная плесень.

Май, 1932
Сентрал Парк. Нью-Йорк

568. ПОКЛОН ОСЕНИ

Я шляпу снял перед осенним лесом,
Чтя кариавалы красок и тоски,
Следя с сочувствующим интересом,
Как холода румянят рощ виски.
Глубокой тишиною успокоен;
Одна роса шуршит с мертвеющих листов...
Кудрявый лес — он утомленный воин
С летучей конницей сражавшийся ветров.
Я — тоже воин, знавший жизни битвы
С двуногой подлостью, с ничтожеством и злом,

Те, что секут острее бритвы,
И жадным тернием спускаются над лбом.
И что ж дало свидание с воякой?
Чему учил рапсодией — урок?
— Иди всегда под ярким стягом!
— Взорвись в восторг, когда потухнуть срок!

1931 г.
Инвуд над Гудзоном

569. РУКОПИСИ

Нет не уставом, почерком сегодня
Я мысли беглые бумаге предаю...
Мной на корабль положенная сходня,
Что в край идет, который вам дарю.
В новейшем — старина, в любой старухе —
младость
Вглядись видна! В тоске — былая радость.
О Нибелунгах песнь, иль Фета манускрипты
Листы бумаги, пергамент
Столетий прошлых крипты,
Иль дня сего момент!

1931. XII. 26
Н<ью->Й<орк> А<мерика>

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

570. ПРАЗДНО ГОЛУБОЙ

Зеленый дух, метнул как смело камень
В глубь озера, где спали зеркала,
Взгляни теперь, как ярый вспыхнул пламень,
Где тусклая гнездилась мгла.
Как бессердечен ты, во мне проснулась жалость
К виденьям вод, разрушенным тобой.
Тебя сей миг сдержать хотелось малость
Над бездной праздно голубой.

<1910>

571. ЗЕЛЕНОЕ И ГОЛУБОЕ

Презрев тоску, уединись к закату,
Где стариков живых замолкли голоса.
Кто проклинал всегда зеленую утрату,
Тот не смущен победным воем пса.
О золотая тень, о голубые латы!
Кто вас отторг хоть раз, тот не смутится днем.
Ведь он ушел на век, орел любви крылатый,
О отзвук радости мы вожделенно пьем.

<1910>

572. ОТШЕЛЬНИК

Op. 43. В пустую ночь ушел старик бездомный,
Ни разу не взглянув назад,
Никем не спрошенный, укромный,
Покинув шумный вертоград.

Пускай ликуют скорые потомки:
Ведь к прошлому легко слабеет взгляд,
До гроба черного котомки
Не выпускать из рук он рад.

Так что ж! отринутый отчизной,
Ее взаимно он отторг,
Учись же торга дешевизной,
Ходи почаще в цвелый морг.

Седыми прядями волос
Овив костлявый траур плеч,
Зима — бесформенный колосс —
Свой изощренный емлет меч!

И, прикасаясь, бледный звон
Роняет сталь, рои надежд
Несут существенный урон
Под алой тишиной одежд.

И лишь один в листах лампад
Во власти беспричинных строк,
Нажав мгновения курок
Играет весело впопад.

<1913>

573. ЛЮБИТЕЛЬ НОЧИ

Ор. 45. Тесный тупик
Утомленный лик
Проглотил.
Совершал свой круг
Черный сюртук.
Огибая ил,
Злостно фонари
До самой зари
Чуть цвели.
А свинцовый меч
Над уклоном плеч
Чернел вдали.
О, ночь! О, бездна лун!
Дрожащий плоский лгун
Над мостовой —
Зимы больной колдун.
Свистун, вещун, плясун
Угрюмый, хитрый, злой.

<1913>

574. ПРИКАЗ

Заколите всех телят
Аппетиты утолять
Изрубите дерева
На горючие дрова
Иссушите речек воды
Под рукой и далеке,

Требушите неба своды
Разъяренном гопаке
Загасите все огни
Ясным радостям сродни
Потрошите неба своды
Озверевшие народы!...

1914 г.
Московскнй уезд

575. ПЛОДОНОСЯЩИЕ

Мне нравится беременный мужчина
Как он хорош у памятника Пушкина
Одетый серую тужурку
Ковыряя пальцем штукатурку
Не знает мальчик или девочка
Выйдет из злобного семечка?!

Мне нравится беременная башня
В ней так много живых солдат
И вешняя брюхатая пашня
Из коей листики зеленые торчат.

<1915>

576

Пространство = гласных
Гласных = время!..
(Бесцветность общая и вдруг)

Согласный звук горящий муж
— Цветного бремения темя!..

Пустынных далей очевидность
Горизонтальность плоских вод
И схимы общей безобидность
О гласный гласных хоровод!

И в д р у г ревущие значенья
Вдруг вкрапленность поющих тон
Узывности и обольщенья
И речи звучной камертон.

Согласный звук обсеменитель
Носитель смыслов, живость дня,
Пока поет соединитель
Противоположностью звеня.

<1915>

577. МОНОЛОГ УЛИЧНОВСТРЕЧНОГО

Н. Н. Евреинову

Камни, стены, чугунные решетки...
Что ждать? Кого искать?....

Он:

— «Люблю рассматривать, блуждая, души
витрин,
Всегда нарядные представительно;
Я фантазер ведь, покаюсь, немного
действительно.

И времени своему господин.
— Здесь этой — ажурные дамские панталоны
И корсеты, не жмущие ничьих боков —
(Руки упорных холостяков);
. . . . .пылким любовникам вечные препоны;
А вот: это для меня важнее, «все что угодно
дамской ноге»!...
Я так давно обувь ищу Сатирессе
Знаете... встретил ее экспрессе,
Идущем русской зимней пурге....
— Не могу сказать, каком она роде:
Не то солнечный луч, не то туман...
Разбросив запахи лесных полян,
Она была одета шикарно «по моде»,
А когда топоча побежала панели буфету,
Я вдруг заметил: *да ведь она босиком!!*
Мечусь теперь, мечусь по свету.
Озабочен ее башмаком...
И сколько не видел столичных витрин,
Заметьте, *башмачник забыл о копытце!*
Для всяких размеров старался аршин,
Но все это даме моей не годится....
Окончательно....

<1916>

578

Кинулся — камни, а щелях живут скорпионы...
Броснлся бездну, а зубы проворной акулы...

Скрыться высотах? — разбойников хищных аулы.
Всюду таится *Дух Гибели* вечнобессонной!

<1916>

579. ВЕЕР ВЕСНЫ

Посв. Сам. Вермель

Жемчужный водомет развеяв,
Небесных хоров снизошед,
Мне не забыть твой вешний веер
И примаверных взлетов бред.........

Слепец не мог бы не заметить
Вденьем статным поражен:
Что первым здесь долине встретить
Я был *искусственно* рожден.

<1916>

580. ПРИЗЫВ

Приемля запахи и отрицая вонь...

Русь — один сплошной клоповник!..
Всюду вшей ползет обоз,
Носит золоте сановник,
Мужичок, что весь промозг.
Осень... тонем студной... слякоть...
«Номера» — не заходи:
Обкусают звери мякоть —
Ночь «центральных» — проведи...

Всюду липкою тряпицей
У грудного заткнут рот!..
Есть? — вопли десятерицей —
Тошноты мор̀я и рвот.
Русь грязевое болото
Тянет гнойный, пьяный смрад...
Слабы вывезть нечистоты
Поселенье, пристань, град.
Грязь зовут — враги — отчизной!..
Разве этом «русский быт»?!.
Поскорее правим тризну —
Праздинствам параш, корыт!..
Моем мощной, бодрой шваброй
— Милый родины удел
Все, кто духом юно-храбрым
Торопясь, не оскудел!

<1918>
Поволжье

581. МОИ ДРУЗЬЯ

Где мысль бесстрашна и
чело гордо поднято.
Где знание свободно.
Р. Тагор

Безумно веселые дети,
Которым шагнуло за тридцать
Не Вам этом радостном свете
«Мещанскою» валью возиться!
Не Вам, изогнув за конторкой
Свои молодые хребты,

Дышать атмосферой прогорклой
Наживы, бумаг, суеты.
Болоте житейском Вы чисты,
Отважные «рыцари львов»,
Искусные артиллеристы
Грядущего века основ.
Дворянском гнилом парадизе
Оплотишке низших сует
Не Вы завсегдаблюдолизы,
Подпорится коими свет.

<1918>

582. ТРУПИК РЕБЕНКА ПУТИ

Буря скитается по бездорожью небес.
Р. Тагор

Грязи под спешною толпой,
Теснящимся колесам вввержен, —
Ребенка трупик голубой —
Грядущей жизни слабостержень...
Лохмотья бывшего народа,
Возгромоздясь на макадам,
Не зря, что скверная погода,
Гулять пустилась по полям.
Последователям диет,
Надевшим хлад «деми-сезон,»
С курносою Madame под ручку,
Широко-вольный белосвет
Войяжем знать не воспрещен —
Под осень, веер, тряпку, тучку.

<1918>

583

Огней твоих палящих слава —
По склонам свергнутая лава —
Багрово-синих глыбы снов,
Кошмар, что вечно будет нов!

1921 г.
Иокогама. Япония

584. ОПЯТЬ

Голой лавы красный пласт
Облаков поход где част,
Где еще в оврагах снег
Отдыхает без помех
В ярких солнечных лучах
— Не отточенных мечах.

1921 г.
Иокогама. Япония

585

Камень, брошенный с вершины,
Не вернется никогда! —
В лаве бурныя морщины, —
— Камень книзу без следа;
Но сказали мне японцы,
Что к вершине, где так солнце

Светит ярко — ветер часто
Камень гонит вспять несчастной.

1921 г.
Иокогама. Япония

586. ЗДЕСЬ

Далеко от Кавказа, от Терека
И от крымской пьянящей волны,
Раскрылила златая Америка
Небоскребов взлетевшие сны!

Но жестокие сны угловатые —
Негде голову здесь опереть —
Лучше Руси далекой заплаты и
Отрубями пропахшая клеть!..

<1924>

587. ПЕРВОМАЙ

Первым овеяны Маем
Его бриллиантолучом
Мы голову поднимаем,
Насилье отринув плечом.

Войдя небоскребов каньоны,
Под пурпур веселознамен
Мы скажем для завтра законы
И новые циклы имен: —

Спартак, справедливые Гракхи,
Титаны: Карл Маркс и Лассаль
На стены истории знаки,
Кто вечной рукой начертал.

Герои французской коммуны
Под ружья с усмешкой курив
Посеяли ветер — самумы
Вчера пожинает архив.

Навеки сей день овесенен —
Царизма отринувший хлев,
Владимир Ильич или Ленин
Народ приподнявший с колен.

У трона стоявший веками,
Послушный приказам батрак,
Он ныне — уверенный камень
Где серп углубился и млат.

Сподвижники Ленина: Троцкий
Краснармии бодрости лев,
Кто волю военным по-братски
Святыней хранить повелел,

Великой России народы;
В единую слившись семью
Вселенной иную породу
Товарищей днесь создают...

Магнитное имя «Товарищ»,
Не царь, не министр, генерал,

Что выдумать тщилися баре,
Под гордость дворянских забрал.

В каньоны взойдем неботеров,
Владыки миров Бедняки,
С главою овитою терном,
На дланях труда синяки.

Вот нового мира владыка,
Вот нового слова творец!...
Что первого мая накликав,
Лачуги вселяет в дворец...

<1924>

588. ВЕСЕННИЙ БЫК

Весенним соком упоенный,
Прозрачной встреченный фатой,
Я ныне осязаю звоны
Спеленатые высотой —
Я — светорыцарь листьев клейких,
Себя почувствовал быком,
Ушедшим вдруг из зимнекелейки,
Травы зеленожрущим ком!

Вообразил: надволжской фермой,
Облокотившейся на бык,
Когда разливабунтом нервно
Свободу Каспия добыть...

Весной послушные забавы,
Что фантазийные легки;
Как с мыком рвутся чрез канавы
Листвой произеныые быки.

Пусть Я в Нью-Йорке,
Пусть в вагоне.
При прядях электричьих свеч
— Не укатали сивку горки!
Душа на выспреннем амвоне —
Косая сажень бычьих плеч!!

<1924>
Май, Нью-Йорк

589. БЕЗ «Р»

Колонны камень взнес
До голубых небес
Колонны камень дал
Меч тал
Мечтал
О высоте Дэдал!

<1924>

590. ЛЕТО В НЬЮ-ЙОРКЕ

Канавы города гниют запрелолетом,
Бинокль уткнувши порт,
А я Нью-Йорк путающий жилетом,
Докушал торт;

Он сделан был из носа негритоски —
Коричнев шоколад,
Малиновым бельем рвались полоски
Под крик Джез-Банд...

Но порт, дымя и звуком кастаньетов
Лебедки лебедей, сирены крик
Усердно потчивали мозг поэтов,
Как полку книжек Брик[1]

И я Нью-Йорк воткнул себе в петлицу!
Но порт дымил,
Закопчивая поясницу
Ночных громил...

Для бодрости очей
Из улиц лепестков
Всех богачей
Я тряс, как муравьев...

У Бога
чей
торчавший из кармана
Надзвездного
тумана,
был платок?!!
Но порт дымил...

---

[1] О. М. Брик в своей библиотеке собрал все книги футуристов. *(Прим. автора).*

И был готов Титаник
Идти ко дну,
То знает черт громил —
«Винти в одну!»

Не красть платки
Нехорошо у бога,
Как пятаки
У иосорога..

Не хорошо! не хорошо!! не хорошо!!!
Воняет беднотой поэтова петлица —
Презренье богачам,
У них клопом изъеденные лица,
Не спящих по ночам;

На пальцах их мозоли от безделья
Их голос хрип —
Вот почему теперь без дел Я
Под рифмы скрип!...

<1924>

591. СВИДАНИЕ

Снимать корсет — порвать подтяжки...
Пружиной резать старо — тик
Китами тикают по ляжкам —
Невыразимый клопотик.

Клопотиканье на тике,
Египтовекагзлазотик

И путешественники по Эротике —
Ничтожнейшие математик!

Но лип пилон; корсет курсистке,
Студент, значок, студеный стыд.
И гимназистке и модистке...

Се не огонь, что вызвал виски
Мещанством пораженный быт,
Ведь дальний каждый — только близкий.

<1924>
Сибирь

592. ПРИМЕР ПОЭТУ

Петухи поют подвале
И вслепую славят свет,
Свод-шатер лиловый дали,
Уходящий путь корвет.

Я Нью-Йорке на панели
Гими услышал петухов,
Что так радостно запели
Под цементом, под замком...

Под асфальтом трели птицы,
Там, подвалс — птичий склад,
Где — привольс ящерице,
Где — мокрицы говорят...

Петухи гласят подвале
И уныньи пеньи нет...
Океана славят дали.
Красоте свобод привет.

Я подумал: в этой песне
Затаен и нам пример;
Что сквозь тьму, подвала плесень
Поражает мерой веры

В солнце жизни, в правду мира
И свободы творчий миг;
Так моя брящает лира,
И бунтует веще стих!..

Под цементом, под панелью
Не сдаюся и пою
И бунтарской славлю трелью
Бедных жизнь и жизнь свою!

<1932>

593. НА ФАРМЕ

Водвориться на фарме после шума столицы;
Наслаждаться нирваной ночной тишины,
Где ноябрьские рощи взывают корицей
Голубых опахал на ветвях лишены.
В разговорах на кухне, коротая досуги,
Слыша чайника ропот, сквозь раскрытую дверь

Чароваться звездой, как любимой подругой,
Забывая реестры обид и потерь.
А за полночь в постели укрепляться в потемках
Неусыпною вахтой горлан-петухов.
Как петух, я ведь тож — не молчащий потомок
В Никуда бесконечно ушедших веков.
И, когда на рассвете, на пленке тумана
Проявляясь, забрезжится рощ негатив —
Вдруг наметить на карту простейшие страны,
Где незыблемо жив голубой примитив!

<1932>
Чатам, Н<ью> Дж<ерси>

НИКОЛАЙ БУРЛЮК

Из сборника «САДОК СУДЕЙ» (1910)

---

594. САМОСОЖЖЕНИЕ

Зажег костер. *1 ор.*
И дым усталый
К нему простер
Сухое жало.
Вскипает кровь.
И тела плена
Шуршит покров.
В огне полена.
Его колена —
Языков пена
Разит, шурша;
Но чужда тлена
Небес Елена —
Огнеупорная душа.

595

Поэт и крыса — вы ночами *2 ор.*
Ведете брешь к своим хлебам;
Поэт кровавыми речами
В позор предательским губам,

А ночи дочь, — глухая крыса —
Грызет, стеня, надежды цепь,
Она так хочет добыть горсть риса,
Пройдя стены слепую крепь.
Поэт всю жизнь торгует кровью,
Кладет печать на каждом дне
И ищет блеск под каждой бровью,
Как жемчуг водолаз на дне;
А ты, вступив на путь изятий,
Бросаешь ненасытный визг, —
В нем — ужас ведьмы с костра проклятий,
След крови, запах адских брызг.
А может быть отдаться ветру,
В ту ночь, когда в последний раз
Любви изменчивому метру
Не станет верить зоркий глаз? —
А может быть, когда узнают
Какой во мне живет пришлец,
И грудь — темницу растерзают,
Мне встретить радостно конец? —
Я говорю всем вам тихонько,
Пока другой усталый спит:
«Попробуй, подойди-ка, тронька, —
Он, — змей, в клубок бугристый свит».
И жалит он свою темницу,
И ищет выхода на свет,
Во тьме хватает душу — птицу,
И шепчет дьявольский навет;
Тогда лицо кричит от смеха,
Ликует вражеский язык:
Ведь я ему всегда помеха, —
Всегда неуловим мой лик

596. ДУША ПЛЕНЕННАЯ

Круг в кругу черти, — черти, *3 ор.*
Совершай туманный путь,
Жизни тусклыя черты
Затирай глухая муть;
Все равно ведь ие обманешь,
Не пройдешь волшебный круг:
Пред собой самим ты станешь,
Раб своих же верных слуг.
Тонкогубый, нервный разум,
Чувство, — вечная печать, —
Заполонят душу разом,
Стоит ей начать искать.
И в гимназии и дома
Потекут пугливо дни,
Сердце искривит оскома,
Мысли станут так бледны.

597

Вдохни отравленную скуку *4 ор.*
Прошедших вяло вечеров
И спину гни, лобзая руку,
С улыбкой жадных маклеров, —
Ты не уйдешь от скучных бредней,
И затуманишь свой же лик,
На зеркалах чужой передней,
Публичной славою велик.
Твоих неведомых исканий
Седой испытанный старик,

С умом змеи, с свободой лани, —
Неузнанный толпой твой лик;
Пройдет с опущенной главою
Сквозь строй упершихся зрачков.
Всем служит гранью роковою —
Нестройиой зыбкой жизни зов.

598

Осталось мне отнять у Бога, *5 ор.*
Забытый ветром, пыльный глаз:
Сверкает ль млечная дорога
Иль небо облачный топаз, —
Равно скользит по бледным тучам
Увядший, тусклый, скучный ум.
И ранит лезвием колючим
Сухой бесстрашный ветра шум.
О ветер! похититель воли,
Дыханье тяжкое земли,
Глагол и вечности и боли
«Ничто» и «я», — ты мне внемли.

599

День падает, как пораженный воин, *6 ор.*
И я, как жадный мародер,
Влеку его к брегам промоин,
И, бросив, отвращаю взор.
Потом чрез много дней, случайно,
Со дна утопленный всплывет;

На труп, ограбленный мной тайно,
Лег разложения налет,
И черт знакомых и ужасных
Дух успокоенный не зрит,
Его уста навек безгласны —
В водах омытый малахит.
В своем бесформенном молчаньи
Творец забытых дел — вещей,
Средь волн в размеренном качаньи,
Плывет как сказочный кощей.
И пепел зорь лежит на щеках,
Размыл власы поток времен
И на размытых гибких строках
Ряд непрочитанных имен.
Один из многих павших, воин,
В бою с бессмертным стариком,
Ты вновь забвения достоин,
Пробитый солнечным штыком.

600

Из всех ветрил незыблемого неба *7 ор.*
Один ты рвешь закатные цветы,
Уносишь их во мрак Эреба. —
В тайник восточной темноты.
И опустевшие поляны
Не поят яркость облаков,
Зажили огненные раны
Небесных радужных песков.
Ушел садовник раскаленный,
Пастух угнал стада цветов,

И сад ветрил опустошенный
К ночной бездонности готов.
Унесены златые соты,
Их мед не оросит поля.
Сокрытых роз в ночные гроты
Не вынет мед пчела — земля.

601

Понятна странная смущенность *8 ор.*
И к нервным зовам глухота: —
Мой дух приемлет ущербленность, —
Его кривится полнота.
И с каждым днем от полнолунья
Его надежд тускнеет луч...
Ах! мудрость, строгая шалунья,
Вручит не мне эдемский ключ!
Ее усердные призоры
Гасят бесплодные огни
И другу вшедшему на горы,
Кричу я: «спину ты согни!»
И вот на бледном небоскате
Он выгнул желтый силуэт;
По нем тоскою как по брате:
Чужим ведь светом он согрет.
И здесь отторгнутый взираю
На голубые дня врата...
И се — неведомому раю
Души отдалась нагота.

602

Приветы ветреной весны, *9 ор.*
В тюрьме удушных летних дней,
Завяли; и места лесны
И степь и облака над ней
Стареют в солнечных лучах.
И, как привычная жена,
Земля, с покорством дни влача,
— Усталостью окружена.
Немеют в небе тополя,
Кристально реют коромысла
И небо, череп оголя,
Дарует огненные числа.
Во всем повторенная внешность
Кует столетьям удила, —
Вотще весне прошедшей нежность
Надежду смены родила.

603

По бороздам лучей скользящих *10 ор.*
Ложится отблеск огневой.
Диск солнца, горизонт дымящий,
Одел оранжевой фатой.
Повсюду побежали тени: —
От бурьянов, могил, копиц,
И, провожая час вечерний,
Отчетлив голос чутких птиц.
Завяли пыльные побеги
Ветров торивших колеи.

Им проезжавшие телеги
Давали тело — вид змеи.
Теперь бессильные поникли
На зелень придорожных трав:
(И мы ведь к отдыху привыкли,
За день от суеты устав).
Зацвелый запад рассыпает,
Красы, как лепестки цветок,
И алым отсветом смягчает
Звездами блещущий восток.
Степи притихнувшей пустыня
В час на вечерний — сфинкса лик,
Чей тихо шепчущий язык
Пронзает сталью звездных пик.

604. НОЧНАЯ ЕЗДА

11 ор.

I

Стихают смех и разговоры
Во мраке дремлющих аллей.
Шутливые смолкают споры
О том, кто Настеньки милей, —
К нам тихие приходят горы
Из затуманенных полей.
Всем надоел костер дымящий
И игры в прятки и кольцо,
И поцелуи в темной чаще,
И милой нежное лицо, —
Морфея поцелуи слаще:

Идут к от'езду на крыльцо.
«Алеша! где моя крылатка?
Вы с ней носились целый день». —
— «Вы знаете, какой он гадкий!» —
— «Вы осторожией — здесь ступень» —
— «Я вообще до фруктов падка,
Теперь merci, — мне кушать лень» —
— «Ты, мамочка, садись в коляску,
А девочки займут ландо:
Она не так, как этот тряска;
Мишель и я махнем бедой». —
— «Сергей, не забывай же нас-ка!» —
— «Маруся, приезжай средой!»

II

Прохладной пылью пахнет поле
И ровен рокот колеса.
Усталый взор не видит боле
Как бесконечны небеса; —
Душе равны и плеи и воля, —
Ее питает сна роса.
В распутий равнодушной раме,
Наш старомодный фаэтон
С зловеще — чериыми конями,
В ночи как Ассирийский сон,
Вдруг промелькнул перед глазами,
На миг раздвинув томиый тон.
Девицы, спутницы веселья, —
Под колыхание рессор —
(Из пледов сделал им постель я)
Уснули, как вакхаиок хор;

И он — дневных тревог похмелье —
Лелеет, как любовный вор.
И как укромных исполнений,
Так и безумия дворцов,
Он постоянный добрый гений —
Венечный цвет земных концов,
Денных забот и утомлений
Всегда последний из гонцов.
Его покоящим обьятьям
Мы отдаемся без стыда,
Неприкрываясь даже платьем,
А он, как теплая вода,
Покорен ласковым заклятьям,
Целует нежно без следа.
И целомудрениая дева,
Которую пугает страсть,
Ему, без робости и гнева,
Спешит красы отдать во власть, —
Как обольстительница Ева
Плоды падения украсть.
Ну, как не возроптать желанью,
На греков, чьей виной Морфей,
Не Артемида с гордой ланью,
Нам смертным льет напиток фей. —
Ужель осталось упованью
Во сне единственный трофей?!

605

Неотходящий и несмелый *12. ор.*
Приник я к детскому жезлу.

Кругом надежд склеп вечно белый
Алтарь былой добру и злу.
Так тишина сковала душу
Слилась с последнею чертой,
Что я не строю и не рушу
Подневно миром запертой.
Живу, навеки оглушенный,
Тобой — безумный водопад
И, словно сын умалишенный,
Тебе кричу я невпопад.

606

Две девушки его пестуют — *13. ор.*
Отчаяние и Влюбленность,
И мертвенность души пустую
Сменяет страсти утомленность.
О! первой больше он измучен, —
Как холодна ее покорность,
Как строгий лик ее изучен,
Пока свершалась ласк проворность.
И взор его пленен на веки
Какими серыми глазами
И грудей льдяной — точно реки,
Прошли гранитными стезями.
Вторая — груди за корсажем
И пальчик к розам губ приложен.
Он служит ей плененным пажем,
Но гроб обятий невозможен; —

На миг прильнула, обомлела,
И вот, — мелькают между древий
Извивы трепетного тела
И разливается смех девий.
Ушла. И жуткой тишиною
Теперь другая околдует; —
Уж бледный профиль за спиною
Через плечо его целует.

607

Быть может, глухою дорогой *14. ор.*
Идя вдоль уснувших домов,
Нежданно наткнусь на берлогу
Его — изобревшего лов.
Растянет на ложе прокруста
Меня и мой тихий состав
И яды, — отрада Лукусты,
Прельет, дар неведомых трав.
И сонную нить я распутав
Пойму чей занял эшафот, —
Под сенью какого уюта
Кровавый почувствовал пот.
Там, в час покоренных проклятий,
Познал твою волю Прокруст,
Когда, под пятою обятий,
Искал окровавленность уст.

608. СТАНСЫ

«Пять быстрых лет»[1] *15. ор.*
И детства нет: —
Разбит сосуд лияльный
Обманчивости дальней.
Мытарный дух —
Забота двух,
Сомненья и желанья,
Проклял свои исканья.
Огни Плеяд —
Мне ранний яд,
В ком старчества приметы,
Зловещих снов кометы.
Природы ков,
Путем оков
Безжалостных законов,
Лишает даже стонов.
Ее устав
Свершать устав,
Живу рабом унылым
Над догоревшим пылом.

609

Днем — обезличенное пресмыкание — *16 ор.*
Душа — безумий слесарь;
В ночи — палящая стезя сверкания
— не победимый кесарь.

---

[1] Стихи В. Брюсова. *(Прим. автора).*

610

Змей свивается в клубок, *17 ор.*
Этим тело согревая; —
Так душа, — змея живая,
Согревает свой порок.

611

Зачем неопалимой купиной *18 ор.*
Гореть, не зная, чей ты лик, —
Чей покорительный язык
Тебе вверяет тень земли иной.

Из сборника «САДОК СУДЕЙ II» (1913)

---

612. НАЕЗДНИЦА

Милой Симе

Мы воду пьем — кто из стакана,
А кто прильнув к струе устами,
В пути и в хижине желанна
Она прозрачными перстами.

Весной — разлившейся рекою
Гнет затопленные деревья,
И, изогнувшись за лукою
Стремится непреклонность девья.

Мы воду пьем — кто из стакана,
А кто прильнув к струе устами
Среди весеннего тумана
Идя полночными брегами.

Не видно звезд, но сумрак светел
Упав в серебряные стены.
В полях наездницы не встретил
Лишь находил обрывки пены.

Но сквозь туман вдруг слышу шепот
И вижу как, колебля иву,

Струя весны, забывши ропот,
Несет разметанную гриву.

613. Я

И в комнате тихие углы
Студеной ночи воздух зимний
Нисходит холодя полы
И мраз бодрит как строгий схимник.
А за окном звезду следя
Смеются девушки беспечно
И путь небес — напиток млечный
Им материнства череда.

1901 г.

614

В поле ветра пьяный бред
И коляски темный верх
Точно девы капюшон.
Гаснет дня последний свет
Зимний вечер день поверг
Сумрак бури звезд лишен.
Кони рады ласкам вьюг
Кобылицам хладных пург
Их развеянные гривы
Свиты с гривами подруг
Ветр степей седой теург
Сыплет пеною игривой.

1910 г.
Декабрь

615

С легким вздохом тихим шагом
Через сумрак смутных дней
По равнинам и оврагам
Древней родины моей,
По ее лесным цветам,
По невспаханным полям,
По шуршащим очеретам,
По ручьям и болотам,
Каждый вечер ходит кто-то
Утомленный и больной
В голубых глазах дремота
Греет вещей теплотой.
И в плаще ночей широком,
Плещет, плещет на реке,
Оставляя ненароком
След копыта на песке.

1910 г.

616

Я мальчик маленький — не боле,
А может быть, лишь внук детей
И только чувствую острей
Пустынность горестного поля.

1910 г.
декабрь

617

Что если я, блуждая втуне
По этим улицам и дням,
Веселый странник накануне
Пути к далеким островам.
Что если я совсем случайно
Попал под Северный венец
И скоро выйду наконец
Из жизни сумрачныя тайны.
Что если я, заснув в туманах,
Печально плещущей Невы,
Очнусь на солнечных полянах
В качаньи ветреной травы.

1910 г.
сентябрь

618

Как станет все необычайно
И превратится в мир чудес,
Когда почувствую случайно
Как беспределен свод небес.
Смотрю ль на голубей и галок
Из окон дома моего,
Дивлюся более всего
Их видом зябнущих гадалок.
Иль выйду легкою стопой
На Петербургский тротуар
Спешу вдохнуть квартир угар.
Смущаясь тихою толпой.

1910 г.

Из сборника
«ТРЕБНИК ТРОИХ»
(1913)

619

Тобой измученный я знаю,
Что вот сознанье потеряв
Татарин будет слишком прав
Татарин будет у Сарая.
Востока вышивка незримо
Переживают польский шелк
Во мне арийца голос смолк
Я вижу минареты Крыма.

620

Как усоногий рак
Вытянув руки вдоль туловища
Я задремал так тулов ища
Для зазеленевших стрел

621

К ланитам клонится корявый палец
И фина голос деве шепчет

На болотах гранитов крепче
Поставлю снежные палаты.
Но безразличен деве голос
Жреца языческих кумиров
На что мне ладан, воск и мирра
Когда твой лед лучом расколот

622

Дождя внушенье — нюх ничтожный,
Забыт звериный поставец
И размышлений продавец
Я вялый и ничтожный.
Стекли к ручьям живые воды
Проживши сбереженный знак
На берегу немой природы,
Я заблудившийся казак

623

Запоминай в пути приметы:
На поле утренний туман,
А в полдень туч перистый стан,
А ввечеру огонь кометы.

624

Над степью крыш
И стадом труб

Плывет луны
Сожженный труп

625

Осколки туч пронзают землю
Щадя согбенное светило
Бессилье солнечное мило
Когда и день и ночь приемлю.

626

Ночное бдение — как яд кошмаров
Когда не знаешь чей ты жилец
Напрасно разум сквозь флер угаров
Сознанью шепчет — ты дия венец
Но сердцу сладки поля видений
И голоса ночных друзей
Как — будто бы покоя гений
Готов вести в юдоль тенеи.

627

Жене пронзившей луком
Бегущего оленя
Ты, Хлебников, дал в руки
Незримые коренья

Прикладывает к ране
Бессильного пришельца
Читая стих Карана
На языке корельца.

628

Я не чудак, не юродивый
Смыкаю перед тьмою взор
И, подходя к подошвам гор,
Хочу обуться торопливо.

629

Мне, верно, недолго осталось
Желать, ие желать, ворожить
Ты, Хлебников, рифму «места лось»
Возми и потом «волчья сыть»
А я в утомлении сердца
Познаю иную качелю
Во мие вновь душа иноверца
Вкусившего вражеский хмель.

630

Улыбка юноше знакома
От первых ненадежиых дней
Воды звенящей ие пролей
Когда он спросит: «мама дома?»

Луч солнца зыбкий и упругий
Теплит запыленный порог
Твой профиль, мальчик, слишком строг
Для будущей твоей подруги.

631

Если ночью моста посреди
Когда ты поспешаешь в наемный приют
Неожиданно сзади тебя позовут
Обернись! Обернись!
Не увидишь не бойся и жди
И быть может тот голос шепчет
Нежный друг, не тоскуй видишь звездный полет
В беспредельную высь.

632

На облучках саней стенящих
Под угасающей звездой
Извозчиков узлами спящих
Проходит утомленный строй
И луч луны, как тонкий палец
Грустящего успел догнать
И в мыслях завершенных пялец
Завянувший цветок создать.

633

Перед рассветом станет влажно
И ровно тишина шумит
Теней отчетливость протяжна
И сумрак ночи не страшит
Все спит в недвижимом приволье:
Сон дружен с хладным очагом
Ум пьяный шепчет о бездолье,
Волненья сделавшись врагом

Из сборника
«ДОХЛАЯ ЛУНА»
(1913)

---

634. ПРОДАННЫЙ БОГ

Так изнемогший и бесследный
Слежу склоненное светило
Иное пламя охватило,
Мой взгляд жестокий и бесцветный.

Влекусь к спешащим перекресткам,
Шепчу кому-то уверенья,
И дышит тонкий веер тленья
На смех дряхлеющим подросткам.

И след на мокром тротуаре
Затопчет беглыми ногами
Иной купец в угоду даме,
Пещась о проданном товаре.

И ты, подкупленный возничий,
Запутав след в вечернем граде
Божественных обличий ради
В паноптикум его сведешь.

635. БАБОЧКИ В КОЛОДЦЕ

Там, в тишине подземной глади
И сруба заплесневших бревен,
Их смерти верный путь бескровен
Тонуть во тьме ночных исчадий.
Напрасно в отраженьи звездном
Трепещут крылья непосильно
И воздымают воздух гнильный
Своим биеньем слишком поздно.
Их лижет холод неудержный
Под опрокинутым эдемом, —
Здесь безнадежность — некий демон,
Как и они, давно отвергнутый.

636

Сморчок на ножке прихотливо
Подъял волнистую главу
И на стыдливую траву
Кидает ветер похотливый
Бутоны лука слишком красны,
Чтоб думать о цветочных днях
А ветер столбом подъемлет прах
То никнет ко всему бесстрастный.
Меня же след твоих соблазнов
Уводит по дорогам ног,
А ты бежишь моих тревог
Проводишь дни в заботе праздной
Уйду я в степь. — Все чувства жалки —
Гудит мажорно телеграф, —

Я примирен! Вот нити прях...
Я все забыл! — Вот пенье прялки...

637

Людей вечерних томное зевание —
Я вижу отдаленный брег
И чье-то кормчее старание
Направит в море лодки бег

И парус ветреный увянувши
Покрыл измученных людей.
И мальчик, с челна в волны прянувши,
Пленился холодом грудей.

638

Пред деревом я нем:
Его зеленый голос
Звучит и шепчет всем
Чей тонок день, как волос
Я ж мелкою заботой
Подневно утомлен
Печальною дремотой
Согбен и унижен.
И зрю, очнувшись в поле,
Далекий бег зарниц
И чую поневоле
Свист полуночных птиц.

Из сборника «МОЛОКО КОБЫЛИЦ» (1913)

«УЩЕРБЛЕННОСТЬ»
Цикл I-й

639

Что значит?! Шум н шум к весне,
Лед ломится. и птица скачет,
Мой друг, что значит?!
Печален я: иной стране
Мой плен назиачен;
А я в земле стараюсь
Найти свой тонкий волосок желанья,
Что люди верные зовут душой питанья.....
И безнадежен и бесспорен,
Под смак резиновой езды,
Я вырву приворотный корень
Сквозь щелку дальния звезды.

640. БАБУШКА

Постаревши, расскажу
В понедельник про венчанье
И старушечье шептанье
Втихомолку разбужу.

Вторник завтра, завтра гости,
Хором, хором повторим: —
Каменеют с годом кости
И кадильный слаще дым.
А средою утомлен
Буду слушать снова, снова
От венца до похорон,
Шорох каменного слова.

641

Ползу на край сварливой крыши
И темных улиц вижу бег,
Последней ночи белый снег
Над городом султан колышет.
Целую грань последней выси,
Журчит во двор туманный дождь, —
Мой жребий от тебя зависит,
Изнеможденной рати вождь

642. В ТРАМВАЕ

Злой мальчишка, я слепой —
Над ними не смеются,
Злой мальчишка, пред толпой
Все дороги рвутся

Мне на седьмой, а он кричит:
«Седьмой вот здесь», — а это восемь;

Злой мальчишка, меня влачит
И бьет дорога лосем.

Мне на седьмой, мне на седьмой,
А это восемь, восемь, —
И мы за зрения спиной
Едва ли жалость сносим.

643. ПЯТЫЙ ЭТАЖ

Одно мне утешение,
Под взглядом мокрых крыш,
Твое больное пение
Через ночную тишь.

Одно мне утешение,
Под язвами лица,
Вечерних дымов рвение
Под молот кузнеца

644

В твоих руках мой день спадает
Минута за минутой.
Ногою необутой
Полдневный луч меня ласкает

Прищурившись от ярких светов
И ухватясь за тучу,
Я чей-то призрак мучу,
Средь опостылевших предметов.

645

В ущелье уличного дыма
Зловоний непрейденный ряд
Тобою услажденный яд
С брегов замерзшего нарыма.

Интеллигент и проходимец
На перекрестках, площадях
Следишь автомобильный прах,
Куда смущенный не подымется.

К весне, когда все так стыдливо,
Ты с первым солнечным лучом,
Как мальчик лавки с калачом,
На талый лед глядишь пытливо.

И если в город опрокинется
Тумаиа емкая скудель,
Поверь, заботливый апрель
Осколки скорченные вынет

646

Благоговейно улыбаясь,
Стираю с пят живую пыль
И на прирученный костыль
Смотрю перед собою каясь:

Огонь, ты греешь мать и братьев
И круг родного очага,

А путника давно нога
Сокрыта теплого пожатья.

И, запрещенный тусклым взглядом
Повсюду вянущих людей,
Влачусь по снеговой воде
К высоким башням и оградам

647

В степи восхода солнце ищет
И, как неутомимый крот,
Чрез горизонт застывший прыщет
Смятенных туч водоворот.

648

О берег плещется вода,
А я устал и изнемог,
Вот, вот наступят холода,
А я от пламен не сберег.

649

Смыкаются незримые колеи
Перед моленьями моими.
Я, темный, безразличный пленник,
Шепчу богов умерших имя.

Я не приму твой трепет ночи
Хвала согбенная бессилью.
Меня заря, быть может, прочст
Работником дневною пылью.

650

Я изнемог, и смутно реет
В пустой груди язык чудес.....
Я, отрок вечера, вознес
Твой факел ночь, и он чуть тлеет,

Страдальца взор смешно пленяет
Мои усталые глаза. —
Понять могу ли, егоза,
Что уголь не светя сгорает;

Я зачарованный, сокрытый,
Я безглагольно завершен, —
Как труп в непобедимый лен, —
Как плод лучом луны облитый.

Я, ни юродивый ни льстивый,
Смыкаю перед тьмою взор
И, подходя к подошвам гор,
Хочу обуться торопливо.

Из сборника «РЫКАЮЩИЙ ПАРНАС» (1914)

---

651. КОВЧЕГ ВЕСНЫ

Мистерия

ПРЕДВЕСТИЯ

Как после этого не молвить,
Что тихой осени рука
Так нежно гладит паука
Желая тайный долг исполнить.

Как после этого не вянуть
Цветам и маленькой траве,
Когда в невольной синеве
Так облака готовы кануть.

Как после этого не стынуть
Слезами смоченным устам
Когда колеблешься ты сам,
Желая тайны долг исполнить.

ОТПЛЫТИЕ

Проходят дни невольной страсти,
Цветут деревья и вода,

Земли зеленая руда
Плетет узорчатые снасти.
Чернеет остов корабельный
И осени уже рука
Канат работы паука
Кидает в воздух беспредельный.

I

Звучит печальное журчанье
Осенних вод, несущих лист
И небосвод прощально чист
Над тихим лоном увяданья.

Мы только дети, только дети
У брега медленной реки,
Но мы глядим, как старики
На шелест скорченных столетий.

И валим желтою рукою
Промокшей глины брежный ком
А плеск воды тебе знаком,
Грустящей по ином покое.

Так ясно все, так зорки дали,
Чтоб не желать душе тревог,
Ты видишь возле девы ног
Вдруг крылья бабочки упали.

II

На чердаке под снежной крышей,
В морозе комнатной зимы
Он видит лишь одни дымы,
Плывущие куда-то выше.

В провалах улиц лязг трамвая,
Бьет такт чиновничьей души
И в дебрях домовой глуши
Таись, как зверь в проклятом рае.

И часто пробудившись ночью
Еще далеко до конца
Черты звериного лица
Взирает он во тьме урочья.

С ланит уходит алость юга
Глаза свечей воспалены
И губ — настойчивость струны
Сожгла продымленная вьюга.

III

Чрез мост обмезнувший и гулкий
Перехожу, поднявши ворот. Снег
С реки на темный града брег
Летит засыпать закоулки

Задумчиво сбиваю тростью
Сосцы морозных матерей

Печаль. Кошачий визг саней
В ночи играет вьюги злостью

И слышу: «Я числа десятого
Поеду за скотом на юг
Площадка нынче маловата
Хочу купить по сто на круг»

Я говорю себе — десятое
Ведь завтра, а теперь храни
Солнцестояния огни
Декабрьским холодом помятые.

IV

Прижавшись к вырезке уклона
Мы шепчем: «берегитесь, пан!»
И мимо нас в ночной туман
Скользят размеренно вагоны.

Под вьюги вой скота мычанье
Волнует оснеженный дух
И при скоте седой пастух
Хранит ли вечное сиянье.

Немного сена подле стойла
Бросал ли на гремящий пол
Пока притихший серый вол
Кончал дымящееся пойло.

Под шум колес, вершащих версты
Проходит затаясь канун

И для лучей январских лун
Сердца увядшие отверсты.

В поляны с мертвыми тенями
Бросает поезд красный угль
Не он ли ночи долгой друг
Пути покинутого нами.

И знал ли стрелочник суровый
Что меж скотом из горних стран
Весна покинув Эридан
Пришла срывать зимы оковы.

V

Мы ночью в поле. Луч багровый
Наш поезд спрятал за холмом
Печален я. Покинув дом
Зачем в снегах желаю крова.

Нет ветра. Сонное дыханье
Баюкает поникшийся стан
И сквозь струящий туман
Так нежно горних звезд мерцанье.

Иду усталою походкой
По скрытой снегом пахоте
И задремавши в темноте
Качаюсь как в прибрежной лодке.

Вдруг склон... и леса очертанья
Кусты и в небе сеть вершин

Где пойманной звезды долин
Едва глядится трепетанье.

Теплей в лесу. Деревья тайно
Согрели темноту полян
И воздух мягкой влагой пьян
Клонит меня к земле случайной.

VI

Снискал приют под снежной кровлей
Вздохнул и с этим легким вздохом
Я стал подобен хлеба крохам
Набросанным для птичьей ловли.

И слышу дальний голос птички
Меж инеем ночных деревьев
Она летит в заботе перьев
Влекома древнею привычкой.

И тайным смыслом зачарован
Я из последнего сугроба
Смотрю как дух речного гроба
Еще лучистым льдом закован.

Душа спокойная беглянка
Средь оснащенного оплота
Взирает трепетность полета
И тела рдеющую ранку.

И безжит длань. Зиму отстроив
Стекает бурою смолою

Полей проворною спиною
Корабль и опьянитель Ноев.

VII

Близ зеленой травки
В узоре льдинок
Третьеклассной давки
Мешков и корзинок.

В глазах у контролера
Щипцы и билеты
Чрез дырочки дозора
Слезой тумянятся предметы

Вагоновожатый
Откройте вестингауз
Шахтерами сжатый
Я нашел путь в Эмаусс.

VIII

Вечереет. Слишком тихо.
Снег растаял. Бугор высох.
Дыхание дрожит как эхо
Весенних рощ просторных нишах.

Закат как желтая земля
Взлетел и занемел распятый
Я узнаю тебя стократы
Деревьев древнего кремля.

Спускаемся в лощину
Переходим мостик доморощенный
И ты говоришь тенором суховатым:
«Я мог бы быть твоим братом» —
Но мне печально. Свирель твоего голоса

Стройна как неба полоса
Ясна как проталнны...
Мы идем по дну долины
Направо орешник еще голый
Налево погост на склоне...
Мне грустно: праведники, грешники
Покоятся в тихом звоне,
И церковь серая как сова.
Так звонки и крестом слова
Сплетают простой холщовый саван.
Я не знаю кем дарован
Этот взгляд протяжный и
Беременный. Пройдут времена
Кто мне глаза закроет?..
Я больше не могу и если ты ничего не скажешь, тихонько проползу через трещину ограды, а там под холмик гладить ее кривые морщинистые кости.
Звон неизменный, запавший...
Звон званный и желтый...
Звон заунывный и застывший на воске небес умощенном остриями елей.

Тропою скорченных корней
Мой дух возлей!
Я ненавижу мертвых уголь!
Дитя во чреве

Рожь в посеве
Мой лук натянутый не туго ль.

— и топнув ногой, вырвал горсть орехов из бедра. Зелеными колоколами удалили они в гроба, кресты воскресли как фонтаны буйных листьев и лозин, а кости просветлев сверкнули глазами освобожденных звезд. По сизому фронтону деревянной церкви.

Орехи разбудили сон ветвей
И вот весна гробов овей
Стрелами изумрудных хвой
Окно под кровлей слуховое.

IX

И спался день. Зарею черной
Покрылся погашенный воздух
Росою благовонный роздых
Повис над чашею узорной.
Под сетью ночи чрез овраги
Раскрылась ароматом зева
Земли обугленная дева
Духаньем упоенной влаги.
И в смуглой дали различаю
В холмах обрызганные груди
В полях глазам громадной груде
Упругих ног изгиб встречаю
Мы сидим на ступенях старинного дома
Темнеющий обрыв в недвижный лес
Внизу как пес ласкает ветвью взоры

Моя душа к тебе ведома
Прохладной свежестью небес.
В веснушках пьяного задора
Натужились деревьев почки
Как сажа липкою сорочкой
Весь сумрак связан пряной мочкой
Рука восторженно дрожит
Коснувшись пробужденных веток.
И каждый не рожденный мнит
Сорвать с себя темницу клеток.

X

Очнувшись в голубом тумане
Простертый на глухом лугу
Дошел я до последиего отчаяния
К давно замкнувшейся природе.
Меня рассвет покрыл как саван
Меня покинули каждый зверь и каждое растение
Когда же я потихонько заплакал
То вдруг
Стал я сродни неслышным травам.
Под тела изветшавшей узой
Земли безжизненной обузой
Едва влачусь.
Полузадохшийся стесненный
Костей и жил тугой препоной
Я тщетно вспоминаю имена всех освободителей
Заря прядет. Коснеют тени
Туман свернувшийся шуршит
Пахнув дыханьем вялых тлений...

Но через воздуха графит
И сквозь раскрывшуюся кожу
Я чую слабый и быстрый запах.
Под полой длаиию зари
Мой запрокинувшийся взор
Увидел ли водой овитый
Твой перевороченный ковчег
О черный брег земли разбитый
Он потерял зверей дозор
И не они разорвали
Зимы упрямые скрижали
И вот теперь с горбатых гор
В поля кровь желтая пролита
Для жаждущих в застенках дней.

Я утолен: — вода ко мне склонилась.

1910—1913

Из «ПЕРВОГО ЖУРНАЛА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ» (1914)

652

Ко мне вот-вот вдруг прикоснутся,
Уж ветер волос шевелит,
И заклинанья раздаются
Под сводом безразличных плит.
Но я молю с кривой улыбкой
Твою изменчивую лень,
Что если бы, хотя ошибкой,
Ты на меня роняла тень
И если б твой любовник вялый,
Покорный медленным устам,
Прикрыл хотя частицей малой
Моих телес заметный гам.
Сереет сумрак подземелья,
Врагов звончее голоса,
И кроет от ночного зелья
Мой лоб кровавая роса.

653

В глубоких снах. Меня прельстила
Прозрачным взглядом синих льдов
И маленький цветок носила
Под говор медленных годов,

Теперь же я и сух и пылен
В гербариях полночных лиц
Твою тропу ищу бессилен
На улицах пустых столиц.

654. НОЧНАЯ СМЕРТЬ

Из равиодушного досуга
Прохваченный студеным вихрем
Площадку скользкую вагона
Ногою судорожною мину,
И ветви встречные деревьев,
Взнеся оснеженные лица,
Низвергнутся в поляны гнева,
Как крылья пораженной птицы.

655

Слегка проворные глаза
Под равнодушными стенами
Ужели вы не указали
Тот путь простой к сторонним тучам,
Морозны окна и витрины
Вдоль расколовшейся толпы,
А взор принес живые крины
В насквозь прошедшие шипы.

656

Я должен голос неизменный
Из-за угла природы ждать,
Я должен средь людей искать
Того, кто носит знак немного сгорбленной камены.

Из сборника «ЗАТЫЧКА» (1914)

657

Пока не запаханы все долины,
Пока все тучи не проткнуты шпилями,
Я маленькими бурями и штилями
Ищу сбежавшую природу, —
И в сетке из волос
И в парусе лица
Я тонкий день вознес
До древнего крыльца.

658

Зеленой губкой
Деревья над рекой
Еврейской рубкой
Смущен Днепра покой
Шуршат колеса
Рвет встер волос
В зубах матроса
Дитя боролось.

659. ЗВЕРИНЕЦ В ПРОВИНЦИИ

По пыльной мостовой, вдоль каменных домишек
Где солнце давит мух нэмученный излишек,
Скрипит вонючая тележка.
Безжалостных утех притонов и гостиниц
Мимо —
Чуть тащится зверинец.
Хранима проворною рукой с бичом,
Звериных стонов нагота:
Клыки и когти не причем
За ржавою решеткой.
С гноящимся плечом
И глазками крота
Утиною походкой
Плетется слон.
Должно быть полдень. —
Ленивый звон над городом.
Верблюд не голоден
Жует конец рогожи.
На обезьяньи рожи
Глазеют прохожие.
За репицу слона
Хватаются мальчишки
Срывая прелый волос.
Под безглагольной крышкой
Топорщится облезшая спина
И треплется чей-то степной голос,
Быть может лисица или волк больной.

Рядом за стеной играют гаммы
У ламы со сломанной ногой
Привычные глаза....
Господи!
Когда же наконец будет гроза!?

Из сборника «ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО МУЗ» (1915)

---

660. ЖАЛОБА ДЕВЫ

Сухую кожу грустной девы
Гладит ветер географических пространств
На скалах столбчатых горы..

Ни солнце на небесном зеве
Ни плотность каменных убранств
Ни первоцветия дары

Не веселят худого тела.

— Зачем тепла и света больше
Пролито в русские пределы,
Когда во Франции и Польше

И в зиму кровь поля согрела?

661

Я знаю мертвыми напрасно пугают отворенных
детей
Лишь те, кто забыты и бесстрастны
Знают судьбу молодых костей.

Люди ломают поколеньям суставы,
Чтобы изведать силу крови,
Но ведают ее уставы
Спокойные под ровной кровлей.

662

И если я в веках бездневных

На миг случайно заблужусь,

Мне ель хвоей ветвей черевных

Покажет щель в большеглазую Русь.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

663

Ведь и земле быть может больно
Пространства неба рассекать.
К. Случевский

Есть, звуки что кричат нам с самого рожденья, —
Они всю жизнь сознанье стерегут.
Оглохшим на все дни их постоянным бденьем
Безболен уху звонкий жгут.
Как воздух приросли они от колыбели
К струне ушных пещер;
И предкам радостным они всечасно пели.
И слышал их третичный зверь.
Да! в этих звуках безголосых
Раньшерожденный говорит,
Хаос, дрожащий в звездных росах,
Далеко звуками горит.
В них — шум земли, когда покорно
Небес ломает пустоту,
Болидов стон, когда бесспорно
Они сгорают налету.
Вот плач комет, всегда томимых
Желаньем с кем-нибудь упасть,
Всегда влекомых неким мимо
В пространств таинственную пасть.

Но эти звуки — лишь шептанья
Пред гласом солнца в небесах,
Когда оно полно желанья
Земли целует волоса.

<1910>

664

Целуйте руки
У нежных дев,
Широкий плащ разлуки
На них надев.

Ф. Сологуб

Какая нежная пустыня
Ланит, оставленных тобой,
Любви забытыя рабыня,
Алтарь без жертв богам слепой.

И тень ресниц пересекала
Какой благоуханный верт
Сурово-милого закала
Нагорной девы стройных черт.

И, просветленность познавая,
Налью елей в твою скудель,
Зажгу и радостными вайя
Украшу скромную постель.

Прощай на век, но — помни — выну
Душистый, где служил исоп,

И прежде чем тебя отрину —
Целую руки, грудь и лоб.

1910 г.
19 марта

665. ПА́NTA PĒI[1]

«Дай отлучиться ненадолго
К речным струям:
Дунай и Дон и Днепр и Волга
Ключи стенам».

Молился так мой отрок хилый,
Ко мне склонясь,
А я сказал: «О, мальчик милый,
Живи, смеясь......

Улыбка вечности подруга,
И может быть,
И может быть, лишь для досуга
Вьют парки нить».

1910 г.
16 мая

666. КРИК ВОРОНА

Крику ворона дол внемлет
Струнной речи старика

[1] Все течет *(греч.)*. — *Ред.*

Взглядом осени река
Тихий брег волной объемлет.

Что я слышу увещанье
Иль пророчество небес,
Чуждый голосу чудес,
Как найду тебе названье.

Ворон в небе отдаленном
Оком осени позвал,
Древним выкриком назвал
Тайны рун векам спаленным.

Неподвижные курганы —
Поля ветхого жильцы —
Вы, прошедшего чтецы,
Чародейной жизни враны.

1910 г.
24 июля

667. ДЕВИЧЕСКИЙ КОЛЧАН

Л. С. Ильяшенко

Я бы не стал немного веселее
Когда б не вспомнил юношеский стан.
Я бы не верил сломанным устам
У статуи заброшенной аллеи,
Когда бы бронзовый фонтан
Не рос стеблем струи живее.

<1916>

668

Разбит цемент и трещина бассейна
Открыла путь упорному стволу,
И где вода для жаждущих спасенья
Несла дорогу, там стрелу
Растит зелеиое колено.

<1916>

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДАВИД БУРЛЮК
СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «САДОК СУДЕЙ»

Ранняя редакция

Скользи своей стезей алмазный *Ор. 1.*
Неиссякаемый каскад
На берегу живу я праздный
И ток твой возлюбить я рад
Давно принял честную схиму
И до конца каноны треб
Постигши смерть с восторгом приму
Как враном принесенный хлеб
Вокруг вознеслися остро скалы
Вершины их венчаны льдом
В вечерний час хранят опалы
Когда уж темен скудный дом
Я полюбил святые книги
В них жизнь моя немая цель
Они полезные вериги
Для духа в праздности недель
И пусть к ночи стекло наяды
Колеблят легкие перстом
Храню единые услады
В моем забвении пустом.

Шумящее весеннее убранство — *Op. 2.*
Едный миг затерянный цветах — *Щастье.*
Напрасно ждешь живое постоянство — *Циника.*
Струящихся быстро бегущих снах
Изменно все и вероломны своды
Тебя сокрывшие от хлада льдистых бурь
Везде во всем красивость шаткой моды
Ах циник щастлив ты иди и каламбурь.

Молчать возможно лишь в пещере — *Op. 3.*
Там красный крик таить — *Затворник*
Спасаться углубленной вере
Кратеры смерти пить
Книг запыленных переплеты
Как быстро мчатся корабли
И окрыляются полеты
От замурованной земли.

Родился в доме день туманный — *Op. 4.*
И жизнь туманна вся
Ношу венец случайно данный
Над бездной ужасов скользя
Так пешеход так злой калека
Косит на радостных детей
И зла над юностью опека
Случайной спутницей своей
Грозит глазам весело людным
Зеленым ивиным ветвям
И путь безрадостный и трудный
Влачит уныло по полям.

Упало солнце в кровь заката *Op. 5.*
К восторгам дня нам нет возврата
Лишь облаков вечерних дым
Восходит горестно над ннм
И если кто сейчас умрет
Над тем уж солнце не взойдет
Лишь облаков вечерних дым
Воспрянет горестно над ним.

На мнг однн владел тобою *Op. 6.*
Золотоокою младой
И холод бородой седою
Вот придушил своей бедой
Уста навек сомкнул бледнея
Стекать глазам он приказал
И зубы (белая аллея)
На череп страшный наннзал
Откроешь вежды не поверю
Твой смех завял навек
И я умру под этой дверью
Найдет бродячий человек
Склеп заиесен свнстящим снегом
Как груди милой белнзной
Копыто оглашает бегом
Забытый путь свой путь родной
Проскачет мимо усмехнется
Сук траур путь нз серебра
Подкова тяжкая сорвется
Крошится льднстая кора.

Бегущие украдкою часы *Op. 7.*
Стремительность н медленность тяготны

Для времени сыпучего весы
Без вас мгновения отчаянний несчетны
Колеблет бег ваш черепа власы
Скользящие вперед бесповоротны
На выю лезвие несущие косы
С жестоким тиканьем злорадно беззаботны.

Шестнэтажный возносился дом *Op. 8.*
Чернели окна скучными рядами
И ни одно не вспыхнуло цветком
Звуча знакомыми следами.
О сколько взглядов пронизало ночь
И бросилось из верхних этажей.
Безумную оплакавшие дочь
Под стук не спящих сторожей.
Дышавшая на свежей высоте
Глядя в окно под неизвестной крышей
Сколь ныне чище ты и жертвенно святей
Упавши вниз ты вознеслася выше.

Немая ночь людей не слышно *Op. 9.*
В пространствах царствие зимы.
Здесь вьюга наметает пышно
Гробницы белые средь тьмы
Где фонари где с лязгом шумным
Скользят кошмарно поезда
Твой взгляд казался камнем лунным
Он как погасшая звезда.
Как глубоко под черным снегом
Прекрасный труп похоронен.

Промчнсь промчись же шумным бегом
В пар увнясь со всех сторон.

Со звоном слетелн проклятья *Ор. 10.*
Разбнтые ринулнсь вниз
Раскрыл притупленно об'ятья
Виском угодил на карннз
Смеялась вверху колокольня
Внизу собирался народ
Старушка была богомольна
Острил и пугал ндиот.
Ннц мертвый лежал неподвнжно
Стеклянные были глаза
Из бойни безжалостно блнжней
Кот лужу кровавый лнзал.

Ты окрылнл условные рожденья *Ор. 11.*
Сносить душа их тайны не смогла
Начнн же наконец начни свое служенье
Смотрнсь в излучисто крнвые зеркала.
Неясно все все отвращает взоры
Чудовищно создав свое небытие
Провалы днкие н снов преступных горы
Ты прннял кажется погибели питье.

Чудовище тянулось между скал *Ор. 12.*
Заворожив гигантские зеницы
Махровый ветр персты его ласкал
Пушистый хвост золоторунной львицы
Огромнейшнм теплеющим зигзагом
Простерлось тело меж колючих трав

И всем понятней было с каждым шагом
Как неизбежно милостив удав
Свои щадя стократные слова
Клубилось там как внятной колыбели
Чуть двигаясь шептали «раз» и «два»
А души жуткие как ландыши слабели.

Твоей бряцающей лампадой *Op. 13.*
Я озарен в лесной тиши.
О призрак смертн пропляши
Пред непреклонною оградой
Золотогрудая жена
У еле сомкнутого входа
Теплеет хладная природа
Свон означив письмена
Слепые прнзрачные взгляды
Округло плавны купола.
Я выжег грудь свою до тла
Обретши брачные наряды
Об'ятий белых жгучнй сот.
Желанны тонкие напевы
Но всеж вернее черной девы
Разящий неизбежный мед.

На исступленный эшафот *Op. 14.*
Взнесла колеблющие главы
А там упорный черный крот
Питомец радостн неправой
Здесь осыпаясь брачный лут
Чуть движет крайними цветами

Кто разломает зимний круг
Протяжно знойными руками.
Звала тоска и нищета
Взыскуя о родимой дани
Склоняешь взор: «не та не та»
Движенья быстроглазой лани.

Монах всегда молчал *Op. 15.*
Тускнели очи странно
Белела строго панна
От радостиых начал
Кружилась ночь вокруг
Свивая покрывала
Живой родной супруг
Родник двойник металла
Кругом как сон как мгла
Весна жила плясала
Отшельник из металла
Стоял в уюте зла.

Ты изошел зеленым дымом *Op. 16.*
Лилово синий небосвод
Точась полдневным жарким пылом
Для неисчерпанных угод
И может быть твой челн возможный
Постигнем в зиак твоих побед
Когда настанет непреложный
Все искупающий обет.
Сваливший огнь закатный пламень
Придет на свой знакомый брег

Он как рубин кровавый камень
Сожжет молитвенный ковчег.

Пой облаков зиждительное племя *Ор. 17.*
Спешащее всегда за нож простора
Старик немой нам обнажает темя
Грозя гранитною десницею укора.
Прямая цель как далеко значенье
Всегда веселые к нам не придут назад
Бессилие слепое истощенье
Рек воздохнув «где твой цветистый вклад»
Где пышные твои внезапные рассветы
Светильни хладные зеленые ночей.
Угасло все вкруг голос дымной леты
И ты как взгляд отброшенный ничей.
Упали желтые иссохшие ланиты
Кругом свилася тишь кругом слеглася темь.
Где щечки алые пьянящие Аниты
О голос сладостный как стал ты глух и нем.

Белила отцветших ланит *Ор. 18.*
Румянцы закатного пыла
Уверен колеблется мнит
Грудь жертвой таимой изныла.
Приду возжигаю алтарь
Создавши высокое место
Я вновь как волхвующий царь
Сжигаю пшеничное тесто.
Иссохшая яркая длань
Тянись вслед за пламенем острым

Будь скорое горнее встань
Развейся вкруг пологом пестрым.
Твое голубое зерно
Лежит охлажденным налетом
К просторам небесным окно
Очнись же молитвы полетом.

Все тихо все неясно пустота *Ор. 19.*
Нет ничего все отвернулось страино
Кругом отчетливо созрела высота
Молчание царит точа покровы прянно.
Слепая тишина глухая темиота
И ни единый след свой не откроет свиток
Все сжало нежные влюбленные уста
Все как бокал где днесь кипел напиток.
И вдруг почудились тончайшие шаги
Полураскрытых уст неизяснимых шорох
Душа твердит не двигаясь «беги»
Склонясь как лепесток язвительиых укорах.
Да это след завядший лепесток
Хоть пыль кругом свой завязала танец
«Смотри» шепнул далекий потолок
«Да здесь прошел невнятиый иностраиец».

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание впервые представляет под одной обложкой стихотворения участников группы кубофутуристов братьев Давида и Николая Бурлюков. В книгу включено большинство стихотворений, опубликованных при жизни Д. Бурлюка. Они увидели свет в коллективных и персональных сборниках в период с 1910-го по 1932 год. Раздел произведений Н. Бурлюка включает все известное поэтическое наследие автора и составлен из стихотворений, опубликованных в футуристических альманахах с 1910-го по 1915 год. Поэзия Давида и Николая Бурлюков впервые представляется в таком объеме (соответственно 593 и 69 текстов).

Произведения даются в основном по первой и в подавляющем большинстве случаев единственной публикации. Исключение сделано для стихотворений Д. Бурлюка, вошедших в сборник «Садок судей» (СПб., 1910), которые в основном корпусе печатаются по последней прижизненной авторской книге Д. Бурлюка «1/2 века» (Нью-Йорк, 1932), что соответствует пожеланию автора (см. примечание к соответствующему разделу). Однако особое место этих произведений в литературном наследии Д. Бурлюка, а также важная роль «Садка судей» в истории русского футуризма дают основание включить в настоящую книгу и первоначальный вариант этих стихотворений (см. Приложение).

Порядок расположения текстов определяется, во-первых, временем выхода в свет изданий, где они были опубликованы, а во-вторых, последовательностью произведений в источниках. Точная датировка многих произведений зат-

руднена, и поэтому даты под конкретными произведениями печатаются только в случае соответствующего авторского указания.

Орфография произведений приближена к современным нормам, однако учитывались специфические особенности кубофутуристической текстологии, не позволяющие однозначно дифференцировать случайные и намеренные опечатки, ошибки (очевидные опечатки исправлялись только в произведениях Д. Бурлюка, опубликованных в «американский» период). Пунктуация во всех случаях сохраняется авторская.

Примечания к конкретным текстам ограничены реальным комментарием, раскрывающим значение отдельных имен, понятий и наименований, а также малоупотребительных в современном языке слов и некоторых авторских неологизмов.

ДАВИД БУРЛЮК

Из сборника «САДОК СУДЕЙ» (1—19)

Стихотворения печатаются по книге: *Бурлюк Д.* 1/2 века. Нью-Йорк, 1932. В этом издании тексты из «Садка судей» датированы 1907—1909 гг. и их публикация сопровождена «Примечанием автора. (По поводу стихов, перепечатанных из "Садка Судей")»: «Эти стихи из массы строк, написанных до 1909 года. Начал писать регулярно стихи с 1902 года. Кроме отдельных строк — они были не удовлетворявшими меня. С 1905 года стали возникать произведения, кои были более живописующими. Я ценил

в те годы: красочность и выпуклость образа патетического, чувства оригинального и манеры пряной. Когда в 1909 году в декабре, в Питере сдавался с Васей Каменским в печать "Садок Судей", я отобрал столько строк, как много мне было отпущено места. Часть этих стихотворений в 1908 году, поздней осенью написана в Киеве, куда с Владимиром братом я приехал по приглашению **Александры Алекс.** и **Ник. Евг. Экстер**, чтобы устроить выставку: "Венок" на Крещатике, в магазине "Иернджишек". А. А. Экстер была первой поклонницей моей юной музы. Там я встретил Никонова. Исправления, через, почитай, 25 лет, сделанные в Америке, коснулись деталей, технических срывов юного, неопытного оперирования со звукословом. В некоторых стихах есть: лейтслова, компактслова. Звуковая инструментовка, магия гласных и согласных в этих юношеских строках играют большую, первостную роль.

Я отныне прошу, если стихи из "Садка Судей" будут перепечатаны, давать (повторять) их только в прилагаемой здесь окончательной редакции» (С. 7).

3. *Кратéр* (греч. kratēr) — древнегреческий сосуд для смешивания вина с водой: большая глубокая чаша на ножке с двумя ручками.

6. *Вежды* (устар.) — веки.

17. *Десница* (устар) — правая рука.

19. Примеч. автора к ст-нию: «Стихотворение написано в 1907 году.

Оно — прозрением: всю жизнь свою был иностранцем».

Из сборника
«ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ»
(20—24)

Печ. по: Пощечина общественному вкусу: В защиту Свободного Искусства: Стихи. Проза. Статьи. М.: Изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1913 [1912].

Из сборника
«САДОК СУДЕЙ II»
(25—38)

Печ. по: Садок судей II. СПб.: Журавль, 1913. Стихотворения сопровождены авторским примечанием: «Лейт—слова: подчеркнуты величиной» (с. 52).

26. *Трирема* (от лат. triremis — имеющий три ряда весел) — боевое гребное судно в Древнем Риме с тремя рядами весел.

30. В тезисах В. Маяковского к «Первой олимпиаде российского футуризма» отмечалось: «Если есть Давид Бурлюк, значит "стальные грузные чудовища" нужнее Онегина...» (*Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 368).

Из сборника
«ТРЕБНИК ТРОИХ»
(39—54)

Печ. по: Требник троих: Сборник стихов и рисунков. М.: Изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1913.

40. *Прокуст* (правильно — Прокруст) — в греческой мифологии великан-разбойник, насильно укладывавший на ложе пойманных путников. Тем, кому оно было коротко, он обрубал ноги, тех, кому ложе было длинно, вытягивал. Отсюда понятие «прокрустово ложе», обозначающее меру, которая не соответствует сущности явления.

Из сборника
«ДОХЛАЯ ЛУНА»
(55—88)

Печ. по: Дохлая луна: Сборник единственных футуристов мира!!поэтов «Гилея»: Стихи, проза, рисунки, офорты. М. [Каховка]: Гилея, 1913 (2-е издание — М.: Издательство «Первого журнала русских футуристов», 1914).

55. *Миоп* — (греч. mýops) близорукий. *Вервь* (устар.) — веревка.

58. *Профет* — от. франц. prophète (пророк).

67. *Онуч* — кусок плотной ткани, навертывавшейся на ногу при ношении лаптей или сапог.

79. *и. А. Р.* — из Артюра Рембо. Текст представляет собой вольный перевод или, скорее, интерпретацию стихотворения «Праздник голода» («Fêtes de la faim», <1873>), принадлежащего перу французского поэта-символиста Жана-Артюра Рембо (1854—1891). К. Чуковский писал об этом произведении Д. Бурлюка: «Это стихотворение мне нравится. Оно не мертвое, в нем есть экспрессивность, динамика. Жаль только, что оно — переводное <...>, — хотя тем-то оно и прекрасно» (*Чуковский К.* Образцы футуристической литературы // Литератур-

но-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 22. СПб., 1914. С. 145). В. Шершеневич высказывал мнение, что из всех стихотворений, написанных Д. Бурлюком, «только одно можно считать недурным, и то главным образом потому, что оно — перенод Рембо» (*Шершеневич В.* Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова: Сборник. М., 1990. С. 516).

81. Об истории создания стихотворения Д. Бурлюк писал в своих мемуарах: «Впервые рукопись Велимира Владимировича Хлебникова я увидел в его руках на квартире у Елены Генриховны Гуро. У Каменноостровского проспекта, на Лицейской улице. (1909—1910 годы, осень, зима и весна.)

Василий Каменский, Елена Генриховна, художник М. Матюшин, большой черный кот, я, Николай (брат), Велимир Хлебников наполняли маленькую комнату деревянного домика...

— Витя, прочтите...

И из кармана руки судорожным движением вытащена скомканная комбинация листков, кои надо разгладить на коленке, чтобы можно было читать. Это была рукопись Велимира Владимировича Хлебникова, которую я увидел тогда впервые.

Через несколько дней я отправился за Хлебниковым на Волково кладбище, чтобы перевезти его к себе, в нашу поместительную комнату на Каменноостровском проспекте (в Новой Деревне), где была кроме для нас, троих братьев Бурлюков, еще купетка, где и решили устроить Витю, чтобы не расставаться.

Велимир Владимирович Хлебников жил у купца на уроки за комнату. Это был деревянный не оштукатуренный дом, и во все окна, с одной стороны, глядели кресты

Волкова кладбища, то близкие, то далекие, то призрачные, то четкие, то малые, то...

В моем воображении, когда я шагал за Велимиром к нему, составились стихи, к ним Рославец написал музыку» (*Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 51—52).

Из сборника
«МОЛОКО КОБЫЛИЦ»
(89—133)

Печ. по: Молоко кобылиц: Сборник. Рисунки. Стихи. Проза. М. [Херсон]: Гилея, 1914 [1913].

90. *Зефир* — в греческой мифологии бог западного ветра.

108. Ср. вариант ст-ния из книги «1/2 века» (№ 491).

118. *Тальма* — женская длинная накидка без рукавов.

119. *Марина* (франц. marine, от лат. marinus — морской) — пейзаж, изображающий море.

123. *Рамена* (устар) — плечи. *Денница* (устар.) — заря.

127. Ср. вариант этого ст-ния под загл. «А. А. Экстер и ее собачка» из книги «1/2 века» (№ 481).

131. *Ариадна* — в греческой мифологии дочь критского царя Миноса, снабдившая афинского героя Тесея клубком ниток, с помощью которого он вышел из лабиринта, где убил чудовище Минотавра.

132. *Сехт* (Сет) — в египетской мифологии бог «чужих стран» (пустыни), олицетворение злого начала; согласно мифу, был оскоплен в борьбе с Гором, божеством, воплощенным в соколе.

Из сборника
«РЫКАЮЩИЙ ПАРНАС»
(134—187)

Печ. по: Рыкающий Парнас: СПб.: Журавль, 1914.

Цикл стихов
«ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХ ЖАБ»

134. *Сатир несчастный, одноглазой...* В своей мемуарной книге «Наш выход» А. Крученых главу, посвященную Д. Бурлюку, назвал: «Сатир одноглазый» (*Крученых А.* Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996. С. 80). *ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХ ЖАБ.* «Доители изнуренных жаб» — название доклада Д. Бурлюка, с которым 13 октября 1913 г. в зале Общества любителей художеств выступил его брат Николай. А. Крученых вспоминал, что эту строку «очень любил В. Хлебников и часто ее цитировал, особенно в применении к простачкам-меценатам: "'Они нас интересуют только в смысле доения изнуренных жаб'"» (Крученых А. Наш выход. С. 83).

142. В сборнике «Рыкающий Парнас» были опубликованы два варианта данного стихотворения (см. № 169).

148. *Гурии* — фантастические девы, услаждающие, согласно Корану, праведников в раю.

158. *Самум* (араб.) — название сухого горячего ветра в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова.

160. *Сиена* — город в Италии.

175. При первой публикации в листовке «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913) два начальных слова были заменены точками.

176. *Селена* — в греческой мифологии богиня Луны, отождествляемая с Артемидой. *Гурии* — см. примеч. 148.

181. *Рептух* — матерчатый мешок, прикрепленный к оглоблям, из которого в пути кормят лошадь.

184. *Десница* — см. примеч. 17.

Из «ПЕРВОГО ЖУРНАЛА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ»
(188—215)

Печ. по: Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1/2.

203. *Хортица* — остров на Днепре в Запорожье.
211. *Самум* — см. примеч. 158.
212. *Шашель* (устар.) — плохой человек.

Из сборника «ЗАТЫЧКА»
(216—219)

Печ. по: Затычка. М. [Херсон]: Гилея, [1914].

217. *Ехидна* — в греческой мифологии чудовище, полудева-полузмея.

Из сборника «ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО МУЗ» (220—232)

Печ. по: Весеннее контрагентство муз: Сборник. М.: Издание Студии Д. Бурлюка и Сам. Вермель, 1915.

Цикл «ЗДРАВСТВУЙТЕ M-LLE ПОЭЗИЯ!»

220. *Шемшурин* Андрей Акимович (1872—1937) — литературовед и искусствовед. *Ромул* — легендарный основатель и первый царь Рима. *Татиус* (Тит Таций) — легендарный царь сабинян (VIII в. до н. э.). *Сабиняне* (сабины) — италийское племя, жившее в центральной части Италии севернее Рима. *Янус* — в римской мифологии божество дверей, входа и выхода, затем — всякого начала; изображался двулнким. *«Мы двери Януса кровавые откроем»!* Ворота Януса в храме-арке в Древнем Риме закрывались только в мирное время. *Январской стужи близится чело...* Название месяца января образовано от имени Януса. *Калло* Жак (1592 или 1593—1635) — французский график. *Отверзты входа черные зеницы...* Ср. в ст-нии А. С. Пушкина «Пророк» (1826): «Отверзлись вещие зеницы...»

224. *α, ω* — первая и последняя буквы греческого алфавита — альфа и омега, ставшие нарицательным обозначением начала и конца.

226. *Семирамида* — царица Ассирии в конце IX в. до н. э.; с ее именем связывают сооружение в Вавилоне «висячих садов» — одного из семи чудес света.

227. *Кульбин* Николай Иванович (1868—1917) — живописец, теоретик, организатор и пропагандист новейше-

го искусства; приват-доцент Военно-медицинской академии, главный врач Генерального штаба.

230. *Лентулова* Мария Петровна — жена художника А. В. Лентулова. *Эвропа* (Европа) — в греческой мифологии дочь финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом, принявшим обличье быка.

Из сборника «ЧЕТЫРЕ ПТИЦЫ» (233—245)

Печ. по: Четыре птицы: Стихи. М.: Изд-во К, 1916.

Цикл «КАТАФАЛКОТАНЦ»
Осень 1915 г.

Эпиграфы к циклу — из романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1616) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» («Дон Кихот», 1605—1615) и ст-ния французского поэта Мориса Роллина (1846—1903) «Восковая дама» («La Dame en cire», <1892>).

233. *Поклонялись любовно козлу.* Козлоногие сатиры были спутниками Диониса (Вакха), греческого бога виноградарства и виноделия; с именем Диониса связаны различные религиозно-культовые обряды, в том числе так называемые вакханалии. Козел в мифологии также символизировал плодородие.

234. *Номад* (греч. nomades) — древнегреческое название кочевника.

236. *Золотухин* Георгий Иванович (1886 — не ранее 1942) — поэт, художник, издатель, меценат. *Нереи-*

да — в греческой мифологии морская нимфа, одна из дочерей морского старца Нерея.

237. *«Гонимы вешними лучами»...* — цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Даная* — в греческой мифологии дочь Аргосского царя Акрисия; к ней, заключенной отцом в башне, Зевс проник в виде золотого дождя.

240. Эпиграф — из романа французского писателя Шарля Мари Жоржа Гюисманса (1848—1907) «Наоборот» (1884). *Палаццо* (итал. palazzo) — итальянский городской дворец-особняк XV—XVIII вв. с величественным уличным фасадом и внутренним двором. *Геспериды* — в греческой мифологии дочери Атланта, жившие в саду, в котором росла яблоня, приносившая золотые плоды. *Акриды* (устар.) — саранча.

241. *Редюит* (франц. réduit) — опорный пункт в укреплении, служащий последним оборонительным оплотом.

242. *Ферт* — старое название буквы «ф» в русском алфавите.

243. *Аттол* (правильно: атолл) — коралловое сооружение в форме кольца, окружающего мелководную лагуну.

244. *«Аптека»* — возможно, имеется в виду рассказ А. П. Чехова «Аптекарша» (1886). Oleum ricini (лат.) — касторовое масло.

245. *Флюгарка* — то же, что флюгер.

Из книги «БУРЛЮК ПОЖИМАЕТ РУКУ ВУЛЬВОРТ БИЛЬДИНГУ» (246—270)

Печ. по: *Бурлюк Д.* Бурлюк пожимает руку Вульворт Бильдингу: Стихи. Картины. Автобиография: К 25-тилетию

художественно-литературной деятельности (стихи 1898 г.— 1923 г.). Нью-Йорк: Издание Кооператива Газеты «Русский голос», 1924.

250. *Фиал* (от греч. phiálē — кубок) — древнегреческая чаша для пиров и возлияний богам. *Фиал фиалковых небес*... Ср. у И. Северянина в ст-нии «Фиолетовый транс» (1911): «Я выпил грёз фиалок фиалковый фиал...»

255. *Тутанкамен* (Тутанхамон) — египетский фараон в 1351—1342 гг. до н. э. *Николай* — имеется в виду император Николай II (1868—1918).

256. Ср. вариант этого ст-ния под заглавием «Трупик ребенка пути» (№ 582), опубликованный в «Газете футуристов».

258. *Либава* — официальное название латвийского города Лиепая до 1917 г. *Лернейский* — по названию Лерны, местности на греческом полуострове Пелопоннес, связанной с мифической гидрой, побежденной Гераклом. *Ничевоки* — литературная группа, существовавшая в 1921—1923 гг. (Р. Рок, С. Мар и др.).

260. *Кеннан* Джордж (1845—1924) — американский журналист, автор книги «Сибирь и ссылка» (1906). *«Мертвый Дом»* — имеется в виду книга Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1861—1862).

261. *Григорьев* Борис Дмитриевич (1886—1939) — живописец, график; с 1919 г. в эмиграции.

266. *Жена Эдгара* — имеется в виду Вирджиния По (Клемм) (1822—1847), жена американского писателя Эдгара Аллана По (1809—1849), скончавшаяся в местечке Фордхем близ Нью-Йорка, где чета По проживала в 1846—1849 гг. *Собвей* (англ. subway) — подземка.

269. *Бонин* (Огасавара) — группа островов в Тихом океане, территория Японии.

270. *Нирвана* (санскр. — погашение) — понятие буддизма и джайнизма, означающее пробуждение, просветление, достижение высшего духовного покоя.

Из книги
«МАРУСЯ-САН»
(272—285)

Печ. по: *Бурлюк Д.* Маруся-сан: 3-я книжка стихов (1919—1924) составленных: Сибири, Японии и С. Ш. Нью-Йорк: Шаг, 1925.

271. *Dreier* (Драйер) Katherine Sophie (1877—1960) — американский живописец, искусствовед, президент центра «The Société», организации по пропаганде в Америке новейшего искусства, автор монографии о Д. Бурлюке: Dreier K. Burliuk. New York, 1944.

274. *Еленевская* (Бурлюк) Мария Никифоровна — жена (с 1912 г.) Д. Бурлюка; издатель книг и журнала «Colour and Rhyme». См. публикацию ее воспоминаний «Первые книги и лекции футуристов (1909—1913)» в книге: *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма Воспоминания. СПб., 1994. С. 269—286). *Рамена* — см. примеч. 123.

276. *Фешина* Александра Николаевна — жена художника Н. И. Фешина. *Самисен* — японский струнный музыкальный инструмент с длинным грифом из пальмового дерева и тремя струнами. *Гокусай* (Хокусай) Кацусика (1760—1849) — японский живописец и рисовальщик.

277. *Евреинов* Николай Николаевич (1879—1953) — драматург, режиссер, историк и теоретик театра; о своих встречах с Д. Бурлюком Евреинов писал в книге «Оригинал о портретистах. (К проблеме субъективизма в искусстве)» (М., 1922).

278. *Народный* Иван И. — писатель.

279. *Маневич* Рахиль Наумовна — жена художника А. А. Маневича.

280. *Судейкин* Сергей Юрьевич (1882—1946) — живописец, график, театральный художник, участник художественных объединений «Голубая роза» и «Мир искусства». *Нереида* — см. примеч. 236.

281. *Блазис-Блажиевич* Софья Ивановна — жена литовского скульптора А. Н. Блажиевича-Блазиса.

282. *Chanler* (Ченлер) Robert Winthrop — американский искусствовед и живописец.

283. *Силлов* Владимир Александрович (1901—1930) — поэт, участник дальневосточной футуристической группы «Творчество».

Из книги «ЭНТЕЛЕХИЗМ» (286—422)

Печ. по: *Бурлюк Д.* Энтелехизм: К 20-тилетию футуризма, искусства пролетариата: Теория. Критика. Стихи. Картины. (1907—1930). Нью-Йорк: Издание Марии Никифоровны Бурлюк, 1930. О ст-ниях, опубликованных в этой книге, Д. Бурлюк писал: «Я вероятно, никогда не знал кабинетной манеры писать вирши. Где кисель — там и сел. А жизнь в Нью-Йорке, с его воздушными дорогами, подземками приучила к величайшему одиночеству, которое находишь в миллионной толпе.

Пора начать писать не стихи, а этюды, как это делают художники — непосредственно с натуры. Прилагаемые стихи написаны были на клочках бумаги, на переплетах книг, на бульварах, за углом дома, при свете фонаря.... Писал стихи и на заборах — в Сибири. Где они? Кто их читает? Марии Никифоровне Бурлюк принадлежит честь приведения материала в вид возможный для набора. Сколько

подобного моего материала пропало ранее! большинство этих стихов — "черновики", но будучи набросаны с натуры они отображают первое пламя чувства. Они искренни. Написаны эти стихи в Нью-Йорке в период 1923—1930 годы.

В конце имеются "избранные" стихи, некоторые из них написаны 20 лет назад. В стихах обнлыно применены "компакт слова"» (*Бурлюк Д.* Несколько слов по поводу моих стихов // Бурлюк Д. Энтелехизм. С. 24).

Из раздела *«ЭНТЕЛЕХИАЛЬНЫЕ ВИРШИ»*

286. *Апсейдаун* — от англ. upside-down (перевернутый вверх ногами).

288. *Линд* Дженни (1820—1887) — шведская оперная и камерная певица. *Маруся* — см. примеч. 274.

292. *Ландскеп* — от англ. landscape (пейзаж).

293. *Баттери* (Battery Park) — парк в Нью-Йорке.

296. *Карпетки* (польск. skarpetka) — носки.

300. *Сковорода* Григорий Саввич (1722—1794) — украинский философ, поэт, музыкант. *Вокс* (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) — общественная организация, существовавшая в 1925—1958 гг. *Кусково* — усадебный ансамбль XVIII в. в пригороде Москвы, принадлежавший графам Шереметевым.

302. *Саваоф* — одно из имен бога в иудаистской и христианской традициях.

Из раздела *«НА ПОЛКЕ НЬЮ-ЙОРКА»*

306. *Амарант* (щирица) — род трав. *Мария* — см. примеч. 274. *Нерея* — по-видимому, имеется в виду Нереида (см. примеч. 236).

307. *Кварта* (лат. quarta — четверть) — единица объема, применяемая в США, Великобритании и других странах.

310. *Дреднот* (дредноут) (англ. dreadnought — неустрашимый) — тип линейных кораблей.

312. *Поэза* — жанр, не имеющий четкого определения, введенный в литературу Игорем Северянином, хотя на его «авторство» претендовал другой поэт-эгофутурист — Константин Олимпов (К. К. Фофанов).

317. *Вульворт* (Woolworth Building) — нью-йоркский небоскреб. *Манхаттен* (Manhattan) — центральный район Нью-Йорка.

322. *Вельзевул* — в христианских представлениях демоническое существо.

328. *Собвей* — см. примеч. 266. *Футурум* (лат. futurum — будущее) — от этого латинизма образован термин «футуризм».

332. *Эдисон* Томас Алва (1847—1931) — американский ученый, автор многочисленных изобретений, главным образом в разделах электротехники.

334. *Кемь* — река в Карелии. *Антонии стремилися в пустыню...* Возможно, имеются в виду Антоний Великий (ок. 250—356), основатель христианского монашества, живший отшельником в Египте, и Антоний Печерский (983—1073), основатель Киево-Печерского монастыря.

335. *Вульворт* — см. примеч. 317.

342. *Самум* — см. примеч. 158.

Из раздела
«РЕГРЕССИВНОЕ НЕЖНИЧАНЬЕ»

343. *Нимфеи* — по-видимому, имеются в виду нимфы. *Сатирессы* — жены сатиров; возможно, слово заим-

ствовано из романа А. Кондратьева «Сатиресса» (1907). *Сильфиды* — в кельтской и германской мифологии духи воздуха. *Нереиды* — см. примеч. 236.

347. *Собвей* — см. примеч. 266.

349. *Тонкофингерпринт* — неологизм, образованный соединением словообразовательной основы русского слова «тонкий» и двух английских слов: «finger» (палец) и «print» (след, отпечаток).

354. *Гарц* — горы в Германии; на высочайшую вершину — Броккен — по народным поверьям, в ночь на 1 мая (так наз. Вальпургиеву ночь) на великий шабаш слетаются ведьмы.

357. *Маруся* — см. примеч. 274. *Рамена* — см. примеч. 123. *Собвей* — см. примеч. 266.

361. *Наваха* (исп. navaja) — длинный складной нож испанского происхождения. *Эффенди* (тур.) — сударь. *Архалук* — мужская и женская верхняя распашная одежда у народов Кавказа.

365. *У лица / целая / Улица...* Ср. начало ст-ния В. Маяковского «Из улицы в улицу» (1913): «У— / лица / лица / У...» *Атилла* (правильно — Аттила) (?—453) — предводитель гуннов с 434 г., возглавлявший опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию, Северную Италию.

371. *Собвей* — см. примеч. 266.

374. *Бежавших из Гоморры и Содома..* Согласно Ветхому Завету, жители городов Гоморра и Содом, расположенных у устья реки Иордан или на западном побережье Мертвого моря, погрязли в распутстве и были испепелены огнем, посланным с небес; из пламени Бог вывел только Лота (племянника Авраама) с семьей (Быт. 19).

381. *Капитан Кид* — возможно, имеется в виду легендарный американский пират Уильям Кидд (Kidd; сер. XVII—1701), упоминаемый в рассказе Э. А. По «Золотой жук».

385. *Маруся* — см. примеч. 274.

401. *Сейлем* (Салем) — город в США (штат Массачусетс), знаменитый благодаря процессу против «ведьм».

402. *Эреб* — в греческой мифологии самая мрачная часть подземного мира.

404. *Дилювиальная эпоха* или дилювий (от лат. diluvium — потоп, наводнение) — первый отдел, соответствующий наиболее длительной эпохе антропогенного (четвертичного) периода; другое название — плейстоцен. *Вильсон* Томас Вудро (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921). *Тафт* Уильям Хауард (1857—1930) — 27-й президент США (1909—1913). *Маруся* — см. примеч. 274.

Из раздела
«РУДА РУГАНИ ПРОШЛОГО»

406. *Где памятно о Достоевском...* и далее. Ср. это четверостишие в ст-нии «Сибирь» (№ 260). *Омь* — река в Западной Сибири, правый приток Иртыша.

407. *Свидригайловских* — от фамилии персонажа романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Свидригайлова.

411. *Омега... альфа...* — см. примеч. 224.

Из раздела
«ТИТЬКИ РОДИНЫ»

415. *«Тьмы» Эдигеевы* — имеются в виду войска Эдигея (Едигея) (1352—1419), правителя Золотой Орды с 1399 г., совершившего в 1408 г. поход на Русь.

416. *Николай* — см. примеч. 255. *Линкольны сняв штаны в сенате...* Линкольн Авраам (1809—1865) — шестнадцатый президент США (1861—1865).

Из раздела
«ИЗБРАННЫЕ СТИХИ»

419. *Вайи* (церк.-слав.) — ветви.

420. Ср. вариант этого ст-ния под заглавием «Свидание» из сборника «Китоврас» (№ 591).

Из книги
«1/2 ВЕКА»
(423 —569)

Печ. по: *Бурлюк Д.* 1/2 века (Издано к пятидесятилетию со дня рождения поэта). Нью-Йорк: Издательство Марии Бурлюк, 1932.

Из книги
«БЕРЕМЕННЫЙ МУЖЧИНА»

Книга под такими названием не была издана.

Опусы из цикла
«КОРЧМА БУРАНОВ»

425. *Пелион свезу на Оссу...* Аллюзия на «Одиссею» Гомера. *Пелион, Осса* — горы в Греции.

427. *Римская волчица.* Согласно легенде, основатели Рима братья-близнецы Ромул и Рем — сыновья Реи Сильвии и бога Марса — были вскормлены волчицей.

428. *Редюит* — см. примеч. 241.

429. *Мельпомснмотив* — неологизм, образованный от имени Мельпомены, одной из 9 муз, покровительницы трагедии.

430. *Но где же тот глагола пламень / Что жечь способен даже камень...* Ср. у А. С. Пушкина в ст-нии «Пророк» (1826): «Глаголом жги сердца людей».

433. Бельгийский поэт, драматург и критик Эмиль Верхарн погиб, попав под поезд, 27 ноября 1916 г.

435. *Бэбий* — от англ. baby (ребенок).

436. *Златоуст* — город в Челябинской области. *Торо* Генри Дэвид (1817—1862) — американский писатель, мыслитель, представитель трансцендентализма; с весны 1845-го до осени 1847 г. жил затворником в им самим построенной хижине на берегу пруда Уолден в штате Массачусетс. *Контемпоренистый* — от англ. contemporary (современный). *Нирвана* — см. примеч. 270.

437. *Лидо* — курортный город в Италии.

438. *Уистлер* Джеймс (1834—1903) — американский живописец; был близок к французским импрессионистам. *Тан* Владимир Германович (наст фамилия — Богораз; 1865—1936) — этнограф, писатель, фольклорист, языковед.

439. *Скэтч* — от англ. sketch (эскиз, зарисовка, беглый очерк).

440. *Дредноут* — см. примеч. 310. *Гандикапирован.* Гандикап (англ. handicap) — спортивное соревнование разных по классу участников с предварительным уравниванием шансов на победу, как правило, путем предоставления слабейшим какой-либо форы. *Дамоклов час.* Образ

восходит к идиоме «Дамоклов меч»: согласно древнегреческому преданию, сиракузский тиран Дионисий I (кон. V—IV вв. до н. э.) отдал на один день престол своему фавориту Дамоклу. Во время пира тот внезапно увидел над своей головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

444. *Пакетбот* (от нем. Paket — пакет и голл. boot — судно) — легкое почтовое судно.

448. *Гелиовсход* — неологизм, образованный от греч. hēlios (Солнце). *Пересвет* (?—1380) — герой Куликовской битвы, монах Троице-Сергиева монастыря.

Из раздела
«ОСТРАКА. СТРОКИ НАПИСАННЫЕ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА. ИЮНЬ, АВГУСТ 1931 ГОДА»

450. *Мария Никифоровна* — см. примеч. 274. Эпиграф — неточная (с точки зрения пунктуации и расположения строк) цитата из ст-ния Ш. Бодлера «Альбатрос» («L'Albatros», <1859>).

451. Ст-ние связано с эпизодом из «Одиссеи», повествующем о пребывании Одиссея (Улисса) в плену у циклопа Полифема; бегство Одиссея и его спутников стало возможным после того, как им удалось выколоть циклопу единственный глаз. *Голиаф* — в Ветхом Завете великан-филистимлянин, побежденный в единоборстве будущим царем Израильско-Иудейского государства Давидом (Царств; 17). *Неф* (франц. nef) — здесь: корабль. *Итака* — остров, где родился и царствовал Одиссей.

Из раздела
«СИБИРСКИЕ СТИХИ»

454. *Чужак* (наст. фамилия — Насимович) Николай Федорович (1876— 1937) — литературный критик, публицист; участник дальневосточной футуристической группы «Творчество» и Лефа; главный теоретик «литературы факта».

458. *Оранж* — от англ. orange (апельсин).

459. *Архалук* — см. примеч. 368. *Золотой Рог* — бухта в заливе Петра Великого (Японское море). *Судры* (устар.) — бураны.

460. *Аскольд* — остров в Японском море. *Кобольд* — в германской мифологии особый вид эльфа: дух домашнего очага или горный дух. *Нерея* — см. примеч. 306.

Из раздела
«AURUM POTABILE. ГЮНЭ И ГЮНАЙКОС»

461. *Морьон* (морион) (франц. morion) — разновидность боевого шлема (XIV—XVII вв.). *Протазан* (нем. Partisane) — тяжелое копье с плоским и длинным металлическим наконечником. *Курфюрст* (от нем. Kurfürsten — князья-избиратели) — в «Священной Римской империи» князь, за которым с XIII в. было закреплено право избрания императора. *Бонза* (франц. bonze) — буддийский монах в странах Азии; в переносном смысле — невозмутимый и надменный человек. *Тридцатилетняя война* (1618—1648) — между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и

антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией). *Валленштейн* Альбрехт (1583—1634) — полководец, с 1625 г. имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне.

462. Перевод ст-ния французского поэта Жана *Мореаса* (наст. имя — Яннис Пападиамандопулос; 1856—1910) «Инвеститура» («L'investiture», <1890>).

463. Перевод ст-ния французского поэта-символиста Стефана *Малларме* (1842—1898) «Вздох» («Soupir», 1866).

464. *Дафна* — в греческой мифологии нимфа; стремясь избавиться от преследований влюбленного в нее Аполлона, попросила своего отца, речного бога Пенея, о помощи и была превращена в лавровое дерево. *Минотавр* — в греческой мифологии чудовище, полубык-получеловек.

466. *Силены* — в греческой мифологии демоны плодородия, составлявшие вместе с сатирами свиту Диониса.

467. *Жантильная* — от франц. gentil (тонкий, хрупкий). *Монденистый* — от франц. mondain (светский).

468. *Венера Каллипига* (от. греч. kallipyge — имеющая красивый зад) — название одной из античных статуй Венеры. *Борей* — в греческой мифологии бог северного ветра.

Из раздела
«МАНУСКРИПТЫ ДАВИДА БУРЛЮКА»

471. Ст-ние сопровождено авторским примечанием: «Under the influence of Japanese sky......» («Под влиянием японского неба...»). *Кобэ* (Кобе) — город в Японии, на острове Хонсю.

472. *Гала-Петер* — сорт шоколада.

477. *Огасавара* — см. примеч. 269. *Сеози* (сёдзи) — в традиционном японском доме стенные рамы из деревянных планок, на которые натянута тонкая полупрозрачная бумага, пропускающая рассеянный свет. *Нихон'деревня* — неологизм, образованный от слова «нихон» (так по-японски звучит название Японии) и русского слова «деревня».

Из раздела
«РАЗНОЕ»

480. *Трирема* — см. примеч. 26.

481. *Экстер* Александра Александровна (1882—1949) — живописец и театральный художник.

490. *Коло* — колесо. *Серсо* (франц. cerceau) — игра, при которой участники поочередно ловят на палку бросаемые соперниками обручи. *Мамай* (?—1380) — фактический правитель Золотой Орды, организатор походов на русские земли.

Из раздела
«СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЯПОНИИ 1920—1922 гг.»

492. *Маруся* — см. примеч. 274.

494. *Авадзисима* (Авадзи) — остров во Внутреннем Японском море. *Каллиостро* (Калиостро; наст. имя — Джузеппе Бальзамо) (1743—1795) — знаменитый авантюрист и мистик.

500. *Тернеровской акварели...* Тернер Уильям (1775—1851) — английский живописец и график.

501. *Формоза* — второе название острова Тайвань. *Тубероза* (от лат. tuberosus — покрытый бугорками) — декоративное многолетнее растение семейства амариллисовых.

503. *Хиросиге* (Андо Хиросигэ) (1787 или 1797—1858) — японский график, мастер цветной ксилографии.

505. *Содомский грех, пожар Содома...* См. примеч. 374. *Рискуя обратиться в столб.* Согласно Ветхому Завету, при бегстве из Содома Лота с семьей его жена, несмотря на запрет Бога, оглянулась на горящий город и «стала соляным столпом» (Быт. 19, 26).

Из раздела
«СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СТРАНЕ ГОКУСАЯ»

508. *Бонин* — см. примеч. 269.

509. *Палаш* (венг. pallos) — рубящее и колющее холодное оружие с прямым и длинным однолезвийным (к концу обоюдоострым) клинком.

510. Первоисточник перевода (?) не установлен.

513. *Хиросиге* — см. примеч. 503.

515. *Срединное море Японии* — имеется в виду Внутреннее Японское море (Сето-Найкай), находящееся между островами Хонсю, Кюсю и Сикоку.

516. *Санно-Номия* (правильно: Санномия) — железнодорожная станция близ Кобе. *Кобэ* — см. примеч. 471. *Еремия* (Иеремия) — имеется в виду древнееврейский пророк, чьи проповеди и изречения составили ветхозаветные «Книгу Пророка Иеремии» и «Плач Иеремии». *Мария* — см. примеч. 274.

518. *Киобаши, Гинза* — районы Токио.

524. *Кобэ* — см. примеч. 471. *Фрам* («Fram») — норвежское полярное судно, на котором в разные годы совершили плавание экспедиции Ф. Нансена, О. Свердрупа и Р. Амундсена.

Из раздела
«ПОД ДИКТОВКУ ОКЕАНА»

529. *Нью-Бедфорд* (New Bedford) — город на севере США, в штате Массачусетс.

533. *Мартас Виньярд* (Marta's Vineyard) — остров в Атлантическом океане у побережья Новой Англии. *Городок Эдгара* — имеется в виду Эдгартаун (Edgartown) на острове Мартас Виньярд.

534. *Котельва* — село в Харьковской губернии.

536. *«Дыра лесная»* — по-видимому, имеется в виду город Woods Hole (дословный перевод названия — «Лесная Дыра») на полуострове Кейп-Код (США, штат Массачусетс).

Из раздела
«ОКЕАНОСТИХЕТТЫ»

539. *Нью-йоркский залив* — имеется в виду Верхний Нью-йоркский залив (Upper New York Bay).

540. *Воздухо-антропос* — неологизм, образованный от русского слова «воздух» и греческого «ântrōpos» (человек). *Ятаган* (тур. yatagan) — рубяще-колющее оружие (среднее между саблей и кинжалом) у народов Ближнего и Среднего Востока. *Мамелюки* (араб. — невольники) — воины-рабы, составляющие гвардию династии

Айюбидов. *Фелука* (фелюка) (итал. feluca) — небольшое парусное или моторное промысловое судно.

Из раздела

«МОРСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ»

547. *Крипта* (лат. crypta) — в западноевропейской средневековой архитектуре часовня под храмом, служившая для погребения.

549. *Единорог* — мифическое животное с телом быка, лошади или козла и длинным прямым рогом на лбу.

550. Они не знают слово *«амо»...* От лат. amo (любить).

552. *Жиразоль* (гиразоль) — кварц с опаловым оттенком. *Гелиотроп* (от. греч. hēlios — Солнце и trópos — поворот) — род кустарников или разновидность минерала.

Из раздела

«АРАБЕСКИ»

559. *Адово-палаццо* — см. примеч. 240.

562. *Есениным трагическим повесясь...* С. Есенин покончил с собой 28 декабря 1925 г. в номере ленинградской гостиницы «Англетер».

564. Ст-ние очевидно перекликается с «поэмой-миньонетом» И. Северянина «Это было у моря» (1910). *Собвей* — см. примеч. 266.

566. *Эол* — в греческой мифологии повелитель ветров; с его именем связано название музыкального инструмента эолова арфа.

569. *О Нибелунгах песнь*... Имеется в виду немецкий героический эпос «Песнь о Нибелунгах». *Крипты* — см. примеч. 547.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

570—571. Студия импрессионистов: Кн. 1. СПб.: изд. Н. И. Бутковской, 1910.

572—573. «Союз молодежи». При участии поэтов «Гилеи». № 3. СПб.: Союз молодежи, 1913.

574. Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918.

575—576. Стрелец: Сборник первый: Пг.: Стрелец, 1915.

577. Московские мастера: Журнал искусств. М.: Московские мастера, 1916. *Евреинов* Н. Н. — см. примеч. 277. *Сатиресса* — см. примеч. 343.

578. Московские мастера: Журнал искусств. М.: Московские мастера, 1916.

579. Московские мастера: Журнал искусств. М.: Московские мастера, 1916. *Вермель* Самуил Матвеевич (1889—1972) — поэт, издатель сборника «Московские мастера».

580. Газета футуристов. 1918. № 1. *Тризна* — часть погребального обряда у славян до и после похорон, сопровождаемая песнями, плясками и т. д.

581. Газета футуристов. 1918. № 1. Эпиграф — из ст-ния индийского писателя и общественного деятеля Рабиндраната Тагора (1861—1941) «Где мысль бесстрашна и чело гордо поднято...» из его книги «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (1912, пер. Н. Пушешникова).

582. Газета футуристов. 1918. № 1. Эпиграф — из ст-ния Р. Тагора (см. примеч. 581) «На морском берегу бесконечных миров...» из книги «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (1912, пер. Н. Пушешникова).

583—585. Бурлюк Д. Восхождение на Фудзи-сан: Из жизни современной Японии. Нью-Йорк: Издание Марии Никифоровны Бурлюк, 1926. Ст-ния, вошедшие в эту книгу путевых очерков, были написаны, по утверждению автора, во время восхождения на Фудзияму.

586—589. Свирель Собвея: 1-ый Кооперативный сборник: Проза, стихи, картины. Нью-Йорк, 1924.

590. Китоврас: Американский ЛЕФ. 1924. № 1. Август.

591. Китоврас: Американский ЛЕФ. 1924. № 1. Август. Ср. вариант этого ст-ния под загл. «Клопотик» (№ 420).

592—593. Красная стрела: Сборник-антология. Посвящается светлой памяти В. В. Маяковского. Нью-Йорк: Издательство Марии Бурлюк, 1932.

НИКОЛАЙ БУРЛЮК

Из сборника «САДОК СУДЕЙ» (594—611)

594. *Елена* — в греческой мифологии прекраснейшая из женщин, жена царя Спарты Менелая.

600. *Эреб* — см. примеч. 402.

604. *Морфей* — в греческой мифологии бог сновидений. *Вакханки* — в античной мифологии спутницы Вакха (Диониса), бога виноградарства и виноделия. *Арте-*

мида — в греческой мифологии богиня охоты и покровительница рожениц.

607. *Прокруст* — см. примеч. 40. *Лукуста* (Локуста) — знаменитая изготовительница ядов, служившая римским императорам Нерону и Агриппине; от составленного ею яда умер император Клавдий.

608. Эпиграф — неточная цитата из ст-ния В. Брюсова «По поводу сборников "Русские символисты"» (1900) (у Брюсова: «Пять беглых дней...»). *Плеяды* — здесь: рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца.

Из сборника
«САДОК СУДЕЙ II»
(612—618)

612. Адресат посвящения не установлен.

Из сборника
«ТРЕБНИК ТРОИХ»
(619—633)

619. *Сарай* — по-видимому, имеются в виду Сарай-Бату (Старый Сарай) или Сарай-Берке (Новый Сарай), средневековые города, бывшие в разные периоды столицей Золотой Орды.

627, 629. О реакции Хлебникова на эти ст-ния писал в своих мемуарах Б. Лившиц: «— Кто дал ему право, — возмущался он, — навязывать мне поступки, которых я не совершал? Как смеет он подсказывать мне рифму, которой я, быть может, не хочу пользоваться?

Это говорилось не шутя, а с явной злобой. "Crimen laesae majestatis[1]", — промелькнуло у меня в голове, еще начиненной премудростью Юстинииановых новелл. В самом деле, Хлебников считал свое имя неотъемлемой своей собственностью, полагал, что оно принадлежит ему не в меньшей степени, чем руки и ноги: распоряжаться без спроса хлебниковским именем не имел права никто» (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминаиия. Л., 1989. С. 409—410).

Из сборника
«МОЛОКО КОБЫЛИЦ»
(639—650)

«УЩЕРБЛЕННОСТЬ»
Цикл 1-й

645. *Нарым* — река на Алтае, приток Иртыша. *Скудель* — глиняный сосуд; в переносном смысле — все преходящее, непостоянное.

Из сборника «РЫКАЮЩИЙ ПАРНАС»

«КОВЧЕГ ВЕСНЫ»
Мистерия

651. В сборнике «Садок судей» начальные фрагменты мистерии («Предвестия» и «Отплытие») были опуб-

---

[1] Преступление, состоящее в оскорблении величества *(лат.).* — *Ред.*

ликованы без заглавий как самостоятельные ст-ния. *Ланиты* — см. примеч. 17. *Эридан* — созвездие Южного полушария. *Вестингауз* — имеется в виду пневматический железнодорожный тормоз, — по имени его изобретателя Джоржа Вестингауза (1846—1914).

Из «ПЕРВОГО ЖУРНАЛА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ»
(652—656)

653. *Эмаусс* (правильно: Эммаус) — селение в шестидесяти стадиях от Иерусалима, упоминаемое в Евангелии от Луки (Лк. 24, 13), возле которого двое странников встретили воскресшего Иисуса Христа, но не узнали его. Ср. название статьи Д. Мережковского «На пути в Эммаус» (1913).

655. *Крины* (местн.) — лилии.

Из сборника «ЗАТЫЧКА»
(657—659)

658. *Еврейская рубка* — вероятно, имеется в виду еврейский погром.

659. *Репица* — не покрытый шерстью хвост.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

663. Студия импрессионистов. Эпиграф — из ст-ния К. Случевского «Зыбь успокоенного моря...» (<1903>).

664—666. «Союз молодежи». При участии поэтов «Гилея». № 3.

664. Эпиграф — из ст-ния Ф. Сологуба «Целуйте руки...» (<1908>).

667. Московские мастера: Журнал искусств. М.: Московские мастера, 1916. *Ильяшенко* Лидия Степановна (по сцене — Бугаева; 1894—1984) — драматическая актриса; ст-ние навеяно некоторыми мотивами драмы А. Блока «Незнакомка», в которой Л. Ильяшенко, будучи в 1913—1916 гг. актрисой Студии Мейерхольда, исполняла главную роль.

668. Московские мастера: Журнал искусств. М.: Московские мастера, 1916.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДАВИД БУРЛЮК
СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «САДОК СУДЕЙ»

Ранняя редакция

Печ. по: Садок судей. СПб., 1910.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Давид Бурлюк

Николай Бурлюк

СОДЕРЖАНИЕ

ДАВИД БУРЛЮК

Из сборника «САДОК СУДЕЙ» (1910)

Из сборника
«ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ»
(1912)

Из сборника
«САДОК СУДЕЙ II»
(1913)

Из сборника «ТРЕБНИК ТРОИХ» (1913)

Из сборника «ДОХЛАЯ ЛУНА» (1913)

Из сборника «МОЛОКО КОБЫЛИЦ» (1913)

Из сборника
«РЫКАЮЩИЙ ПАРНАС»
(1914)

Цикл стихов
«ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХ ЖАБ»

Из «ПЕРВОГО ЖУРНАЛА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ» (1914)

Из сборника
«ЗАТЫЧКА»
(1914)

Из сборника

«ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО МУЗ»

(1915)

Цикл

«ЗДРАВСТВУЙТЕ M-LLE ПОЭЗИЯ!»

Из сборника

«ЧЕТЫРЕ ПТИЦЫ» (1916)

Цикл

«КАТАФАЛКОТАНЦ»

Осень 1915 г.

Из книги

«БУРЛЮК ПОЖИМАЕТ РУКУ ВУЛЬВОРТ БИЛЬДИНГУ» (1924)

Из книги
«МАРУСЯ-САН» (1925)

Из книги
«ЭНТЕЛЕХИЗМ»
(1930)

Из раздела
«ЭНТЕЛЕХИАЛЬНЫЕ ВИРШИ»

Из раздела
«НА ПОЛКЕ НЬЮ-ЙОРКА»

Из раздела
«РЕГРЕССИВНОЕ НЕЖНИЧАНЬЕ»

Из раздела
«РУДА РУГАНИ ПРОШЛОГО»

Из раздела
«ЭРЕКЦИЯ БОДРОСТИ»

Из раздела
«ТИТЬКИ РОДИНЫ»

Из раздела

«ИЗБРАННЫЕ СТИХИ»

Из книги

«1/2 ВЕКА»

(1932)

Из книги

«БЕРЕМЕННЫЙ МУЖЧИНА»

Опусы из цикла

«КОРЧМА БУРАНОВ»

Из раздела

«ОСТРАКА»

Из раздела

«СИБИРСКИЕ СТИХИ»

Из раздела

«AURUM POTABILE. ГЮНЭ И ГЮНАЙКОС»

Из раздела

«МАНУС'КРИПТЫ ДАВИДА БУРЛЮКА»

Из раздела

«РАЗНОЕ»

Из раздела

«СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЯПОНИИ 1920—1922 ГГ.»

Из раздела *«СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СТРАНЕ ГОКУСАЯ»*

Из раздела *«ПОД ДИКТОВКУ ОКЕАНА»*

Из раздела
«ТОНА ОСЕННИЕ»

Из раздела
«ОКЕАНОСТИХЕТТЫ. СТРОКИ НАПИСАННЫЕ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА. ИЮНЬ, АВГУСТ 1931 ГОДА»

Из раздела
«МОРСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ»

Из раздела
«АРАБЕСКИ»

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

НИКОЛАЙ БУРЛЮК

Из сборника «САДОК СУДЕЙ...» (1910)

Из сборника
«САДОК СУДЕЙ II»
(1913)

Из сборника
«ТРЕБНИК ТРОИХ»
(1913)

Из сборника
«ДОХЛАЯ ЛУНА»
(1913)

Из сборника
«МОЛОКО КОБЫЛИЦ»
(1913)

«УЩЕРБЛЕННОСТЬ»

Цикл I-ый

Из сборника
«РЫКАЮЩИЙ ПАРНАС»
(1914)

Из «ПЕРВОГО ЖУРНАЛА
РУССКИХ ФУТУРИСТОВ»
(1914)

Из сборника «ЗАТЫЧКА» (1914)

Из сборника «ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСВО МУЗ» (1915)

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Д. Бурлюк, Н. Бурлюк

Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. С. Р. Красицкого — СПб.: Академический проект, 2002 — 584 с.

ISBN 5-7331-01163-6

Впервые в таком объеме (593 текста) воспроизводятся произведения, опубликованные при жизни (в период с 1910-го по 1932 г.) одного из основателей футуристического движения в России Д. Бурлюка. В книгу также включены все стихотворные произведения его брата Н. Бурлюка, опубликованные в футуристических альманахах с 1910-го по 1915 год. Без творчества этих поэтов невозможно правильно понять историю русского авангарда и в целом русской поэзии XX века.

Редактор *Я. Левченко*
Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *Н. В. Байдакова*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 29.03.02. Формат 70×90/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Академическая.
Усл. п. л. 40. Уч. изд. п. л. 21. Тираж 2000 экз. Заказ № 3177

Гуманитарное агентство «Академический проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
ВЕСНА-ЛЕТО 2002 г.

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

К. И. Чуковский

Стихотворения / Сост., вступ. статья и примеч. М. С. Петровского.

Настоящее издание — первая попытка представить творчество Чуковского-поэта в полном виде. Разбросанное по множеству книжных, по десяткам периодических изданий, по письмам и альбомам, по государственным и частным архивам, стихотворное наследие Чуковского впервые предстает перед читателем в таком объеме. Печатаются практически все его произведения для детей, сатирические стихи 1905—1907 годов, переводы, значительная часть которых после первой публикации не переиздавалась, экспромты и шуточные стихи, публикуемые большей частью впервые. В "Приложении» — ранний роман в стихах "Нынешний Евгений Онегин», насыщенный реалиями одесской жизни конца XIX — начала XX века, и военная сказка "Одолеем Бармалея», "расформированная" впоследствии самим поэтом по ряду других произведений. Наиболее интересные разночтения в текстах произведений для детей (в том числе извлеченные из рукописей) приводятся в разделе "Варианты». В примечаниях раскрываются драматические перипетии борьбы советской цензуры и "педагогики" со сказками Чуковского.

Книга позволяет по-новому оценить поэтическое наследие классика детской литературы. Он предстает перед нами как смелый новатор, чье поэтическое творчество заслуживает самого пристального внимания и анализа.

В. В. Набоков

Стихотворения и поэмы / Подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. М. Э. Маликовой.

Наиболее полное из всех до сих пор изданных в России собраний поэтических произведений крупнейшего русского/американского писателя XX века. Печатаются многие ранние стихотворения Набокова, затерянные в периодике. В связи с уникальной спецификой двуязычного творчества Набокова в книге публикуются его стихи, написанные на английском языке, к которым примыкают выполненные им переводы собственных русских стихотворений и некоторых классических текстов русской поэзии (Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Ходасевич). Публикуется также ряд автопереводов стихотворений Набокова на французский язык.

К. С. Случевский

Стихотворения. / Подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. Е. А. Тахо-Годи.

Настоящий том "Большой серии" включает наиболее интересные и важные произведения К. Случевского — одного из крупнейших русских поэтов второй половины XIX в., чей дебют был восторженно встречен А. Григорьевым и И. Тургеневым, а закат совпал с триумфом декадентов. До сих пор не оцененная по достоинству поэзия Случевского предстает перед нами как важнейшее связующее звено между поэтическими мирами 1860—1870-х гг. и поэзией символизма и акмеизма. Подробно комментированное издание текстов Случевского подготовлено известным исследователем творчества поэта.

Г. Адамович

Полное собрание стихотворений / Сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. О. Коростелева

В книгу вошли все известные на сегодняшний день произведения стихотворного жанра, принадлежащие перу Георгия Адамовича (1892—1972), крупнейшего критика и поэта русского зарубежья. В основе тома — составленная самим Адамовичем итоговая книга стихотворений "Единство" (1967), в дополнениях — стихотворения ранних сборников "Облака" (1916), "Чистилище" (1922), "На Западе" (1939), а также избранные переводы.

Адамович попытался синтетически объединить в своем творчестве лучшие достижения двух ведущих поэтических систем начала века — акмеизма и символизма, что обусловило одновременно и достоинства его поэзии, и слабости ее. "Парижская нота", выпестованная Адамовичем, стала последней значительной литературной школой не только в эмиграции, но и во всей русской поэзии XX века.

С. Есенин

Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. статья, примеч. К. М. Азадовского

Сборник поэтических произведений Сергея Есенина включает в себя полностью первый том подготовленного самим поэтом трехтомного Собрания, большую часть второго тома (за исключением трех "Маленьких поэм"), практически весь третий том (кроме поэмы "Страна негодяев"), а также значительную часть стихотворений, не вошедших в это Собрание. Поэтическое наследие Есенина представлено, таким образом, весьма полно и в

лучших своих образцах. Вступительная статья и комментарии, написанные одним из крупнейших специалистов по русской литературе XX века, позволяют во многом по-новому взглянуть на творчество одного из крупнейших русских поэтов.

Современная западная русистика

Р. Ф. Густафсон
Лев Толстой: Обитатель и Чужак. Художественное творчество и религиозно-философские искания / Перевод с англ. Т. Бузиной. Ред. Г. Я. Галаган.

Книга профессора Принстонского университета Ричарда Густафсона — попытка реконструкции "богословия" Льва Толстого: целостной системы религиозных взглядов великого писателя, включающей в себя и онтологию, и этику, и эстетику, и политическую теорию. Автор демонстрирует, что именно эта система, основанная на личном религиозном опыте и не претерпевшая, вопреки всеобщему убеждению, радикальных трансформаций после кризиса 1880-х годов, объединяет различные художественные произведения Толстого. Более того, поэтика Толстого, детально проанализированная в книге, оказывается тесно связанной с толстовским богословием, напрямую, подчас, вытекая из него. Книга исследует взаимосвязь психологической жизни Толстого, его литературного творчества и его религиозного мировоззрения, формировавшегося прежде всего под влиянием восточно-христианской мысли.

Л. Флейшман

Борис Пастернак в двадцатые годы

В книге одного из крупнейших специалистов по русской литературе XX века детально, с привлечением огромного массива документов и воспоминаиий анализируется переломный для Пастернака и для судеб русской культуры период. Поэт показан на пересечении всех силовых линий эпохи. Особое внимание уделено взаимоотношениям Пастернака с футуризмом, в частности, с Маяковским и Лефом. В то же время книгу можно рассматривать как своеобразный комментарий к самому "эзотерическому" произведению Пастернака, "Охранной грамоте". Автор сочетает скрупулезность и подробность в освещении биографических и исторических обстоятельств с глубоким и тонким анализом сложнейшей поэтической ткани. В приложении помещены статьи Л. Флейшмана, посвященные дореволюционному периоду жизни и творчества Б. Пастернака.

О. Ханзен-Леве

Русский символизм. Система поэтических мотивов Том 2: Мифопоэтический символизм / Перевод с нем. М. Ю. Некрасова. Ред. А. В. Лавров

Во втором томе фундаментальной монографии известного австрийского слависта О. Ханзена-Леве продолжается целостное рассмотрение поэтической системы русского символизма. Рассмотрен период "младосимволизма" (Вяч. Иванов, А. Блок, А. Белый и др.). Впервые в практике изучения русского символизма предпринимается попытка исчерпывающего описания его художественного мира. По энциклопедическому охвату всех релевантных текстов и всех значимых мотивов монография не имеет себе равных в истории изучения русской литературы.

М. Хайдеггер

Разъясиения к поэзии Гельдерлина / Перенод с нем. Г. Б. Ноткина

Поэзия для одного из крупнейших философов XX века — это не просто некая деятельность в ряду других, но "учреждение бытия", его "свободное дарение". "Сущность языка — а язык, по Хайдеггеру, это "дом бытия" — должна пониматься из сущности поэзии". Более того, поэзия — это "несущая основа истории". А поэзия Гельдерлина — это "поэзия поэзии", проникающая в самую сердцевину поэтического как такового. Цикл четырех статей философа, посвященных толкованию нескольких стихотворений Гельдерлина и собранных им самим в одну книгу, занимает в позднем творчестве Хайдеггера одно из центральных мест. Именно здесь с максимальной яркостью высказываются основополагающие "понятия" его "поэтизирующего" философствования. При этом сами тексты Хайдеггера с их напряженной суггестивностью, торжественной иератичиостью, замысловатым игрословием становятся в не меньшей степени фактом поэзии, нежели фактом чистого мышления, истинным внутренним "диалогом мышления и поэтического творчества", к которому и стремился автор. Человеческое существование, и философия как одна из высших его форм, "должны быть в основе своей поэтическими".

Ю. М. Лотман

Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисловие Ю. Даниэля

В сборник статей крупнейшего филолога XX века Юрия Лотмана вошли его статьи "нефилологического"

характера, посвященные семиотическому анализу произведений изобразительного искусства, театра, культуры как целого. Публикуются как ставшие уже классическими тексты, так и менее известные работы, никогда прежде не перепечатывавшиеся после первых публикаций в малотиражных изданиях. Широчайшая эрудиция, неизменная элегантность и красота мысли, сочетание глубоких обобщений с тонкими конкретными наблюдениями делают эту книгу не только важным пособием для искусствоведов и культурологов, но и увлекательным, доставляющим истинное удовольствие чтением любого образованного человека.

Советское богатство: Сборник статей к 60-летию Ханса Гюнтера / Под ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова

Сборник статей российских и зарубежных ученых, посвященный 60-летию выдающегося немецкого слависта Х. Гюнтера, охватывает самые различные аспекты советского культурного мира и является своеобразным продолжением коллективной монографии "Соцреалистический канон", вышедшей в 2000 г. В первой части (И. Смирнов, Е. Добренко, Б. Гройс и др.) анализируются общие вопросы формирования советской ментальности: роль государства, средств массовой информации, ритуалов и праздников. Среди героев второй части, посвященной литературе, — А. Блок, В. Маяковский, М. Зощенко, жанр мемуаров и массовой песни (статьи Г. Белой, Г. Фрейдина, М. Балиной и др.). В третьей части внимание исследователей (М. Туровской, Т. Лахусена, К. Кларк и др.) концентрируется на проблемах советского киноискусства: от шедевров С. Эйзенштейна до сталинского мюзикла.

Книги
издательства "Академический проект"
(Санкт-Петербург)

Вы можете приобрести в наших магазинах

в Москве:
Магазин "Гоголь" — улица Казакова д. 85
(фойе театра им. Гоголя)

в Санкт-Петербурге:
улица Рубинштейна д. 26;
1-я линия Васильевского острова, д. 42

e-mail: aproject@rol.ru

тел.: (812) 164-8164

работает книга-почтой